

Духовная библиотека

ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА

Монах Герман (Макаров)

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

ХРОНИКА ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

*ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЕЗОНЫ.
ПОПЫТКА СЧАСТЬЯ*

7

ПОИСКИ ИГА ГОСПОДНЯ

63

У ГРОБА ГОСПОДНЯ

164

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

230

МОНАХ

351

Монах Герман (Макаров)

ТРЕТЬЕГО нєдано

ХРОНИКА ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

ОРАНТА
2005

*Автор приносит сердечную благодарность
за помощь в издании книги*

Владимиру Ивановичу Пахатуриди

Олегу Вадимовичу Шевейко

Владимиру Завеновичу Маркаряну

Сергею Александровичу Головину

Владимиру Ильичу Пупко

Василию Васильевичу Вилисову

Владимиру Викторовичу Труфанову

Людмиле Николаевне Гросс

Александру Сергеевичу Харламову

Василию Петровичу Машкову

Александру Владимировичу Шабельник

Андрею Алексеевичу Непша

*и просит молить благочестивого читателя
об этих людях*

© Текст, рисунки, фотографии –
монах Герман (Макаров), 2005

© Макет, оформление –
«Оранта», 2005

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЕЗОНЫ. ПОПЫТКА СЧАСТЬЯ

1977

Начало августа. Таджикистан, Каратегинские горы Южного Тянь-Шаня, Бассейн реки Санги-кар (Глухой камень, *тадж.*), правого притока реки Сурхоб (Красная вода, *тадж.*).

У самой воды доцветают розовые кисти тамарикса. Высокая терраса заросла кустами ергая-кизильника. Чабаны делают из ергая долговечные посохи, геологи — рукоятки молотков. На кустах видны старые срезы.

Медведи-белогрудки сейчас кормятся в долине. Обламывают одичавшие яблони вокруг заброшенных кишлаков (жителей переселили после землетрясения 1949 года), обирают алычу, обрывают виноградные лианы. Медвежьи кучи на тропах переполнены косточками.

Выше других деревьев растет на горах древовидный можжевельник-арча. Красноватая древесина ствола бывает закручена винтом. Горит жарко и малодымно.

На склонах и по ручьям растет много пахучих трав, мята и полынь в рост человека. За день ладони позеленеют от сока и пропахнут.

Пыльный туман-афганец оседает на вянущие травы. Человек и лошадь в маршруте стряхивают эту пыль, глотают и торопятся выйти.

Ближе к снеговой линии и возле ручьев расстет дикий лук-пиоз (*тадж.*). Молодые побеги вполне съедобны. Сквозь луковые перья хорошо пить воду в иссыхающих к осени родниках.

На желтеющих склонах выделяются зеленые пятна. То запозднился конский щавель на бывших стоянках отар. Он один благоденствует на избитой копытами, пересоленной мочою земле.

Поднимаясь со снеговой линией, с весны до осени цветут примулы.

В теснинах рек, в тени близких скал, лежат снежные мосты — тарма (*тадж.*). Лежат от снега до снега и бывают очень кстати. В жаркий день под тармою клубится пар.

Поздним вечером в горах случается миг просветления, после которого быстро темнеет. К этому времени желательно быть в лагере или

на знакомой тропе. Благословенны тропы в горах. Самый короткий путь — по тропе. Казалось бы, можно пройти короче и быстрее, но это не так. Я пробовал много раз.

Возле старых стоянок тропы ветвятся и нужно быть осмотрительным особенно в сумерках.

В каждом новом лагере, зависимо от рельефа, новый расклад событий. На открытых местах кромка утренней тени застает за чаем. Слышно бодрое кудахтанье куропаток. Под скалами спится дольше и кромку тени пересекаем, уходя, сами.

Дрова везем из долины на лошади или собираем на осыпях обломки арчи. Вечерний костер недолог, на один чайник.

В нижнем течении ручья Оби-Сафед (Белая вода, *тадж.*) скалы образуют прижимы. Лошадь под ними не провести. Когда убедишься в этом и сядешь перекурить, то с надеждой глянешь вверх: нет ли прохода? Нет. Зубцы сланцевых

скал прилегают наподобие перьев в крыле. На остриях перьев растет арча. Нигде вокруг не растет, лишь на остриях. Птицы занесли семена, птицы любят такие места. Закат в этих горах неяркий: двухцветная розово-голубая полоса. Над вершинами — бледно-голубая, выше — розовая. Первая расширяется, вторая отходит вверх, исчезает, и над горами темнеет.

Завьюченная лошадь идет в гору рывками и тычется мордой в спину. Тропа набитая и крутая. Пыль на тропе пахнет мумие.

В узких местах лошадь не рассчитывает на габарит груза и может столкнуть себя в пропасть.

Второго октября на вершинах клубились тучи. Третьего выпал снег и распогодилось. Но в маршрутах уже мерзнут руки, надоела тушеная конина, стерлись трикони на ботинках.

Внизу, в долине Сангикара, терпко пахнет ореховая листва.

1978

Южные отроги Алайского хребта. Бассейн реки Ярхыч. За неделю в июне с гор стаяло много снега, и ручьи переполнились. В маршруте сел передохнуть и смотрел, как дергаются на быстром течении затопленные ивовые кусты.

У всякой реки есть тропа от устья к верховьям. По берегу или в обход. Если сбился, то иди на приметное дерево или камень. Скорее всего тропа их не минует. Эти тропы сначала узнаешь, а потом медленно забываешь.

Ветер шуршит подсохшими листьями ревеня, выдувает золу из очага между двух камней.

Тропа по Девонасу (Сумасшедшая вода) ведет через перевал Алайского хребта в Киргизию. В среднем течении у тропы на глыбе известняка выбиты четыре горных козла-киика. Так давно началась тропа.

После маршрута собирал на берегу Каракрума (Черные камни, киргиз.) галечки для Кати и повстречал усыпанный спелыми ягодами куст черной смородины.

Оглянешься, уходя: кострище, остатки хвороста, ворох вялой травы под спальник.

Новый повар по имени Пулат заварил для кайфа листья дурмана и угостили.

— Что за отвар? — Чабан научил. — Ночью кто спал, кто прятался. Сутки плохо говорили и видели. Потом узнали, что дурман.

Весною здесь цвели согдийские эремурусы. Отгорали, как свечи, но снизу вверх. Остались сухие стебли.

Ночью проснешься: светло от луны и слышно, как под водой в реке глухо перекатываются валуны.

Вечер. Разошлись по палаткам, зажгли керосиновые лампы и опять о работе, о городе. За палатками на сереющем небе — самые ясные в жизни, самые четкие профили гор.

Выйдешь в конце маршрута на воду, припадешь к ней губами и пьешь. Или срежешь из дудника трубку и тянешь через нее. Или наберешь во флягу и пьешь, сидя на камне. Такие варианты.

Встречаются свежие крупноглыбовые осыпи, в которых камни еще не притерлись. Это опасно.

Приходишь на развилку речек, отпускаешь коней на траву, ставишь палатку, разжигаешь костер, пьешь чай и доволен.

Всяко бывало, но вот идешь из маршрута с осенней веткой рябины, сорванной в ущелье, а потом запахнет дымом из лагеря.

Верховья реки Пизан, правого притока реки Тамдыкуль. Снег выпал седьмого октября в полдень. Еще будет потепление, но с теневой стороны снег уже не сойдет.

Снится, будто прыгаешь через ручей, но сточенные трикони скользят по валуну. Дернувшись, просыпаешься и думаешь, что на камне остались блестящие металлические штрихи.

Шел из маршрута. Солнце село. Дул слабый встречный ветер. Перешел ручей, нагнулся и бросил в рот горсть воды. Снова шел, есть перехотелось, взошла луна.

В лагере вечерняя тень. Далеко на востоке видны две освещенных горы. Над ними зеленое небо.

На слиянии истоков Пизана, на галечной косе, разожгли костер. Ажурные ветки тамарикса, качаясь, чернели между мной и огнем.

Девятнадцатого октября, спускаясь вниз, вышли из облачности с мокрым снегом и вошли в дождь. В такие сырье дни хорошо разносятся запахи. Пахло хвоей от арчовых деревьев и потом от лошадей. От лошадей шел пар, и они иногда скользили на раскисшей тропе.

Хорошо видно, как остывает земля. Необычные для этих мест туманы отрываются от склонов и поднимаются в небо.

1979

Конец мая. Каратегинские горы. Правобережье реки Сурхоб в районе горы Тахта.

Верхняя половина съемочной площади лежит в снегу, на уровне двух километров цветут красивые тюльпаны.

С водораздела рек Ясман и Сурхоб прекрасно выглядят снега на хребте Петра Первого.

В маршруте набрел на медведя. Он неспеша, оглядываясь, убежал. Это его место. Видно, что он питается сейчас, в основном, кислячкой-ревенем. Мы тоже варим из нее компот.

Написал сказку.

B.M.

Небольшого роста коричневый медведь жил на теплом отроге высоких заснеженных гор.

Сейчас он пробирался в густой траве по верху отрога, обнюхивая свою прошлогоднюю тропу. Он обошел большой, покрытый узорами лишайника, камень и вспомнил, что под ним он любил лежать в ненастные дни.

Все здесь было проверено годами. Медведь привык, что в жизни мало что меняется. В одном и том же месте на тропе он встречался из года в год со старым сурком, чтобы поговорить при закате солнца о погоде на завтра. В одном

и том же месте на скалах вили гнездо орлы. И каждую весну расцветали тюльпаны. Он старался не мять их и при случае стряхивал с них жуков.

— Тюльпаны — улыбка весны, — пел он солнечным утром, и его черный лаковый нос покрывался желтой пыльцой.

Снежные горы тоже были частью его жизни. Он не задумывался: смог бы или нет жить без них. В жаркий полдень он жевал кисло-сладкие стебли ревеня, и взгляд его бездумно скользил по белым снегам.

По долине реки иногда выше, иногда ниже его тропы пролетали маленькие самолеты. В непогоду они не летали. Непогода была им не по нраву, как и медведям. Поэтому медведь чувствовал к ним симпатию. Он провожал их, пока они не скрывались за ближайшим поворотом долины. Что они делали дальше, он не знал.

Иногда медведь ходил с просьбой к орлу. На полусогнутых крыльях орел проносился со страшной скоростью по скальному кулуару. У медведя все сжималось внутри, а потом отпустило, когда орел ложился крылом на ветер.

Так проходила его жизнь, пока не случилось вот что.

Летним вечером на камень рядом с лежащим на траве медведем опустилась ласточка.

— Добрый вечер! Хотя в Африке сейчас утро.

— Неужели?! — поразился медведь и посмотрел на закатное солнце.

— Да, утро, — грустно подтвердила ласточка, — и раскрываются лотосы. Но мне больше нравятся тюльпаны.

— Мне тоже! — обрадовался медведь. — Вам какие нравятся больше: с острыми лепестками или с круглыми?

— Мне нравятся просто красные тюльпаны.

— В самом деле, — согласился медведь. — Какая разница?

— А вы когда-нибудь летали во сне?

Нет. Однажды я падал с обрыва. Мне не понравилось. Но куда вы?

— Солнце зашло. Мне нужно укрыться. Я очень мерзну ночами в этих горах.

— Вы можете ночевать у меня. У меня теплая шерсть, и сплю я всегда спокойно.

На этот раз медведь долго не мог уснуть, но лежал неподвижно, боясь потревожить гостью. С этих пор они стали друзьями.

Грациозно и нервно ласточка летала над зелеными склонами. Медведь степенно ходил по тропе, смотрел на нее и про себя улыбался.

— Ты когда-нибудь был в тех снежных горах? — указала крылом ласточка.

— Нет. Я люблю смотреть на них отсюда.

— Что ты! Летом снег так свежо пахнет.

— Как после дождя?

— Как снег в жаркий день.

— Я представляю, — сказал медведь. — У меня развитый нюх.

В середине лета над здешними горами проплывало облако — белый слон. Ласточка подарила его медведю. Медведь проводил его до го-

ризонта, и с тех пор нигде, никогда, ни у кого в жизни больше не было такого облака.

— Расскажи мне, как ты летаешь, — попросил однажды медведь.

— Я не знаю, как рассказать.

— Ну, вот я представляю, что это очень радостно. И далеко-далеко видно.

— Ах, вот ты о чем! Нет. Когда я летаю, то вокруг меня нет ничего. И меня тоже нет. Я — закат, я — облако, я — зеленая долина.

— А меня? — расстроено спросил медведь. — Трава зеленая, а я коричневый. Меня ты тоже не видишь?

— Конечно нет, — улыбнулась ласточка. Ничего тут не поделаешь. Ты же не хочешь, чтобы я была орлом?

— Ни в коем случае! — испугался медведь.

Меж тем склоны желтели. Трава становилась сухой и ломкой. В горах появились незнакомые птицы. Они падали в траву, тут же засыпая. А утром их уже не было. Начался перелет.

— Может быть, медведи тоже уходят на зиму в Африку, — подумал медведь и пошел спросить у сурка.

— Чтобы попасть на зиму в Африку, — засмеялся сурок, — тебе нужно уходить весной.

— Ты прав, — грустно согласился медведь. — И нечему тут смеяться.

В самый последний день, утром ласточка оглядела краешки своих крыльев.

— Все в порядке. Я готова.

— Тебе хорошо, — не выдержал медведь. — А я всю зиму просплю.

— Вот и хорошо. А весною мы снова встретимся.

— Что же тут хорошего? И так мало жить.

— Если жить, то хватит! — взлетая, крикнула ласточка. — Когда же ты вернешься? — закричал медведь.

— Когда расцветут тюльпаны! — донеслось до него.

Он долго всматривался в знакомую синюю даль, но она была очень глубока.

Перед тем, как залечь спать, медведь долго убеждал себя.

— Мне будет сниться Африка. Что мне будет сниться? — Африка.

К сожалению, Африка ему не снилась. Весна пригрела один бок, и он заворочался. Что-то приятное почудилось ему, а потом нахлынула тревога.

— Проспал! Уже расцвели! — но еще только пробивались росточки из талой земли. Прошлогодняя тропа не успела зарасти свежей травой.

Быстро управившись со всеми делами, медведь начал ждать. Проходил день за днем. У тюльпанов появились бутоны. Глядя на них, медведь ворчал.

— Раньше всегда зацветали вовремя. А теперь не дождешься. Но наступило утро, когда раскрыли свои чашечки первые десять

красных тюльпанов. Медведь осторожно сорвал их и взобрался на самый высокий камень.

Ближе к вечеру все меньше и меньше оставалось у него надежды. Зато в сумерках появилась уверенность в завтра. И так происходило изо

дня в день. Во всю цвели тюльпаны, и каждое утро медведь срывал новые.

Ему очень хотелось поговорить с кем-нибудь о ласточке и о своей тревоге.

— Добрый вечер, сурок! Хотя в Африке сейчас утро.

— При чем здесь Африка? — раздраженно спросил сурок. — Надоела мне эта сырость.

— А в Африке в основном сухо.

— Ты там был?! — разозлился сурок. — Это она тебе напела. Сама сейчас с крокодилом. Лотосы нюхают. А ты, как дурак, торчишь на камне.

— Глупый ты зверь! — сокрушенno ответил медведь. — С тобой об Африке не поговоришь. До свиданья.

В эту ночь медведь спал беспокойно. Ему снились крокодилы и лотосы. Утром он пошел к орлу.

— Ты не мог бы взлететь так высоко, чтобы увидеть хотя бы краешек Африки?

— К сожалению, нет. Я не могу разглядеть дальше Китая.

— Но, может быть, она сейчас над Китаем?

— Хорошо. Я посмотрю, — плавными кругами он набрал высоту и застыл. — Над Китаем песчаная буря. Птицы не летают в такую погоду.

Медведь поблагодарил орла и уже без всякой надежды пошел собирать тюльпаны. До полудня он бродил по склонам и, наконец, нашел десять еще не отцветших. Но у десятого тюльпана отвалился один лепесток. Медведь приставил его

на место, и в это время быстрая тень метнулась по траве.

— Привет! Ты еще помнишь меня?

— Вот! — сказал медведь, показывая тюльпаны. — Они цветут. Здравствуй!

09.06

Красные маки на обочине, белые горы, встречный грузовик с пластмассовой пальмой под ветровым стеклом — это промелькнул день.

Зацветает юган, у куропаток появились птенцы. Цветут белые и розовые эремурусы: цветоносные стебли в полтора человеческих роста. Так и тянет стать под них для масштаба.

Сбежав с водораздела, ложусь в тени куста дикого миндаля. Рядом валяются, остывая, отриконененные ботинки.

В конце письма можно написать так: «Ну, будь. Больше нет настроения писать». Или вот так: «Уже ночь. Буду засыпать и думать о тебе».

В жару возле кустов желтых горных роз стоит густой благовонный аромат. Пахнет Востоком, Персией. Для ботаников — это зона высокогорных розариев и эфемеридных полусаванн.

Долина Ясмана — долина мазаров. После землетрясения 1949 года здесь никто не живет. Мазары огорожены, над ним шесты с рогами кийков. Высокая трава.

В сумерках иной куст шиповника не успеет закрыть белые цветы и стоит видением у тропы.

Вечерний со снега ветер разбавляет приторный аромат джиды и доносит нежный запах июня. Заходит звезда.

Конец июня. Снеговая линия поднялась на высоту трех с половиной километров. Ночью созвездие Скорпиона восходит во всем великолепии. Днем его прототипы угрожают шипом из-под горячих сланцевых плит.

А вот — это кончается первая треть августа. Впереди, над всадником, взлетело белое облач-

ко — это Серега закурил, Серега Лазари迪. Лошади по каменистой тропе идут медленно, и можно покурить.

В верховьях Каракум закрыт сплошной, с редкими окнами, снежной тармой. Стоянка чабанов-киргизов. На заходе солнца старик долго и громко молится. Всю ночь у входа в юрту горит керосиновый фонарь.

Середина августа. Палатка на морене под горой Душоха (Двурогая, *тадж.*). Вокруг гряды серо-голубых гор. Свежо. Пить в маршруте уже не хочется. Просыпаюсь от холода, закуриваю, смотрю ранний восход и досыпаю.

Начался афганец. Пыль поднялась до высоты четырех километров и замерла. Выше — чистое голубое небо.

Весь день вели вниз завьюченных лошадей. Стемнело. Мерный скрежет триконей и стук подков. Искры и запах кремня.

Последние дни августа. Стоим на реке Санги-кар в урочище Даштибет (Местность ив, тадж.).

Перешел вброд реку, сел, вылил из ботинок воду, осмотрел горы.

Это осень? — Да. Она.

В долине стоит на корню высокий сухой бурьян. Выходишь из него, как пес, в репьях и долго обираешься.

Делювий на склонах окаменел. На крутых участках приходится, как на льду, вырубать молотком ступени.

Всю ночь лошадей что-то пугает, и они бегают, топоча. — Ружья нет, а ракетой не поджечь бы сухую траву, — так я думаю и засыпаю. Потом снова просыпаюсь от топота. — Не убежали бы, — опасаюсь и засыпаю до утра.

Вторая половина сентября. Верховья речки Мульяоусафед. По брезенту стучит снежная крупка. Крик улара. Волнами проходит облачный туман. С ближней стены изредка срывается камень.

По припорошенному леднику стало легче ходить. Обхожу скальный цирк по кругу, возбуждая альпийских галок.

Перебросились вертолетом в соседнюю долину Оусафед. Рядом вода и много арчового сушкика. Все, что нужно. Венчики сиреневых астр присыпало снегом.

Ночью на 24 сентября палатка прогнулась под снегом. Не хватило трех маршрутных дней.

1981

Апрель. Карагинские горы. Лагерь стоит вблизи Хайтского завала 1949 года.

Зеленые острия эремурусов пробились на свет из черной земли. На скалах и осыпях розовеет вуаль цветущего миндаля. Корявые серые кусты с розовыми цветами.

Неожиданно из поймы Сурхоба поднимается пыльная мгла. Горы заволакивает. Видимость до километра, солнце — белый кружок. Водка хрустит на зубах при полном безветрии.

Начало мая. Над Заалайским хребтом гигантские клубы облаков-кумулюсов. На их фоне — горизонтальные полоски стратусов. Небо переливается через край.

Расцвели тюльпаны, ползают черепахи и змеи, вода в Сурхобе поднялась и покраснела.

С утра над хребтом Петра Первого стоят облачные трубы. После полудня в Карагине идет дождь. Прервав маршрут, мокрые, сидим под нависшим камнем. Вода стекает Итибеку в ботинок, но он не реагирует.

В верховьях ручьев тают комковатые лавины и приподнимается поваленный ими тальник.

Начало июня. Проходя из верховий ручьев к устью, наблюдаешь все циклы зацветания желтых роз и шиповника.

Слияние рек Назар-Айлок и Дараи-Пиоз (Луковая река, *тадж.*).

На высокую зеленую траву медленно падает снег. Падает и падает и пригибает ее. В мокрых скалах визгливо кричат альпийские галки.

Длинный затяжной подъем к ручью Шикорхона (Охотничий дом, *тадж.*). Лошади в мыле. В голове красный туман.

Август. Долина Карагушхона. Заброшенный кишлак Шаур. Ночью под тутовые деревья приходят на кормежку кабаны.

Кончается август. Верховья реки Сободай. Чистый горьковатый воздух. Весь сезон понемногу снежит.

Работе нет конца, как нет конца природе.

Проходит между тем еще один сезон.

Сложением снеговых прослоек происходит

На здешних ледниках скопление времен.

Урочище Дастихирсон (Медвежье место, *тадж.*) в верховьях реки Камароу.

По небрежности каюра ночью на крутом склоне удавилась лошадь.

Ко дню рождения Юры Агафонова в маршруте встретились редкие, тем более в это время, темно-красные пионы.

Тридцать первого августа, в полдень, проводил на юг журавлиную стаю. Здесь они не водятся. Летят над Тянь-Шанем и Дарвазом.

Сентябрь. Низовья реки Камароу. Трава пожухла. Метеорологи выпрямляют погнутые прошлогодними лавинами снегомерные рейки.

Скоро зима? — Скоро.

Ровный стук дождя по брезенту. Поспеваю орехи. Желтеют тополиные листья.

+ + +

*Дорога далека. Такой судьбе покорен,
Благодари, что в ней цветет своё цикорий.*

*Когда других цветов в осеннем нет помине,
Среди сухой травы — синее неба синий.*

*И ты идешь свое, одна гора такая,
Подходы к ней одна река пересекает.
Идешь себе один, вокруг цветет цикорий
И нет тебя еще за этою рекою.*

Октябрь. Долина Сорбога. На островах — оранжевые кусты облелихи. Боярышник осыпает крупные оранжевые ягоды. Их нижут в бусы.

Мазар. Стариk говорит, что сильный мазар: ишан похоронен. Лавина не берет, не доходит.

Светлого времени в сутках осталось мало. Чтобы успеть на тропу до темноты, весь обольешься потом. На тропе уже можно не спешить. Как-нибудь дойдешь.

Вторая половина ноября. Ручей Джадр на правом берегу Сурхоба. Закат проектируется на белое полотно хребта Петра Первого. Потом быстро темнеет, и в кишлаках по долине Сурхоба зажигается свет.

Гроздья синих ягод на безлистых барбарисовых кустах. Пасмурно. Ветер срывает ворон с верхушек ореховых деревьев.

Двадцатого ноября в полдень на склонах стали возникать клубы тумана. Он затопил всю долину, поднялся, и началась метель.

1982

Последняя треть мая. Карагинские горы. Бассейны ручьев Джадр и Азора, впадающих в Сурхоб. Молодые мощные побеги ферулы в долинах дают знать о силе Тянь-Шаня.

Первые маршруты. Отвыкшее тело ноет сквозь сон. Под утро идут дожди. В мокрой траве быстро отсыревают ботинки.

Убежали с Галей от медведицы. Они водят сейчас малышей и при встрече отгоняют людей.

Карагач (черное дерево, тюрк.) растет на ма-зарах. Густотой кроны похоже на кипарис, как и он — дерево печали.

Верховья Джрафа закрыты снегом. Черные проталины. Анемичные бледно-фиолетовые ирисы и примулы. Нежная ранняя весна. При-ветствовал ее зеленой ракетой.

Переехали в устье реки Сорбог. Поставили лагерь среди ивняка и тамарикса. Поставили и поехали в Джергиталь на восточную рамку пло-щади, в поисковый отряд, к Паше.

Крайний справа в ряду — Юрий Агафонов

На обратном пути ГАЗ-66 разбился, падая с дороги в обрыв. Погиб Юра Агафонов, погиб случайный попутчик памирец, ранило меня.

1983

Кончается май. Карагинские горы. Плато Наскак в междуречье Сорбог-Сангикар.

Съездили в Куляб на Юрину могилу и начали новый сезон. Идут дожди с градом. Лопухи вокруг палаток стоят с пробитыми ушами.

Над высокой травой царствуют розовые эремурусы. Гудят пчелы.

— Сплю, сплю, — печально кричит сова. Почему печально? Кому?

Переехали в долину Сорбога. Зарезали барана. Обедаем и смотрим, как на другом берегу тянутся в гору отара, чабаны на ишаках и собаки.

Середина июня. После ночных дождей в высокой траве душно. Оглядишься, будто выбираешь дорогу, переведешь дух и пойдешь, как шел.

Снега на горах тают незаметно глазу, как распускаются цветы.

На затяжном подъеме хорошо отвлечься чем-нибудь прошлым, но лица друзей уже не годятся — в тумане.

Окончание июня. Сделали пешую выброску в долину реки Дубурса, в подножье Зеравшанского хребта.

Утром ополоснешь лицо, чай, сигарета, пара слов. Взял полевую сумку, молоток, встал и ушел вдоль реки по камням. Возвратился в сумерках, остудил в речке ноги, подсели к огню. Ужин, чай, сигарета и то, что случилось за день.

Бассейн реки Гориф. Акбаибиобский ледник. Принес из долины незабудки для Снежной девы, и их замело послеполуденной метелью. Внизу шел дождь. Еще тепло.

Два дня под яблонями Гармского аэропорта. Караулил и уговаривал пилотов. Высадились в урочище Чукур-Айлок, на хребте Кабуд-Крым. Отрядный пес Берг от радости тычется мордой в снег. Здесь хорошее эхо, и он с удовольствием лает.

Осмотриваешь обнажение гнейсов, обдумываешь его, записываешь в полевой дневник и находишь себя идущим вверх по склону среди незабудок.

Работу сделали и ждем вертолет. Рабочие наигрались в карты, натренировались в метании ножей, начитались, запаслись золотым корнем, выспались, обложили повара и начали галлюцинировать. У всех стрекочет.

Середина августа. Верховья реки Каняз. Солнце заходит за вершины Барзангинских гор. Ручей к утру обмерзает льдом. Цветут маленькие желтые маки.

Внизу горит чабанский костер, вверху — вечерняя звезда. Сумерки. Особый час.

Изорванные маршрутные брюки ночами лежат в ногах, у входа в палатку, но нет добрых фей.

Начало сентября. Долина Сангикира. В маршруте колючий блестящий ворс с высохших стеблей шток-роз попадает за ворот рубахи. Все брошены на поиск кварцевых жил. Призрак серебра навис над лагерем.

Вторая половина сентября прошла на Памире. Пил зеленый чай под чинаром в Калаихумбе, смотрел из Мургаба на Музтаг-Ату (Отец снежных гор, 7646 м).

Начало октября. В долинах Каратегина убирают последние, зимние, яблоки. По мелким ручьям изобилие спелой ежевики. Начинаются моросящие дожди. Вершины припорошило.

1985

Начало июня. Каратегинские горы. В бассейне реки Хиштирохи цветет жгучий юган. Склонны желтые от его цветов. Бледная зимняя кожа вспухает на неосторожных руках.

Колчеданно-полиметаллическое рудопроявление. Ладони черные от сернистого железа. Вода в ручье с железистым привкусом.

Узнал еще одну тропу. Вот здесь она ненадолго теряется, сейчас пахнет цветущей джидой, здесь живут удоды.

Триконы обмялись по ногам, и я завел к ним кожаные шнурки.

Глянцевые страницы полевого дневника на солнце обжигают глаза, как снег.

В начале маршрута соловьи допевают утреннее в кустах на террасе.

Величественная островская растет в ореховой роще. Попав в кухонную палатку, она обмерла в банке, как в скверной истории. Обтрепался подол лилового платья.

На излете маршрута вокруг зеленые ближние и белые дальние горы. Все хорошо и ничего

плохого. И раньше такое было и, возможно, будет еще.

Ночью на свет керосиновой лампы приползают фаланги.

Если в порядке ноги, то просыпаешься с удовольствием.

Ношу в маршруты термос. Пью на солнцепеке горячий чай. Для обратного пути наблюдаю из-под снежника прошлогодние выюги.

Наверху вечное действие: стаивает снег, и расцветают цветы. В траве лежки медведя. Он так крепко спал под аркой, что поздно нас учудил. Все испугались.

Горы в снегу, как хорошо убранная женщина.

Конец июля. Горный узел Душоха. Сине-зеленое озерцо. Снег сползает в воду, на снегу следы из вчерашнего маршрута.

Белеет карбонатная грязь. Под ней шесть лет назад стояла палатка. Там растет золотой корень — родиола памиро-алайская. Там перед

сном я подсчитывал заработок за сезон и разделял без остатка. По дороге туда с завьюченными лошадьми всегда хотелось пить.

От вертолетных колес остались выемки. Сел возле них. Время маленьких желтых цветов на высоте.

Над Кабут-Крымом и Петром Первым встает желтая грешная луна. Одиночно плывет среди четких и острых звезд.

Неделю натурально держали уши по ветру, ожидая вертолет. По радио сообщили, что погиб Юра Глущенко.

Верховья Ярхыча. На каждый шаг из травы взлетает рой кузнецов. В прозрачном насквозь озере живет сытая ленивая форель. Кончается август.

Вода в Ярхыче серебристо-серая, цвета сумерек. На склонах редкие рябины — красные кисти. Пожухла на корню и запахла трава. Этот запах — от анемии.

Третий слева — Юрий Глушенко

Конец сентября. Долина Союдиона. Виноградные лианы на ивах увешаны гирляндами сизых и желтых гроздей. Надавили сока. Бахус торжествует.

На пыльных бараньих тропах — четкие отпечатки морщинистых медвежьих подошв. Созрели орехи. Сухая трава в пыли от бесконечных афганцев.

Десятого октября переехали в долину Санги-кара, и в эту ночь до уровня трех километров лег снег. Ниже шел дождь. Начался сезон дождей и туманов. И снега.

Следующим рывком через десять дней снег лег на два с половиной километра. Желтые деревья в долине, дожди, осенние шампиньоны. В палатке, в ящике, лежит айва, запах сочится сквозь щели.

Маршруты меж дождями. Вдруг замечаешь, что цикады ночами не звенят. Снег на дальней горе вечерами розовый.

1986

Май. Монголия. Хангайское нагорье.

Местность двулика: северные склоны заросли лиственничным лесом, южные — травой. На перевалах, вершинах, у родников стоят обо-ритуальные конуса из камней и шестов. На них возложены черепа животных, бутылки, обломки автомашин, спички.

Межгорные долины-степи и долины-тундры с болотными кочками, мерзлотой, карликовыми ивами, гусиными озерами.

Юрта. Свеча. Трещат лиственничные дрова.

На водоразделах — гранитные останцы, а в них — эоловые арфы, альпийские галки, мумии.

Равнина усеяна выбеленными костями. Далекий всадник. Вороны клюют падаль.

Сырое мясо долго сохраняется без обработки. Покрывается сухой пленкой и висит в юрте неделями.

Начало июня. Маршрут через лиственничный лес. Лакированные брусничники. У ручьев яркая оранжевая азиатская купальница-жарок.

Одиночное стойбище. Старуха подкладывает в огонь кизяк-аргал. Соленый молочный чай.

Сухая морковь, сухой картофель, сухой лук, но и сухой табак.

Нагорные криосолифлюкционные террасы — тундро-степи. Горы с плоскими крышами и облака с плоскими днищами.

Тюркское захоронение. Птицы сидят на каменных головах.

Середина июня. Ночной снег. В озеленевших лиственничных лесах сошлись на время поздний снег и новая хвоя.

Весь день низкая облачность, сырой снег. По долине Хойт Тэрхийн гол с визгом разбегаются тарбаганы. В тумане — журавли, утки, чайки возле большого озера Тэрхийн Цаган нур. Озеро поддерживают излившиеся в плейстоцене базальты. В озере щуки.

Покров черных пористых базальтов, на нем лиственничный лес, степь и сомон Тарят. Рядом пять вулканических конусов.

Женщины весь день со скотом, у очага.

Птицы живут рядом с юртами, потому что их не едят. Журавли, гуси, утки-турпаны, чайки, вороны, канюки, сороки.

Все из лиственницы: заборы, дрова, двухколесные арбы, колеса на арбах.

На камне в борту долины выбита по-тибетски мантра «Ом мани падме хум» — « Славься жемчужина в цветке лотоса».

Утро, нагорная терраса. Силуэты лиственниц в тумане. На вскрытом грунте осколки кристаллов пиропа, хризолита, санидина — месторождение Шаварын Царам. Бисер с верхней мантии Земли.

Конец июня. Северная Монголия. Аймак Мурэн. Зеленые крыши госучереждений. В межгорной степи поднялась серебристая полынь-ая. На склонах алые саранки и зеленого серебра эдельвейсы.

Начало июля. Улан-Батор. Богдо ула (Святая гора) при облаках крупнеет. Обрывки тумана на горах лежат по-китайски.

Под высоким сводом хвойного леса идет и стреляет из лука мальчик. Земля заросла земляникой. Мальчик самозабвенно стреляет из лука вверх. Лиственницы высоки. «Что вы меня бросили?!» — кричит он мне с Катей.

Над Северной Монголией дожди. Южный край сибирских маршрутных дождей.

Поздний день. Солнечные иглы сыплются в речную яму. Неровности горного рельефа на-против солнца залиты голубым.

Вода в Дэлгэр-Мурэне утром парит, горы фиолетовые, луна белая, на лебеде роса.

Начало августа. Хангай. Сочная зелень, белые юрты, сытые верблюды с налитыми горбами. Десятки километров по эдельвейсам. Журавли собрались в стаи. В этом году любви больше не будет.

За кисейной завесью дождя — далекие синие страны и великие облака.

Птицы полируют лапами верхушки редких в степи камней.

Когда горизонт обложен грозовой темнотой, светлеет рядом, светлеет до тихого сияния.

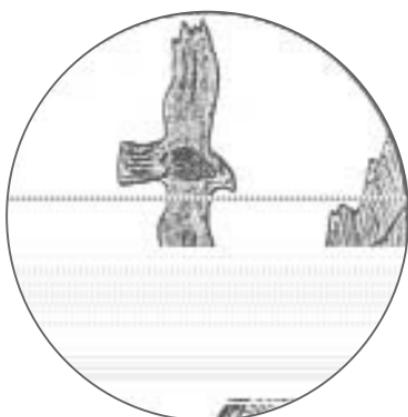
Темно-зеленый лес в мороси дождя. Печка в юрте топится круглосуточно. Поспела жимолость.

В курумах под водоразделами — ягодники: смородина, жимолость, крыжовник, барбарис.

Молния обвила лиственницу белым спиральным шрамом. Пусть помнит.

Начало августа. Южная, гобийская, сторона Хангая. Рельеф гор острогребенчатый вогнутый в отличие от выпуклого на северной, сибирской, стороне. Цвет местности бурый и коричневый — цвет камня и лишайника.

Много хищных птиц. На каждом приметном камне застыл пернатый сфинкс.

+ + +

*И заплачет на скалах канюк,
И умножит число кругов.
Я, уйдя к другому огню,
Не услышу уже его.*

*Так и будет он здесь кричать,
Но жилое место мое
Станет диким песком опять,
Обовьется серой змеей.*

*И над миром с тех пор воцарит
Двуединая горькая явь,
Где не слышен канючий крик,
И который не слышу я.*

Брод через речку, на пригорке юрта. Отец зашивает сапог, мать курит трубку, дети играют.

Вечерний запах травы и низкое солнце сжимают горло.

Смотрю из юрты в проем двери: речка, скалы на том берегу. Под скалою прошел як-сарлык. Вода пожелтела — это закат. Пора разогревать ужин.

Растительность группируется в подушки. Подушечные полынь и крапива. Долины-полупустыни. Дресвяники, покрытые бурым и голубым лишайником. Далекая гора Отгон-Тэнгри с косым треугольником снега. Ранние закаты лимонные, позже сине-зеленые.

Рощи камней. К высохшим озерам сходятся радиальные тропы.

Приятные слова: ветровка, дождевик, пыльник.

Конец августа. Вечером сидел у воды. Две речные чайки, догоняя друг друга, кричали.

Дымы придорожных юрт стелются над землей, мокрый снег. Одной рукой люди прикрывают лицо, другой придерживают рвущиеся одежды.

Долго ехали по пятнистым кустарниковым долинам. К ночи приехали в аймак Улясутай. Перед сном видел опаленные снизу облака.

Проснулся с приятнейшим чувством расположения к жизни. Пахло пылью и бензином. Разжег примус и поставил закипать воду. Двое воронов пролетели в светлеющем небе.

В полдень марево приподымает над землей далекие юрты и отдельно стоящие горы.

Повсюду гранитные формы выветривания — надгробья, шары, матрацы. На горизонте сгорбились странники — гранитные останцы.

Смотрел на желтый, с оранжевым и бледно-зеленым, лес и насытился этими цветами. Потом собирая на ветру в курумах сизую холодную жимолость.

Утром в лесу хрустит и ломается мерзлый мох. Караваны двухколесных арб, запряженных сарлыками, тянутся к сомонам. Кочевья перед зимой сбиваются в кучу. Хвоя на лиственницах высохла, посерела и осыпается, легкая. Хвойный запах крутит колесо воспоминаний.

Возле стойбищ запах кизячного дыма, на юртах сушатся лепешки кислого сыра. Серый день и лес с тайными россыпями брусники. На закате цвета взыграли и погасли, но край неба еще долго оранжево тлел в темноте на холодном ветру на подъезде к Мурэну.

Двадцать четвертого октября по Дэлгэр Мурэну зашелестела шуга. Над юртами пласт утреннего печного дыма.

1987

Пятнадцатого мая к вечеру переехали Селенгу. Узкие межгорные степи с цепочками вязов вдоль временных водотоков. В сухой траве маленький зеленый подшерсток с аметистовыми каплями прорастала.

На закате шестнадцатого мая подъехали к семисотлетней каракорумской черепахе. Она лежит в степи под стенами монастыря Эрдэни Дзу (Сто драгоценностей). Вокруг обломки глазуро-ванной черепицы с зеленых крыш Каракорума.

Теплый ночной ветер. Под стенами монастыря пасутся лошади. Белеют буддийские ступы. Сладко пахнет весной.

Южные склоны Хангая. Пыльная буря волнами стекает в Долину Озер. Слева виден голубой призрак Гоби-Алтая, справа — хаос приземистых отрогов Хангая. Бурые скалы и щебень. В долинах базальтовые покровы и невысокие (200–300 м) вулканические аппараты.

Широкие галечниковые долины-полупустыни поросли небольшими острыми хребтами. Среди пасущихся сарлыков и коз ходят журавли. Над ними великие кумулонимбусы ведут свои белые битвы.

На загорелых скалах по правому борту Цаган Туруу гол выбиты кийки. Иду маршрутом и желаю удачной охоты.

Начало июня. Ветра и ветра. На скалах цветет крыжовник.

Вечер. Собирается дождь. Заносят в юрты хворост, накрывают kleenкой кучи сухого аргала. Сарлыков подоили, и они уходят косо по склону.

Зеленый тихий вечер. Из трех лесов на склонах кричат кукушки. Теплая под тучами ночь. Накричали кукушки дождь.

По ручью, под нависающими скалами, цветет ивняк. Молодая трава с бутонами купальниц и ятаганами лука. Выше цветет примула, на лиственницах набухли почки, стелется береза и можжевельник.

Правобережье Туйн гол. На плите песчаника выбит архар. Плита удобно лежит на склоне.

В середине июня лес еще голый. Неприметно цветет жимолость. Сдержанность передается людям. Однообразная пища: мясо, мука, соленый молочный чай.

Начало июля. Обозначился сдвиг к нежности. Ветра потеплели и запахли полынью. Стратокумлюсы млеют в голубой дали. Пасмурные дни стали темно-зелено-синими и начеканили из серебра эдельвейсов.

В верховьях Урт Нарийн гола расположена галерея наскальных охотничьих рисунков. Киики и олени. Неизвестные мастера первого тысячелетия до нашей эры.

Весь день — хруст поедаемой сарлыками травы и вопли канюков. Капля дождя падает на штурмовку и расходится темной звездой.

На сибирской стороне Хангая — можжевеловый стланник, запах нагретого леса. Полноводный ручей между белыми валунами. Все камни — под шаг, идешь в свое удовольствие. В лесной тени стоят розовая валериана и темносиний водосбор. В конце маршрута — кумыс.

Уток-турпанов за оранжевую, как одежда лам, расцветку считают священными.

За день на осыпях ветер выдувает всякое желание размышлять. Обратным ходом зацепить край леса, разжуешь горько-кислую раннюю ягоду жимолости.

Конный маршрут по Баруун голу. Прижимы. Раз двадцать бродили речку. Конские хвосты плыли по воде.

Пасмурный день. Облака затопили Хангай. Ловил хариусов, дождь пережидал под скалами. Река усыпана дождевыми каплями. В мокрой траве трудно найти кузнечиков для наживки.

Поздний закат за Ширээт нур (Западное озеро, монг.). Палатка освещена свечой, как бумажный фонарик. Пытаюсь думать о жизни. Получается пятно озера, контуры лиственниц и фонарик палатки.

Развалы лейкогранитов. Сады черных и салатных лишайников. Пауки угрожающе трясут сетями. Ниже — травянистый склон с редкими лиственницами, куртины бахромчатых гвоздик.

Слоны вулкана покрыты буровато-красным спекшимся шлаком, залесены. В лесу запоздало цветут земляника, брусника. Много маслят.

Растрескавшееся лавовое поле не пригодно для быстрой ходьбы.

Возвратился за полночь, переобулся, разжег примус, сделал чай.

Четвертого августа переехали на гобийскую сторону Хангая. Великолепными синими шарами зацветает мордовник. Ближе к Баян-Хонгору на степи уже осень, побурели метелки семян, пожелтели узкие листья.

Запах травы нарастает с утра до вечернего дождя. На пожелтевших склонах проявились зеленые кольца грибниц.

За один куст кисло-сладкой жимолости перепробуешь сто горьких.

Вечер в конце лета. Пахнет травой и кизячным дымом. Крики людей и шум стад. Дымы над юртами. Рыжая собака перешла ручей и зарычала.

Пятна леса на желтых склонах лежат темно-зелеными шкурами. Конец августа — начало сентября — грибной сезон в Хэнтэйских горах

вокруг Улан-Батора: рыжики, опята, маслята, моховики, волнушки, сыроежки, грузди, подберезовики, козляки.

В Баян-Хонгоре пыльная мгла, ветер взвизгивает и срывает с юрт дымы. Горы в сером тумане видны до третьей гряды. Конный арат подъехал ко мне, осмотрел и уехал.

На тлеющие с ночи уголья утром хорошо бросить охапку хвойных веток. Прошаркал ворон, сминая крыльями воздух.

В августе-сентябре охотятся на тарбаганов. Чтобы подкрасться к любопытным поближе, одевают заячью уши.

Середина сентября. Сильнейший западный ветер на гребне держит вес наклонного тела. На глазах распускается в полнеба облачная хризантема. Утром следующего дня пошел снег.

Приятно написать в сырую погоду, что под раскладушкой сушится сросток золотого корня, выкопанный солнечным сухим вечером. Прилетели дикие голуби и топчутся на снегу.

Голубой прицел хребта Их Богд (Большое божество, монг.) перед глазами, черные тени камней через дорогу, запах разогретого мотора.

Конец сентября. Долина Озер. На черных базальтовых обрывах качаются лозы золотой харганы. Пятнистая кустарниковая пустыня, вдали заснеженный Хангай.

Начало октября. Улан-Батор. Проходящие облака оставляют на кедрах Богдо улы белую изморозь.

Прошлое облекается прелестью, стоит отойти.

1988

Вторая половина марта. Дорога. Заснеженная Сибирь однообразна. Красные закаты, березы да ели.

В Казахстане туман над мартовским снегом, над Срединными землями Сары-Озеки.

В ташкентских дворах на траву облетает урюковый цвет.

За хребтом Кугитанг блестит пограничная Аму-Дарья. Саксауловые пустоши. Ночью, наверно, стучат иглами дикобразы.

От Термеза до Душанбе — бледно-розовые пятна урюка и белые строчки слив, яркие платья таджичек на полях. Граница снега на Гиссарском хребте проходит по поясу арчевников.

Гиссарская долина. За окном зелень плакучих ив. Кричат желтоклюевые майны. В любой момент слышно бормотание горлиц.

На холме, за базаром, доцветает миндаль. Пахнет горячими лепешками.

В начале апреля все внимание уходит на ярко-розовое цветение персика. Следом бело зацветают груши. По ночам — стон лягушек и быстрые дожди. Мутный Кафирниган (Кровь неверных, *тадж.*) палев. Поля ярко-желтого рапса. Облака возвышают вершины Гиссара.

Последняя треть апреля. В Ташкенте торгуют ветками сирени. Спят в порту солдаты.

Байкал подо льдом. Заснеженный Хамар-Дабан (Хамар даваа — нос-перевал, *монг.*).

Мурэн. Пыльные смерчи скребут галечник в степной котловине. Песок скапливается в уголках глаз и набивается в волосы. Куда-то решительно направляются облезлые весенние верблюды.

Седьмого мая выехали в поле, и начался новый отсчет времени.

Монгольские грунтовые дороги хороши тем, что не размокают, проходя, большей частью, по дресвянникам, щебням, галечникам.

Сколько едешь, ходят парами журавли-красавки. Совершенное сочетание шеи, прижатых крыльев, ног всю дорогу ублажает взор. Ветер загибает черные перья с груди на пепельные крылья. Он танцует, пригибая шею к земле, подпрыгивая, распахивая крылья. Она идет рядом.

Переехали Хангай и на четвертый день за Долиной Озер проявился голубой Их Богд.

Лагерь партии в нижнем течении Туйин гол. Снимаясь со скал, кружат канюки. Однажды на скалы приходили редкие сейчас архары. Вряд ли кто из животных удостоился большего количе-

ства изображений, чем архары и киики. На черных дайках андезитов выбиты два оленя в хуннском стиле, один верблюд, всадник на лошади и сотни архаров и кииков.

По старой памяти их продолжают чтить. Железобетонные, они стоят на перевалах, у мостов, возле гостиниц и милиций.

Ниже лагеря Туин гол недолго течет в ущелье кремовых дацитовых порфиров. Там растут то-поля-улиасы с толстой трещиноватой корой, и селятся серые гуси.

Лагерь стоит на второй надпойменной террасе Туин гол. В палеолите здесь была мастерская. Галечная индустрия: крупные гальки черных кремнистых аргиллитов расколоты, многочисленные пластины-отщепы, чопперы. Границы изголовий заглажены песком времени.

В условиях кочевой жизни монголы выработали привычку не замечать за другими совершениеий всяческого туалета.

Хребет Гоби-Алтай на востоке состоит из горных массивов Гурван Сайхан (Три Красы, монг.) и Гурван Богд (Три божества, монг.). Последний был индустриальным центром в палеолите и неолите. Сырьем для изготовления орудий были яшма, кремень и халцедон из раннемеловых базальтов ульгейской свиты.

Зазеленел тальник, закричали лягушки в пойме Туин гол. Теплым вечером голые верблюжьи шеи изгибаются в зеленом закате.

Во второй половине мая переехали на сто километров севернее. Южные склоны Хангая. Се-

рые леса с подстилкой ржавой прошлогодней хвои. Весна в них еще не заходила.

Старухи с корзинами за плечами собирают аргал вокруг стойбищ.

Зимою пало много скота. Обтянутые кожей остовы лежат в долинах.

Красота наскальных рисунков, думаю, превышает потребности промысловой магии. Скопировал оленя, кииков, архаров и лося.

Провалы долин Хангая постепенно заполняются синим. Там и дымы кочевий, и небо за весь день, и пролитая к вечеру печаль.

Иногда случается вдруг запаршиветь. Царапины начинают гноиться и становятся язвами. Из зубов вылетают пломбы, десны распухают. Всегдаший ветер приносит ангину.

На смену южным фрактостратусам пришли с севера архипелаги стратокумулюсов. Ночью палатка рвалась и хлопала. Проснувшись, было не уснуть.

Утреннее разжигание примуса, маршрут, вечернее разжигание примуса, сон.

Так долго не прорастает дикий лук-сангин. Конец мая. Из десен сочится сладковатый гной. О, зеленые стрелы весны!

Маршруты от песчаных угодий хищных птиц до первых лиственничных лесов, где кричит кукушка.

Изображение спирали встретилось однажды на правобережье Туйин гол. Рядом знак «Ом». На них нет пустынного загара, как на хуннских охотничьих рисунках.

Лимонно-желтые ирисы и лишайники совершенно сходятся цветом и при быстрой ходьбе сливаются.

Тэмэрчэдэр (Железные путы) пишет при свече в полевой дневник. Огонь колеблется, на лице тайна.

Утренний букет ветра, сорванный над свежевыпавшим снегом верховий. Скрип журавлей.

На перевалах предупреждение: чума. Отстрел тарбаганов запрещен. После прививки едва ношу ноги.

С вечера появились облака — плотные серебристые чечевицы, и на утро стих многодневный ветер.

Безветренное жаркое утро. Верблюдов разморило, и они спят, вытянув шеи по земле.

Верблюд у источника долго осматривается, немного пьет и снова осматривается. Говорят, что выглядывает оленя. Олень обещал возле источника возвратить ему рога.

Солнце зашло за низкие гряды и зажгло там свою свечу. На востоке окрасилось фиолетовым огромное облако-вымя.

Дорога долго петляет среди неогеновых черных платобазальтов. Саранча бьется об ветровое стекло. Потом шуршат сухие русла ручьев из Баянтээга в Баруунбаян-Улаан. Открывается Бага Богд. Он доит проходящие над ним истощенные облака. На песчаном подножии цветет желтым харгана — владелица кустарниковой пустыни.

От Бага Богд до Арц Богд клонятся чахлые ковыльники.

Арц Богд покрыт зелеными шкурами стелющегося можжевельника-арца. За ним на меловых базальтах рассыпаны миндалины агатов. Горячий ветер овеивает прямостоящие темно-зеленые заги (*монг.*) — саксаульники. На склонах олигоценовых вулканов в прорехах аспидных базальтов алеют глины.

Пробиваются песок коричневые вяжущие, как хурма, гое. Высоко кричат верблюды, и мелькают большеголовые ящерицы. Возвышенности отражаются в текущем под ними потоке горячего воздуха. На юге желтеют барханы у подножья хребта Сэврэй.

Немного соленой зелени летом мало меняют окраску вечной пустыни.

К концу июня Хангай заметно похорошел. Высокие террасы на горах в плену у незабудок, купальниц и ветрениц. Ветреницы-анемоны с подсиненными веками неотразимы. В купальницах — сгусток света, жар, жарок.

Сядешь записать в маршруте — и сразу же прилетит канюк. Покружит и улетит.

За четверо суток непрерывного ветра вдоль Долины Озер высохла редкая трава. Лежащие вдали верблюды похожи на двугорбых черепах.

Уезжал печальный и вернулся той же дорогой без печали. Видел развалины монастыря и деревья на скалистом отроге.

Середина июля. Улан-Батор. Праздник Надом. Окружение зеленых гор. Дожди.

Последняя треть июля. Южные бурые отроги Хангая. Самолет трясет в восходящих потоках.

Над реликтами неогенового рельефа-платобазальтами десять миллионов лет дует ветер. Желтый песок засыпал поры в базальте. Больше ничего не изменилось. Больше ничего и нет.

Поблекли дали. Осень приоткрыла глаза. Здравствуй. Саранча с треском взрывается под ногами, распахивая бордовый веер крыл.

Левый борт Туин гол ниже Эрдэнэцогда. По углам плиточного тюркского захоронения врыты хуннские оленные камни. Бегущие мимо тех тюрок и мимо нас олени.

Северные склоны Хангая. Черный лес на восходе луны. В черной воде Урт Тамир гол хватают «мыши» ленки. Буду варить уху и поглядывать на черный лес.

В падях отцвели пионы, созрела жимолость, поспевает смородина. Жимолость держит на вытянутых листьях хрустали ночного дождя, мерцают ими. Померкли сизые ягоды.

От передней машины запах раздавленной травы. Поздний день. Черно-зеленые хвойные тени. Хангайские бахромчатые гвоздики.

Вечер. Над темной водой Хойт Тамир гол ме- чутся, кормясь мошкарой, летучие мыши.

Коричневые осыпи выше черно-зеленых лесов на закате недолго бывают пурпурными и лиловыми.

Первая треть августа. Из Долины Озер видно, что Хангай затоплен дождовыми облаками.

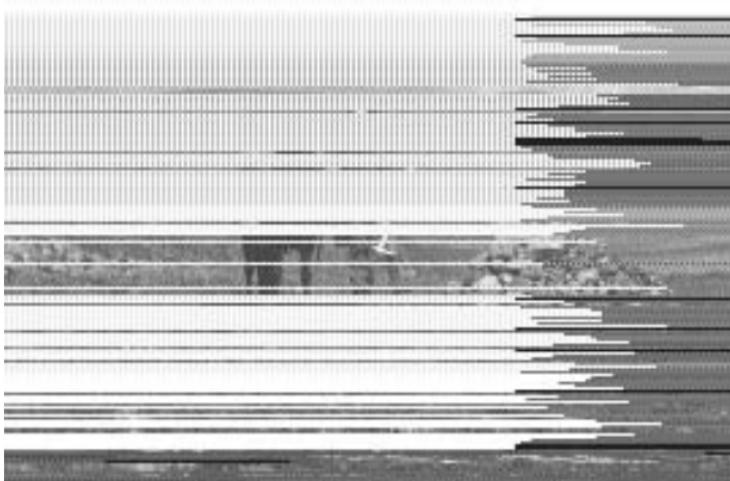
Левобережье Шаргалзуутин гол, урочище Бирийн Хавцгай ам. Вечерние тени от хуннских оленных камней. По четыре-пять рогатых зверя прыжками, друг над другом, возносят к солнцу кругу души умерших. Возле солнца для переселившихся выбиты лошади. На дресвяной почве нашел два кремневых скола, два кремневых гобийских нуклеуса и одну просверленную миндалину халцедона.

Середина августа. Призрак Бага Богд на юге. Цветет колючий синий мордовник. На равнинах — выбеленные кости да изредка черепки чугунных котлов. Солнечно, но ветер с легким ледком.

Верховья Орхона. Урочище Рашааны Хавцгай ам. В долинных лавах базальтов ручьями прорезаны двухсотметровые каньоны. Там поспела смородина. Из каньонов возвращаются с накрашенными губами.

Сколько ни выхожу маршрутом на безымянные перевалы, все надеюсь что-то увидеть.

Последняя треть августа. Верблюды обросли новой пушистой шерстью. В северном Хангае все чаще снежит на осыпях, выше границы леса.

Утром парят покрытые инеем палатки.

Смородина черная и моховая, крыжовник, жимолость, лук-сангин, ленки и хариусы, хворост для костра — в базальтовых каньонах Ра-шааны Хавцгай ам.

Возле родника — одинокая лиственница. К веткам привязаны тугрики, тряпочки, сарлычий и лошадиный волос, патроны, конфеты. Расположившись рядом, поджарили и съели козу и выпили бидон кумыса.

В последних числах лета на скале возле базового лагеря поселился сыч. Вечерами звучно кричит: «Ху-гу».

Зазеленела после дождей луковая трава-таана, от которой жиреют лошади. Араты сушат ее на зиму для приправы.

На закате ветер дует от солнца, раздувая облака в радиально-лучистую астру.

Ночью на второе сентября снег покрыл верхи Гоби-Алтая до уровня трех километров. Хребет Их Богд стал снежно-голубым.

Сумерки над щелью восхода украшены сверкающей подвеской Марса, Юпитера и Венеры.

Середина сентября в Долине Озер теплая и солнечная. Темно-зеленая сыпь харганников. У подножия Их Богд, в узкой полосе барханов, ветер перевевает песок, качаются песчаные смерчи.

К югу, за Их Богд — черная тихая ночь над обширным полем черных базальтов. Тихое розовое утро с осколками сердоликовых миндалин. Солнце выпрыгивает из-за Баг Богд и рассыпается на кварцевых щетках.

Весь день — непроглядная голубизна Их Богд. Вечерний желтый фильтр проявил скалы и заснеженный привершинный гребень.

Кончается сентябрь. Обохрились листья ирисов.

1989

Начало июля. Дорога на Восточный Памир. Долина Обихумбов покрыта лисьими хвостами согдийского эремуруса. В Калаихумбе на черных гипербазитах ало цветут гранаты. Вдоль Пянджа оранжевые плантации календулы, затихший Афганистан.

Урочище Рангкуль лежит между хребтами Музкол и Сарыкол. Маршрут вдоль проволочного заграждения по границе с Китаем. Фиолетовые осыпи, редкая желтая трава, припорошенные снегом пятикилометровые верхушки сопок. Солнце раскаляет еще не выцветший брезент униформы. Серые зайцы перебегают между камнями.

Вечером, часов в шесть, из верховий по сухим руслам набегает талая вода.

В истоках ручья Закара-Джилга живет стадо архаров. Два дня охотился с Сайдом за ними. После неудачных обходов смотрели с перевала на семитысячные массивы Музтаг-Аты (7546 м) и Конгуря (7719м).

Снежная крупа и розовые альмандины на осыпях Кукурта. Приводораздельные щебни подсечены архарыми тропами.

Думал, что пылит по грунтовке попутная машина, но оказалось, что крутится смерч.

Последняя третья июля. По ночам идет снег.
Днем струи пара колышутся в долине.

Знойное и ветреное восточнопамирское лето.
Редкие подушки полыни, терескена и архары
черепа в долинах.

Восточный ветер всю ночь трепал палатку и
принес пыльную дымку. В знойном затишье до-
лины Бельальмы страстно кричат улары.

Теплый ветер с дождем из Кашгарии. Раджа-
бали благодарит Аллаха за прожитый день.

Начало августа. Дорога в Гиссарскую долину
на базу экспедиции. Под тутовниками в долине
Пянджа натянуты полотнища для сбора плодов.

*Правый берег Пянджа левый изучает.
С белого тутовника падают плоды,
Падают сладчайшие, падают ночами,
Падают бесшумно в бешенство воды.*

За Калаихумским перевалом ветер пахнет
ферулой. Ночной Дарваз с силуэтами больших
чинаров. Утренняя саванна долины Сурхоба.

Вторая треть сентября. В Алайской долине се-
нокос. Ели дыню с лепешкой и смотрели анфас
на белый Заалайский хребет.

На глиняных киргизских кладбищах стоят
шесты с бунчуками ячьих хвостов. Далее — се-
рые галечники Маркансу, ультрамариновый Ка-
ракуль, ржавые ирисы Рангкуля.

Последние солнечные дни догуливают перед
спячкой сурки. Закат над Рангкульской котло-
виной желтый, быстро сереющий.

Бывает хорошо посмотреть на высокие горы. От озера Рангуль виден Кашгарский хребет с двумя семитысячными вершинами.

Покраснели терескеновые пустоши в долине Ак-Су. Последняя третья сентября.

1990

Январь. Среднерусская возвышенность под Тулой. Снег и деревья. Грачи на помойках. По субботам — предсмертный визг свиней.

В феврале снега переметают дороги. Невзрачная Ока под Алексиным. Дни без звуков и запахов. Наволочь низких туч.

В марте распушилась верба. Прилетел новый блестящий грач. В старом поселке Новом повесился истопник.

Обветшалые калужские церкви. Подсыхающая дорожная грязь. Бродяги на автостанции. Календарная трехмесячная весна.

В конце марта на Косой горе расцвела мать-и-мачеха. В начале апреля запылила и дивно запахла верба, окуталась хризолитовой дымкой. Валя прилетела в Вербное воскресенье и провела Страстную неделю.

Апрельские заморозки побили листву на дубах.

В мае начались соловьевные ночи, как великое явление природы.

В лесу под орешником хрестоматийно белеет ландыш.

Желтые одуванчиковые поляны, Олег, собака и я.

Зеленая травяная земля. На Троицу окна и двери украсили молодыми березами.

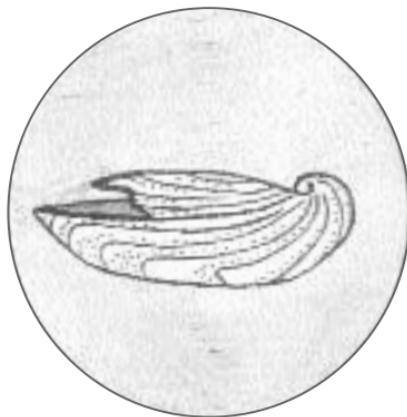
В июле зацвела, будто покрылась медом, липа.

Березы хороши в июле на ветру с потемневшей листвой, отяжелевшие.

К началу августа среди всеобщей зелени пожелтели хлеба.

Август. Истоки Дона. Полуметровый чернозем. За тракторами на пахоте кормятся стаи грачей. По утрам туманы в полях. Куликово поле. На перекрестках дорог — пушки и пулеметы в знак недавней войны.

В конце августа воздух уже холоден при ярком солнце. Посерели тополя. Я мог бы долго ехать куда-нибудь, а потом долго идти.

Покраснели клены в посадках. Морось. Терриконы буроугольных карьеров. Маршрутчи в резиновых сапогах по щиколоть в черноземе.

Жизнь идет со скоростью разбивания посуды. Еще один дом. Забиваю гвоздь для полотенца. Привожу сыну раковины, блестящие невообразимо древним перламутром. Сквозь щели в досках смотрю из туалета на звезды.

Вторая половина октября. Утренние и вечерние туманы от земли и воды. Видимость — тридцать метров. Столбы и деревья, исчезающие в тумане.

В середине ноября установились морозы. Багровые полосы зорь. Сезон закончен. На окнах зацветают кактусы-декабристы. Запах махорки.

1991

Западный Кавказ. Мыс Адлер. В начале марта обламывают на продажу мимозу. Обламывают по самые стволы, как тутовник для шелкопряда в Таджикистане.

Нижнее течение Мзымты, Казачий брод, окрестности Ахштырской пещеры. Цветут подснежник, фиалка, пролеска, мускари, цикламен, кандык, морозник, примула, мать-и-мачеха. У входа в пещеру из глины вымыло мустьеरские зубчато-выемчатые остроконечники. Это известная стоянка.

Апрель. Изыскательские маршруты на приморском склоне под Хостой. Влажный субтропический лес. Терпкий кивсячный запах. Земля и деревья покрыты колхидским плющом. Дуб, граб, липа. Сами собой растут лавр, пальма-трахикарпус, бамбук. Пространство пронизано ключими проволоками сассапарилля. Роются в

подстилке черные дрозды. Сладковато пахнет цветущая лавровишия.

Начало мая. Западное окончание Гагрского хребта. Приветливые абхазы в Михельрипше. Колонный буковый лес на южных склонах Камерин-Тепа (1956 м). В тумане набух фиолетовыми бутонами рододендрон понтийский. Заманчиво пахнет азалия. Нижняя половина горы сложена порфиритами байоса, верхняя — коралловыми известняками титона. На горе ранняя весна. В карстовых воронках снег, на проталинах цветут подснежник, пролеска, кандык, примула. Ночной мороз оледеняет их. Луна отбеливает карры и затемняет пихты. В начале пятого над Главным хребтом светлеет и рассветная волна обрушивается в море.

Зеленый хребет Алек. Под ним, на чайных плантациях, разбросаны фиолетовые пятна цветущих павловний. Маршрут от Буковой поляны по балкам Заблудших и Назаровской, осмотр входов пещерной системы Осенняя-Назаровская-Примусная. Уже все поддалось весне кроме каштанов. Их серые каркасы сквозят на зеленой горе.

Вторая половина мая. Маршруты в лесу под Хостой, в районе балки Ахунской. Редкие пальмы в подлеске вибрируют гранеными листьями. Усыпанные плодами смоковницы, белая акация. По два-три дня идут дожди, в перерывах поют птицы. На склонах начались оползни.

Конец мая. Среднее течение Мзымты. Цветение дождевых туманов над пышным горным лесом. Тающая вуаль и белые залежи. Зе-

лено-синяя перспектива. Над рекою серая водяная пыль. По окончании — исход туманов из леса.

За две майские недели ростки бамбука в углу огорода выбросились на три метра. Облетели шуршащие обертки.

Осыпая листья, в первых числах июня зацвела магнолия.

Середина июня. Поспела мушмула. Длинными пучками багряных тычинок, под стать своим дивным плодам, цветет фейхоа. Последняя треть июля. Молодые женщины рвутся грудью на майки.

В начале августа в верховьях Мацесты и Бзугу проливались смерчи и проносились паводки.

Сентябрь. Последние белые цветы никак не покинут магнолий. Дожди. Реки выбросили из устий в море желтые флаги. От Сочи к Туапсе движутся смерчи. Из днища облака выдвигается черный хобот и тянется к воде. Из моря, навстречу, вырастает крутящаяся полупрозрачная чаша воды.

Приют Ачишхо. Многодневный дождь и туман. Брат, сын и я. Ночью будят трескучие разрывы грома, стучат по крыше спелые грушнички. Время опять.

В цирке Ачишхо цветут белый и оранжевый крокусы, синяя горечавка. Пили чай на покрытой салатным лишайником глыбе порфирита.

Старая лесовозная дорога на хребет Аибга. Мокрые ольхи липнут к ветровому стеклу.

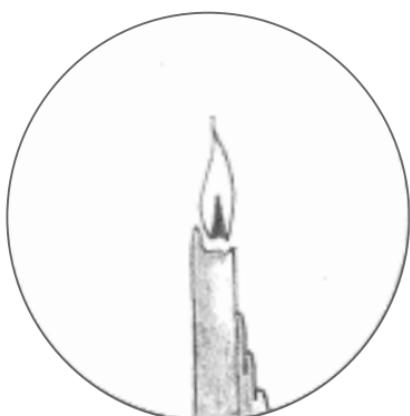
Октябрь. На суше пахнет черной изабеллой, шумят на ветру стручки акации-ленкорани, в море колышутся фиолетовые каймы медуз.

Озеро Кардывач в истоке Мзымты. В цветочные почки рододендрона плотно упаковано следующее лето. Выше границы леса — счастье сухой травы, камней, лишайников.

Середина октября. Жаркий день. Южные отроги хребта Аибга. Богатый черничник на старой вырубке. Медвежьи кучи с косточками лавровишины. Внизу, у реки, падают, стуча по веткам, каштаны.

Новый Афон. Темнеет. Безмолвный Пантелеймоновский собор. Высохший масличный сад.

Утром легко поднялся в цитадель, к источнику на Иверской святой горе, и был там счастлив. Под горою в лесу растут приятные мне эбеновые деревья.

Днем был в раю на Афонской горе, в мандариновом саду.

С конца октября задожило. Внезапно открывшийся закат в полнакала высветил заснеженный амфитеатр Гагринского хребта. Магнолия рассыпала алые накладные ногти семян. Тепло, будто знал что-то милое, да забыл.

ПОИСКИ ИГА ГОСПОДНЯ

ПОСЛЕДНИЙ ЕГИПЕТ

Разрушитель давно, с самого начала, внедрился в наши ряды. Тогда мы не могли его распознать. Он рос вместе с нами и питался нашими связями.

Промелькнуло Чёрное море и бичевой костярок на гальке, заиндевелые деревья на Дону с непременной сорокой.

— Что это было? — Россошь.

Он направлял меня во влажный лес Борнео, где я умру от астмы, но у меня ещё был Египет.

Четырнадцатого февраля в семь пятьдесят я вылетел из Москвы чартерным рейсом и в одиннадцать сорок был в Хургаде.

Аравийская пустыня покрыта сетью вади. В пустыне стоят серые зубчатые горы.

В грязном дешёвом отеле «Луксор» в районе Даун-таун я встретил Виктора Танцурова.

— Салям! — сказал он, пытливо глядя на меня.

— Свои. Не бойся — ответил я.

Ему семьдесят лет. Он идёт с сентября через Турцию, Сирию и Иорданию.

До вечера, пока морские жёлуди на бунах не покрылись приливом, мы купались с ним в Красном море.

— Идти — что? — сказал Виктор. — Нужно ещё любить, а они не могут.

Вечером пошли на базар, тёплым вечером, в рубахе по чужому городу. Груды мандаринов и помидоров по фунту за килограмм. В восемнадцать сорок пять в светлых сумерках закричал муэдзин.

Утром в олеандрах горлица с грудным звуком соединила Африку с Азией. Виктор улетел в Москву, а я поехал дальше, в Луксор, что стоят вратные Фивы.

За тринадцать фунтов по хорошему асфальту я пересёк на рейсовом автобусе скалистую Аравийскую пустыню и въехал в Кену на Ниле.

Жёлто-зелёные поля спелого сахарного тростника, зелёные поля пшеницы, люцерны, лука, бобов, баклажанов. Штабели ящиков с красными помидорами. Финиковая пальма, феникс, Маат, простёрла надо мной свои крылья. Не имеющая диких предков, данная Богом королева оазиса.

Кубические дома из красного и серого кирпича. Белые египетские цапли под ногами феллахов.

Луксор пропах конской мочой и навозом от множества экипажей. Нужно уметь не оказаться в одном из них, хотя это не дорого, 1–3 фунта по Луксору.

Поселился в отеле «Абу Эль Хаггаг», сразу за храмом Амона-Ра, с видом на храм, Нил и плавевые Фиванские горы на западном берегу. Горячая вода и постель за двадцать фунтов в сутки.

На всякой лавке — вывеска: «Музей папируса». Бесчисленные витрины и лотки, где весь египетский пантеон, фараоны и амулеты из базальта, доломита под базальт, известняка, гранита, стеатита, мраморного оникса (алебастра), лазурита, малахита, керамики, бетона, стекла и композитов.

Из сахарного тростника давят сок по 50 пиастров за бокал, а из гуавы — по фунту.

Маленькие, как в Сочи, но сладкие бананы, горы апельсинов, корзины сухого гибискуса (каркаду) и окаменелых фиников.

Не дал перевезти себя на фелюке на западный берег Нила. Ещё не время.

Вдоль набережной стоят на приколе десятки четырёх- и пятипалубных нильских пароходов.

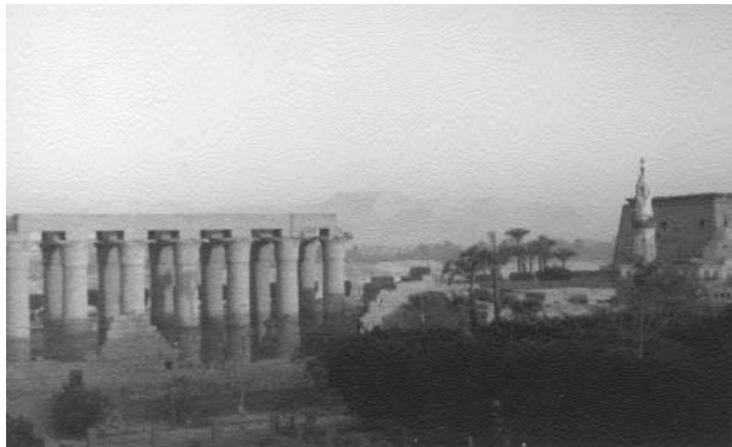
Простой люд в полотняных белых, серых и чёрных балахонах, в белой чалме или клетчатом платке.

У женщин открыто лишь лицо: полные губы и расположенные в профиль, с двух сторон, удлинённые глаза, как снятые с древних барелье-

фов. Уже закрыта грудь. Но понятно, что это они построили храмы. А обманывают, но не крадут же. Обманывают totally и без зазрения. Но это они затворялись в сирингах и пещерах на заре христианства.

Ночью глянешь в окно: лес мегалитических колонн — я в Египте. Всё правильно.

Шестнадцатого февраля в шесть утра финиковые пальмы на том берегу Нила в бесподобной голубоватой дымке. В парке у храма на высоких покрытых большими красными цветами сейбах кричат вороны. Колонны храма медленно наливаются холодным розовым светом. Нищие, жёгшие ночью костёр на тротуаре, уснули. Пахнет прибитой пылью. Пора.

Я переплыл на пароме нефритовый Нил. Неферти, Нефертари, Нефрура, Нофret, нефрит, нфр — красивый. Стикс живых.

На западном берегу купил на три фунта по килограмму дивно пахнущей розовой гуавы и сладких запылённых апельсинов, взял на день

велосипед за десять фунтов и поехал в долину тихой любви богини Мертсигир.

Проехал умополкших колоссов Мемнона. На светлых карбонатных осыпях стоят кубические дома из сырцового кирпича. Ремесленники у дороги точат напильниками кувшины и канопы из местного онекса.

Вытащат крючками мозг через нос, через зад — желудок и сердце, и сложат в канопы. Вместо сердца положат скарабея. Скарабеи из нежного стеатита здесь дёшевы — по четыре фунта.

Асфальтовая дорога заходит в тесную долину и ведёт в верховья, увенчанные Фиванской Короной. Здесь, в горячих сухих известняках, спрятаны наклонные ходы — сиринги в погребальные камеры фараонов.

В гробнице Рамсеса IV смотритель показал мне сквозь щель в замурованном ходе обрывки каких-то людей: хребты, ноги. Оттуда сладко и хорошо пахло. Наверное святые православные моши.

Длинноногая Нут вечером глотает, а утром рожает малиновый шарик солнца над саркофагом Рамсеса IV. Саркофаг совершенно неподъёмный, а где-то наверху лежит мой лёгкий велосипед.

Заехал посмотреть гробницу землемера Менены. Сторожа передавали мне свет снаружи системой двух зеркал. Как трогательно держатся за Менену его жена и дочь!

У меня ещё было время до начала психостасии — взвешивания души, и я вернулся к Нилу.

По течению плыли охапки водяных гиацинтов. Теперь я знаю, как грустно покидать Нил, и как быть в чистых горячих известняках.

Утром семнадцатого февраля помолился, глядя на Фиванские горы, где затворничали преподобные первоотцы наши, и поехал на пролётке в Карнакский храм Амона.

Грандиозность входного пилона, гипостильного зала и обелиска потрясает. Сколько пролито пота, крови, слез и спермы! И как сочетаются с мегалитическими строениями финиковые пальмы! Здесь мягкий ветер, вечно синее небо и ящерицы.

Пообедал на улице за три фунта обжаренными овощными фрикадельками и соком гуавы. Купил на завтра на утро железнодорожный билет в Асьют во втором классе, и согласился поплыть на фелюке «ту си лотос энд папирус».

Долго ловили ветер, переплыли Нил и показали куст камыша. Так тебе и надо.

В Луксоре везде, на улицах и крышах, расставлены солдаты. Ехать в Асют мне не советовали, изображая автоматную стрельбу, но я положился на Господа. Вот пришёл поезд из Каира, и мальчишки побежали в город с пачками газет. Потом, с опозданием в сорок минут, подошёл мой, асуанский, поезд, и потянулась сквозь чистые стёкла долина Нила: поля сахарного тростника и зацветающие финиковые пальмы. Вторые этажи домов торчат арматурой и всю жизнь достраиваются — дождей нет. Стены в полкирпича с железобетонным каркасом.

Вдоль Нила и нильских каналов ныне растут рогоз и камыш. Папирус слишком нежен. Чёрные буйволы и зебуидные коровы лежат в пальмовой тени, на ослов грузят скошенную люцерну. Длинноногие, как искушение святого Антония у Дали, кэмэлы расставили для опоры задние ноги.

Кроны пальм задраны вверх по Нилу: река течёт вниз, а ветер дует вверх, чтобы удобно пла-

вать под парусом. В пальмовой роще стоит пасека. Пара коптских церквей и немного минаретов.

Копты говорят, что именно здесь, в окрестностях Асьюта, жила в Египте Пресвятая Богородица с Предвечным Младенцем и Иосифом Обручником.

Около трёх часов дня поезд пришёл в Асьют, а через час на легковом «Пежо» с шестью арабами я исчез в Ливийской пустыне.

Это серая карбонатная гамада, кое-где присыпанная жёлтым песком. Близкий, как на астероиде, горизонт. Оранжевый одноцветный закат.

Проехав 230 километров, вечером мы спустились в оазис Харга. Геродот назвал его «островом блаженства». Действительно: половина жареной курицы, салат из помидоров, горячие лепёшки и 0,5 литра воды стоят за всё 6 фунтов.

Утром побродил по улицам, неожиданно сник и поехал дальше по «пальмовой дороге» оазисов, в Даклу.

Сразу за Харгой по каменистой гамаде кочуют отдельные горы песка, погребая линию электропередач. Изредка у дороги ждёт меня тамарикс. Цвет камней и далей сдержанnyй, розово-серый. В полдень приехал в Даклу, где купил наконец-то свежих фиников. Температура воздуха 20°C на ветру и 30°C в тиши. Тающие призраки клочковатых облаков. Пока ждал автомобиль на Фарафру, видел, как на станцию приехали много начальства и сразу начали есть конфеты, которые вынесли на подносах.

Триста километров в Фарафру на маршрутном «Пежо» стоят пятнадцать фунтов. Всё время справа тянется уступ более высокого пустынного плато. Высота его может быть и сто метров, и тысячу. Долгое однообразие серых плоских пространств приводит в транс.

Всем военным постам водитель сообщает, что с ним едет один русский, и сержант отмечает: «Проехал один русский».

Ночью приехали в белую Фарафру. Ложе пустыни покрыто здесь белым известняком с останцами — грибами, столбами — рыхлого белого песчаника и оспой черных камней. Звезды далёкие и в душе затишье.

Утром поехал в Бавити. Пасмурно. В полдень начался дождь. Пески пожелтели. Как хорошо тамариксу! Он сейчас цветёт.

В Бавити сухо и пыльно. Арабы ссорятся с диким ожесточением и криком. И снова гамада. Разрушитель не держится таких мест.

Под вечер в пыльной мгле увидел силуэты трёх великих пирамид.

Въехали в Каир, и я не стал удаляться от них. Пообедал в рыбном кафе напротив. Хорошо видно площадку на вершине Хеопса, куда арабы, крича, тащат за руки Белого и Тургеневу Асю. Проехали Бунин с Муромцевой в коляске. Стемнело. Я набросил рюкзак на плечо и пошёл искать ночлег.

В грязном кемпинге «Салма», закутав от москитов голову курткой, я кое-как провёл ночь и утром перебрался в центр Каира, а однозвёздочный «Гарден Сити Отель».

Чисто и уютно за 60 фунтов с завтраком и ужином. В двух шагах Египетский музей. С балкона вижу мост через Нил с бронзовыми львами и железобетонную, сто восемьдесят шесть метров, Каирскую башню на острове.

Вход в музей стоит 20 фунтов и вход в зал музеев — 40 фунтов. Великие фараоны лежат там в общей комнате в таком ничтожном виде, лишенные привычных вещей и доступные каждому, чего они как раз и боялись.

Утром 22 февраля 997 автобусом за 25 пиастров я поехал к пирамидам в Гизе. Автобусы не останавливаются в непрерывном потоке транспорта, в них прыгают на ходу.

Известняк вокруг пирамид пропитан верблюжьей мочой. Вход на территорию стоит 20 фунтов. Известняковые камни пирамид велики, не под шаг. Вокруг таблички «Не влезать» и зоркие стражи.

У Хефрена и Микерина ещё видны остатки облицовки из чёрно-красного (красный калишпат, чёрный биотит и дымчатый кварц) пригёртого гранита. Это были чёрные пирамиды, чёрные с красным. Страшнее их был лишь Сфинкс.

Каир чуть виден в тумане. И забываешь, но вдруг один голос вскричит, и весь город подхватит хвалу Аллаху.

Сверху, от пирамид, Сфинкс кажется никудышным. Он вырублен в пласте известкового кварцевого песчаника, на котором стоят пирамиды. Но спереди, в поле его зрения, можно лишь повторять: «Вот так...», или «Ну что ж...».

У лап его открыт храм из чёрного гранита с чудным алебастровым полом. Такой, наверное, хотел открыть Гумилёв.

Каирские мечети утонули среди высотных зданий. Цветочные магазины заставлены гладиолусами. На фикусах слой пыли. По вечерам в курильнях тлеют угли на пропитанных бергамотом и розой табаках, и клокочут кальяны. Я пил чай и жалел, что бросил курить.

Утром 23 февраля, добравшись 913 автобусом до поворота в Саккару, дальше поехал за 50 пиастров маршрутным микроавтобусом вдоль нильского канала. На пальмах, как я и думал, сидят белые цапли.

На границе этой и той жизни стеной стоит пальмовый лес. Потомки Анубиса, маленькие и длинноногие бродячие собаки, прячутся в складках некрополя.

Туристов было мало, и они почти не мешали мне любить барельефы. Я гладил перепелов в пшенице и поправлял на служанках специальные ленты, чтобы не очень раздвигали ноги.

Как разъярились бегемоты в масштабе Мереруки!

Дай, дай мне цветок лотоса!

Взошёл на пирамиду Усеркефа. Видны близкие пирамиды в Дахшуре на юге и Абушир — на севере, а в Гизе не видны — во мгле. Долго сидел там, оставаясь невидим.

Всё уносят грабители и учёные, думают, что в этот раз навсегда.

На обратном пути прошёл через деревню. С зелёных полей везут и несут люцерну. Чёрная

феллашка с ярко зелёной копной на голове. В чаще пальмовых стволов виден счастливый глиняный дом с цветущим абрикосовым деревом. У ворот стоят кувшины с водой и кружка. Мужчины здороваются со мной. Понятно: день рождения.

Не хочется в Каир, но запрыгивать в автобус и расплачиваться за всё без слов я уже могу.

Простишись с соседками — итальянками и раздав бакшиш, на следующий день я уехал через Суэц в Зафару. Аравийская пустыня на пути в подушках солянки, редких кустах эфедры, тамарикса и совсем редких зонтичных акаций. В Суэце очередь нефтеналивных судов. Дальше — по берегу, между бурьми нубийскими песчаниками и Суэцким заливом. Вода от бирюзы до фиолета. В узких ущельях пепельные пальмы. Потом горы отодвинулись, пошла гамада, и вот тебе Зафара. Маяк, заправка, магазин и десяток строений.

Отсюда — дорога на Бени — Суэйф, в пустыню. Разлитое марево блестит озёрами и подымает холмы над землёй, как кроны деревьев. Двенацать последних километров до монастыря святого Антония Великого, родоначальника христианского отшельничества, я прошёл пешком. И небо было таким лучезарным, пустыня чистой. И ничего не болело, как в детстве на зелёной траве, только немного нога.

Ещё за полпути, вдали, под горами, увидел тёмное пятно зелени и белый входной пилон — перст Божий.

Встретился копт на грузовике. Остановился и дал мне открытку с Антонием. Я перекрестился, поцеловал её и пошёл дальше.

За старой крепостной стеной босые послушники поливали ещё голые виноградные лозы. Серебрились оливы. Вечерний ветер раскачивал финиковые пальмы. Бутовая мазаная глинкой церковь из пятого века. Деревянный подъёмник на случай осады из девятнадцатого века.

В основании скал из разлома вытекает сто кубометров воды в сутки. Бог даёт.

Мне показали монастырь, накормили бобами с солёными маслинами и сыром и отвели постель.

Ночью стеклянные кресты на башнях и куполах горят жёлтым электрическим светом. Стучит дизель.

В четыре утра прозвонил колокол. Я вышел. Небо белое от звёзд, а на земле ни огня.

В шесть часов встал и пошёл к пещере свято-го. Подымаясь по утренним камням, я почувствовал дыхание беса-разрушителя. И удивился: чем он питается здесь? Уж здесь-то какие у меня связи?

Под самым верхом безжизненного известнякового плато, куда ведёт обустроенная монахами тропа, есть узкий затёртый до блеска лаз в маленькую тёплую пещеру. Над ней нависает пятидесятиметровый скальный уступ, и гучит голубь. Вокруг на осыпях разбросаны сотни за-несённых паломниками деревянных крестов.

А внизу, в монастыре, есть целый сад гуав и три цветущих абрикоса. И так легко среди дере-

вьев, и страшно представить, что творится вокруг.

Я оставил записи на русском в двух монастырских книгах и ушёл. Нужно обрабатывать пространство своей дурацкой башкой и ногами, чтобы оно не завяло.

На каирском рейсовом автобусе от Зафары до Хургады берут за полный рейс от Каира — 45 фунтов. В заливе нефтяные платформы, а за ними виден голубой гористый Синай.

За 34 фунта (10 долларов) поплыл из Хургады на день на острова и коралловые рифы. Вода с маслянистым перламутровым отливом, густая. Заросли кораллов. Иные как сиреневый куст. Я сломил под водой маленький каменный цветок, и потом в моей среде он умирал, терял сиреневый цвет и сильно пах йодом и рыбой.

Вечером бродил по Хургаде. Купил тропических фруктов — зелёную шишковидную эшту (аннону чешуйчатую) с белым нежным кремом внутри. — Ты, как эшта! — говорят женщине.

По торговым рядам кадят ладаном.

Русских женщин здесь зовут Наташьками.

Весь день 27 февраля пролежал на пляже, но так никого и не дождался.

В последний день зимы мы пролетали на Дельтой, Средиземным морем и долго справа, в центре земли, стоял белый Аракат.

К тому времени, когда мы сели в Шереметьево, разрушитель стёр из памяти практически всё. Случайно остались высокие сейбы с красивыми цветами, с которых кричат вороны.

Да и с чего бы нам быть здесь счастливыми?
А вот бываем.

28 марта 1998 года

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Хотелось весны цветущей, обновляющей, вечной, возможной только на далёких островах между Европой, Азией и Африкой, в центре этого света.

В автобусе «Адлер-Афины» девятнадцатого февраля утром было четверо пассажиров: среди них лет парикмахер, едущий к брату в Афины, девушка — на работу в Салоники, стариk из Сухуми, снимающий в год до шести тонн манда-рин, и я.

Три часа стояли в Сочи, на Донской, возле рынка. Но это был уже другой, лёгкий, город у дороги.

Серый денёчек. Розовые цикламены на склоне. Придорожный мангаль. Как было бы грустно, возвращайся я, выпить здесь водки.

По дороге разлился мёд из молочных фляг, потом прибывающие греки пили за здоровье маленькой любимой Греции и всех на земле греков, потом полтора часа спорили с геленджикскими греками о стоимости багажа. В Новороссийск приехали в двадцать два часа.

За Новороссийском начался снег. На моей родной Кубани снегопад.

Двадцатого февраля в Ростове деревья обвисли под снегом.

Белая степная приморская Украина.

Двадцать первого февраля — заснеженные виноградники Молдавии.

Весны нет. Будто я отбежал на север, чтобы ворваться в неё.

В тринадцать часов приехали на границу с Румынией, переехали бурый с нависшими вербами Прут.

Маленькие хатки, клети с кукурузой, мужики в папахах. Серые равнины. В двадцать один час приехали в Бухарест. В полночь переехали Дунай, в Болгарию.

Двадцать второго февраля утром приехали в Грецию.

Македония на горах заросла зелёным кустарником и дубняком, не сбросившим сухие листья. В долинах оливковые рощи, черепичные крыши.

В полдень были в Салониках. Хорошо виден Олимп. Над его обширными снежными полями тонкий навес облаков.

Всё зеленей поля. У подножия Олимпа стоит солнечный дым. Аграрная долина с тополями уходит до Эгейского моря. Бурая почва.

Запускают змеев — начало Великого поста, Чистый понедельник по-гречески.

Дорога проходит по известняковому ущелью реки Пиниос, между горными массивами Олимпа и Осы. Свисает плющ.

За горами лежит огромная Фессалийская равнина. Фисташковые и оливковые рощи, пшеничные и хлопковые поля. Родина кентавров.

Ночью сразу за Ламией проехали Фермопилы. Это проход между горами и приморским бо-

лотом. Слева у дороги стоит поднявший копьё Леонид.

Возле Фив вошли в плотный многокилометровый поток легковых автомашин, возвращавшихся в Афины с праздника.

В двадцать три часа я поблагодарил спутников и вышел где-то в центре Афин. Через пару кварталов, двигаясь с расспросами к железнодорожному вокзалу с целью переночевать, я встретил двух сидящих на лавочке и пьющих пиво грузин, Теймура и Виссариона. Они привели меня в дешёвый отель «Петеликон»: две тысячи драхм за одноместный номер.

Двадцать третьего февраля в семь часов утра в шахте двора гучит голубь, звонят колокола. День рождения в Афинах. Каперсы на улицах усыпаны яркими горькими плодами. В проёме улицы мелькнул золотистый Акрополь, и сердце дрогнуло.

Возле площади Синтагма есть византийская XI века церковь Святой Троицы. В 1852 году её отстроила Россия, как оказалось на чёрный, эмигрантский день. Рядом мраморные надгробья бывшего российского посланника Елима Демидова князя Сан-Донато и его жены урождённой графини Воронцовой-Дашковой Софьи.

На каждом углу цыгане просят денег. На лотках жареные каштаны и обсыпные баранки.

В лавках много икон с серебряными и золочёными окладами ценой от пятидесяти долларов. Связки губок. Огромные, с человека, аметистовые жеоды из Бразилии в тысячу долларов,

агаты из Аргентины, аммониты с Мадагаскара, трилобиты из Туниса.

До Акрополя пятнадцать минут ходьбы. Через античную Агору вышел к заросшему пышной весенней травой: шалфеем, калачиками, крапивой, клевером его подножию. Цветёт миндаль. Под оливами осыпь чёрных плодов.

Акрополь стоит на известняковой скале, вырастает из неё.

На Агоре, рядом с Гефестейоном цветёт миндаль и кричит горлица. Что мне ещё надо?!

На улице святого Константина, возле собора, собираются потолковать русскоязычные.

С трёх часов дня до пяти, я заметил, падает дух. Потом восстаёт. Хороши осьминоги на снегу.

На улицах трижды встречал душевнобольных, безумно хохочущих.

Двадцать четвёртого февраля пошёл в сам Акрополь.

Сахаристый чуть желтоватый с поверхности пентелийский мрамор. Дорический периптер Парфенона не велик, но гениально возвышен. Для хризоэлефантинной — золотослоновокостной Афины Парфенос. Желобчатые колонны Эрехтейона совсем источены.

Потом гулял по Агоре, где земля усыпана чепраками. Если они перебили столько посуды, то, наверное, были счастливы.

Вход на Агору стоит тысячу двести драхм, что немного больше четырёх долларов, вход в Акрополь — две тысячи драхм. По воскресеньям — бесплатно.

Стоя восстановлена, но безлюдна.

На рынке по улице Сократа помидоры стоят 150 драхм, киви — 250, авокадо — 400, свинина — 900, осьминог — 2900. Русскоязычные тётки торгуют с рук сигаретами.

Возле византийской церкви Пантанассы играет шарманка. Шарманщик крутит её и медленно подвигает на трёхколёсной тачке. На тарелочке лежат монеты с профилем Гомера — 50 драхм и Александра Македонского — 100 драхм.

К Акрополю тянет. В вечернем свете желтеют скалы и стены. Голуби залетают в ниши. Подножье заросло соснами и кипарисами. Поют дрозды. В церквях звонят колокола.

На известняковой скале Ареопага цветут островерхие белые асфодели и синие мускари. Отсюда говорил апостол Павел.

Свет померк на Акрополе и окрасились облака. Я спустился на Плаку, прошёл мимо открытых пустых кабачков с горящими каминалами и пошёл с Богом.

Двадцать пятое февраля. Волнующий крик горлицы солнечным утром на затёртой до блеска известняковой скале Ареопага. Хотя всё сбылось, этот крик ещё волнует. Милое ласковое утро.

Сорок девятым автобусом в порт Пирей ехать из центра Афин около часа. Паром на Крит отходит каждый день в 19.45. Паромы ходят на все острова. Паром на Крит назван в честь Казанзакиса, отлучённого от Церкви за книгу «Последнее искушение». Билет стоит 5300 драхм.

Перепробовал маслины во всех портовых лавках. Самые вкусные маслянистые стоят 1500 драхм.

С верхней палубы парома Парфенон едва различим между портовых зданий.

+ + +

Веду себя вперёд, на Крит. Один всегда.

Зелёная в порту горит моя звезда.

В Афинах никому того не передать.

И, чем сильней тоска, тем ближе Благодать.

Двадцать шестого в 6.30 пришли на Крит, в Ираклион. Оранжево-красный восход и покрытые снегом горы Ида.

Автобусом из гавани за 240 драхм приехал в Кносс, столицу минойской цивилизации. Дворец обсажен соснами. Вход стоит 1500 драхм. На раскопанной стене цветёт миндалевое дерево. Четырёхгранные колонны, стены и ступени из белого крупнокристаллического гипса. Они почти не сохранились. Восстановлены из бетона. Даже трон был из гипса. Гипсовый дворец.

Ближе к вечеру поднялся в известняковые горы над Кносом. Нашёл небольшой сухой грот, оставил рюкзак и пошёл гулять.

Горы покрыты жёсткой многолетней колючкой, среди которой цветут бледные асфодели и синие ирисы. Из молочая струёй брызжет млечный сок.

Внизу, среди оливковых рощ, виден дворец — лабиринт. Бедный Минотавр, вообще несчастная семья. И Ариадна, и Федра.

Ночью просыпался смотрел на огни Ираклиона и молился. Там хранится честная глава апостола Тита, ученика Павла.

Утром двадцать седьмого февраля прошёл короткий дождь. Спускаясь по мокрой траве, я вымок, и уехал в Ираклион.

Старый город обнесён крепостной стеной. Походил по рынку и уехал в Фестос, на юг. Автобусный билет стоит 1050 драхм.

Зелёный холмистый Крит покрыт оливами, виноградом и белыми церквями. И обрызган розовым миндалём. Иду до основания скрывает туман. Влажная нега весны.

Остановился в Месарской долине, в деревне Мирес, в десяти километрах от минойского Фестоса. Встретил на улице двух ребят из Питера, и они провели меня в пансион «Фестос», где живут русскоязычные гастарбайтеры.

Сбор оливок уже почти закончен, картофеля — тоже. Утром выходят на площадь и ждут найма на любую чёрную работу. Получают 5–10 тысяч драхм в день. За пансион в месяц нужно заплатить 35 тысяч драхм и отдельно за газ, свет и воду.

Лимонные деревья ломятся от обилия бледных созревающих плодов.

Батон хлеба стоит 150 драхм. Хлеб пекут к семи часам утра очень вкусный.

Двадцать восьмого февраля пошёл на Литургию в деревенскую церковь. Современная трёхнефная крестово-купольная базилика. Строго справа мужчины, слева — женщины. Повсюду византийские двуглавые орлы. Поют сильно и

сочно. Крестятся много реже, чем сейчас в России. Головы у женщин не покрыты. Читая проповедь, настоятель строго стучал ладонью по кафедре.

После Литургии поехал в Фестос. Дождит с декабря, но сегодня — ни облачка. Двурогая Ида облита сверкающей снежной глазурью.

Воскресенье, вход бесплатный. Далеко, в шестидесяти километрах к востоку, над маревом зелёных холмов висят в воздухе снежные горы Дикти. Вид этих снежных гор придаёт острову земную самодостаточность. Внизу, под холмом, на котором стоит дворец, раскинулась зелёная равнина с оливами и апельсиновыми деревьями в крапинках плодов.

На развалинах дворца цветут анемоны. Снизу тянет цветущим миндалём. Зелёная по колено трава. «Ах, сесть бы под маслиной с водочкой да под закусь с моими дорогими друзьями!» — прорывается старый Макаров.

Из Фестоса пошёл в Агия Триада (Святая Троица). Вдоль дороги, три километра, анемоны в оливковых рощах: красные, фиолетовые, сиреневые, белые. Открылось синее — синее Ливийское море.

Агия Триада — это тоже минойский дворец с белыми гипсовыми полами, ступенями, четырёхгранными колоннами. Здесь же византийская церковка святого Георгия XIV века, однонефная, 5×7 метров, одна из восьмисот, сохранившихся на Крите со второго византийского периода (961–1669 годы).

Иду покрыли облака. Спускаясь вниз, на автотрассу, нарывал у дороги апельсинов. Попадаются огромные, но кислые. Их не собирают. Так и висят. Липкие от сока руки.

Первого марта утром на деревенской площади стояла толпа человек в сорок албанцев, румын, болгар, украинцев, понтийских греков и русских.

Довольно быстро один хозяин взял меня на обрезку виноградника. Весь день с 8 до 17 часов стягивал с виноградных кустов обрезанные лозы в виду белоснежной Иды. Обедали в апельсиновой роще. На земле россыпь золотых сладких плодов.

Второго марта купца на меня не нашлось, а третьего взяли садить арбузы в междурядьях олив. Намахался тяпкой до изнеможения. Обедали в оливковой роще на пышной траве кислице. На солнце уже градусов тридцать по Цельсию, но ветер прохладный.

Четвёртого марта с утра садил картофель, потом обрезал виноградник.

Пятое марта. Утром одежда сырая и холодная. Таки заболел, как ни ел лимоны и лук, как ни дышал распаренными листьями эвкалипта.

На всех приметных горах и холмах на Крите стоят небольшие белёные церковки.

Шестого марта, приняв вибромицин, собирал на оливковой плантации обрезанные ветви и жёг их. И была та плантация не маленькая. Выпил за день пять литров воды. Сырые ветви олив хорошо горят.

Седьмого марта, в воскресенье, поехал в деревню Маталу. Ливийское море фьордами вдаётся в известняки. На ветру покачиваются мои долгожданные асфодели. Вдоль обрывов к морю растёт можжевельник. Тут бы мне и вырезать можжевеловую палку.

В своё время здесь жила в пещерном некрополе большая колония хиппи. В скалах за деревней я встретил одного босого с косою до пояса мужика возле его пещеры. На входе висела штора и лежал коврик, из камней сложен дымоход. Домовитый, — подумал я. Безлюдный каменистый берег уходил на юго-восток, сколько видел глаз.

Восьмого марта подвязывал виноградные лозы. Они потрескивали при правле.

Девятого марта ясным солнечным утром, когда не дрогнут покрытые росой оливы, я опять начал подвязывать виноградные лозы. Дионис был бы мной доволен. На лозах расположилось множество улиток.

Десятого марта составлял систему для полива картофельного поля, а потом до вечера собирали оливки с сеток, расстеленных под высокими старыми деревьями. Крупные чёрные оливки, так бы и ел, да горькие.

Двадцать дней оливки вымачивают, ежедневно меняя воду. Потом солят: сто граммов соли на литр воды.

Одннадцатого марта собирали оливки на холмах в предгорьях Иды. Нешадно оббивали палками и механическим вращателем на расстеленные сетки. Анемоны в роще были столь разноцветны, что даже деловая Мария собрала букет.

Дикий миндаль у дороги стоит в зените розовой славы. Вечернее солнце высвечивает его. Взмахнёт лепестками и улетит.

На виноградниках и полях, на склонах холмов, видны фигурки людей. Труд земной.

Фикусы на деревенской улице роняют лист, тополя стоят голые, апельсиновые деревья зацветают, неся спелые плоды. Сошлись на острове.

В овощных лавках — непривычные глазу кочлющие соцветия артишоков.

Двенадцатого марта остался без работы. Постирал, а потом гулял по холмам за Миресом. Старуха, таща за верёвку козу с полным выме-

нем, обошла с нею церковку, кадя ладаном из чашки. В Месарской долине стоят дымы — жгут обрезанные оливковые ветви и виноградную лозу. В Месарском заливе обелиском возвышается остров Рахимадия. Рядом с ним ударяет в море солнечный луч. Отсюда штурм погнал апостола Павла на Мальту.

Тринадцатого марта в Тимбаках загрузили оливковыми дровами с албанцем Неймом автомобильную фуру.

Четырнадцатого поехал в Агия Галини (Святую Галину), деревню на берегу, искать работу на лето. В одном кафе обещали через месяц, когда приедут туристы, взять сервиторосом — официантом. Береговые скалы здесь сложены неогеновыми красноцветными конгломератами на глинисто-карбонатном цементе.

Пятнадцатого марта южный ветер принёс мглу и скрыл Иду. До полудня собирал камни на вспаханном поле, потом садил арбузы. Очень устал.

Шестнадцатого марта садил арбузы. В здешней земле совсем нет червей.

Каждый вечер возле «Фестоса» методично кричит сова.

Среди женщин преобладают плотные низкие брюнетки. Понтийский грек Амиран говорит, что чистые греки — только понтийцы. В ресторанах играют на бузуки и осыпают лепестками гвоздик. Для этого на плантациях собирают только бутоны. Держат в клетках «мавропули» — чёрных птиц с жёлтыми заушинами, которые пронзительно свистят и могут повторять слова.

Перед каждым домом садят симметричное дерево — араукарию и подолгу пьют кофе.

Семнадцатого марта грузил фуру дровами. При этом хозяин-грек и его подручный — албанец Яни так на меня кричали и понукали, что я впервые оставил работу. Перекрестился, попросил прощения у Господа и ушёл.

Восемнадцатого марта был сильный ветер в эвкалиптах и мгла с дождём. Загрузили с понтийским греком Володей оливковыми дровами автомобильную фуру к двум часам дня. Это хорошее время. Двадцать тонн дров.

В Миресе много дровников, корчующих старые оливковые рощи и торгующих дровами. Работа тяжёлая, «на дрова» идут в последнюю очередь.

Ветер сорвал с деревьев лимоны.

Девятнадцатого и двадцатого марта быстрые тучи, дождь, холодный северо-западный ветер, горы Ида с полутора километров припорошило снегом.

Гуляя за деревней, нарывал переспелых плодов опунции, искалол ими все руки. По вкусу напоминают тутовник.

В субботу, как всегда, на главной улице был базар. Я купил себе газовую горелку.

В воскресенье поехал на другую сторону острова, в Ретимно, объезжая с запада горный массив Ида. В Агия Галини позавтракал на берегу Ливийского моря и через час был на берегу Критского моря. По дороге пещеристые стволы старых олив, ярко-зелёный пышный юган (ферула), известняковые горы. Билет стоит

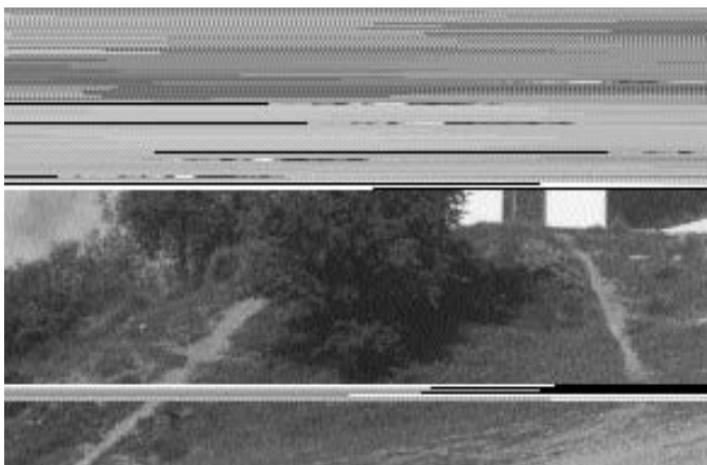
1200 драхм. Далее, в Ираклион, билет стоит 1550 драхм. На берегу, среди отелей, растут финиковые пальмы и олеандры, но свои здесь только большие тамариксы, камыш и колючий подушечный кустарник. Цвет моря бирюзово-фиолетовый. Где-то здесь родился Эль Греко.

Из Ираклиона поехал в Мирес, замкнув круг вокруг облачных гор Ида.

Латунно-жёлтое вечернее Ливийское море. В номере рядом ссорятся грек и его любовница из Ташкента. «Ты меня не кормишь, а только... — жалуется она. — Отдай мои документы!»

Крупного рогатого скота на острове не видно: козы и овцы. На плоских крышах держат овчарок. Хоронят в семейных могилах — полусклепах, облицованных мрамором.

Двадцать второго марта земля ещё сырая, работы начнутся завтра. Вечером сходил на холмы за деревней осмотреться и нарвать лимонов.

Ливийское море, ставшее для меня вечерним; белая часовня в зеленеющих диких грушах.

Если уж совсем не понятно, почему я здесь, то прочту Символ Веры — и всё мельчает.

Двадцать третьего марта собирал оливки, а потом обрезал оливы. Пасмурный день, накрапывал дождь, большие оливы на склоне были до слёз хороши. Под тёмно-серым небом они серебряно светились. Вечером носил мешки с оливками, из которых сочился маслянистый сок, в маслозавод. Из одного мешка килограммов в шестьдесят получается 10–14 литров масла.

Двадцать четвёртого утром гроза, ливень. Работы нет. Хорошая постная пища — авокадо с солью, перцем и хлебом. Недорогая. Авокадо выращивают на Крите.

Двадцать пятого марта — Благовещение в новостильной греческой Церкви и Национальный праздник. Посмотрел, как маршируют под барабаны школьники, и поехал в Гортус. Он рядом. Это римский и, потом, византийский город, столица острова, куда пришёл апостол Тит и основал первую христианскую общину.

Развалины одеона, театра, акрополя, стадиона и сохранившаяся апсида трёхнефной византийской базилики VI века — базилики святого Тита. Их обтекает та же речка — Гефура. В оливковых рощах пасеки. Пахнет цветами. Вверху, на холмах, цветут ромашки, календула и жёлтый кустарник. Внизу, в оливковых рощах, время маков и диких гладиолусов.

Зашёл на развалины акрополя. Чистый травяной воздух. Под ногами хрустят улитки.

Двадцать шестого марта возле деревни Галиа, в отрогах Иды, собирал за пильщиками дрова в

старой оливковой роще, идущей под снос. Самый лучший взгляд на Крит — из глубины старой оливковой рощи, утром, когда нет дымки и когда ещё не изнурён работой. В обрамлении олив видны западные снежные горы Лефка, Месарский залив и ближние холмы с оливами и частовней.

Собирал с хозяином полосатых, коричневых улиток из-под камней и с деревьев. Быстро собрали килограммов пять.

Во второй половине дня загрузили втроём фуру дровами. Возвратился с работы едва живой.

Дал взаймы 30 тысяч драхм понтийскому гре-ку Васо, за что был поднят на смех обществом гастарбайтеров на площади. «Отдаст, но походишь за ним», — заключили они.

Двадцать седьмого марта перешёл в комнаты подешевле, за 20 тысяч драхм в месяц. Теперь мои соседи — румынские цыгане Иван и Ирина.

В воскресенье пошёл пешком, шесть километров, в женский монастырь Богоматери Каливи-анис. По дороге поел зелёных сладких бобов. За холмами блеклая синь: то ли небо, то ли море. Но знаю, что море. Пришёл, когда Литургия закончилась, и гости сидели за угощением — сладостями. Так хотелось, но рука не протянулась.

Всё думаю, каково было Титу, когда он пришёл в Гортус.

Двадцать девятого марта работу не нашёл. Поехал в деревню Антискари, за горы Астерозия.

Сланцевые горы в жёлтом цветущем кустарнике. В теплицах при деревне работают албанцы и болгары.

Тридцатого марта всю ночь и весь день шёл дождь.

Восковые лепестки апельсиновых цветов осипаются в лужи. Иду опять изрядно присыпало снегом.

Церковный колокол в Миресе отбивает часы — по их числу и половины — одним ударом.

+ + +

*Не жди. Она пуста. Ни чем не одарит.
Из тёмной девочки уже не сотворит
Она тебе жемчужную подругу.
Чем Бог пошлёт, сама теперь в округе
Питается. На Крите есть места,
Где можно жить, когда душа пуста.*

Тридцать первого марта холодно, дождь, ветер с севера. Говорят, что работы теперь не будет до сбора арбузов, до середины мая.

Поднимусь на плоскую крышу, посмотрю: тьма вокруг, тучи.

Первого апреля постояли толпой на площади до половины десятого и разошлись. Пришла старуха, мать хозяйки комнат, где я живу. Принесла тарелку вареной картошки с улитками.

К вечеру выглянуло солнце, и пчёлы набросились на цветы.

+ + +

*«Ну что, идёшь? Они не могут ждать».
И Тит, взглянув на Павлову тетрадь,*

*Увидел: «...с ним простились до Суда».
И он кивнул. И страшная беда
Сковала сердце: «Я теперь один!»
Вели в Месару красные следы.
И Крит лежал, как Бог ему велит,
В зеленоватом пламени зари.*

Второго апреля дождь с грозой шёл четыре часа.

Третьего апреля переехал в деревню Антискари, куда я уже заезжал. К русским, спасибо России, относятся хорошо. Белые дома с плоскими крышами встроены в крутой склон. Деревня расположена за поворотом долины, издавна укрывающим от жадных взглядов с моря. Вечером мужчины собираются в кафе поговорить, поиграть в карты, выпить. Ругают американцев за бомбёжку Сербии.

Четвёртого, в Вербное воскресенье, был в деревенской церкви, вызывая любопытство и одобрение. Все брали с блюда маленькие зелёные кресты из пальмовых вай.

Потом взял еду и пошёл вниз, к морю. Семь километров. По дороге осмотрел геологический разрез. Типичная зелёносланцевая серия: хлоритовые и актинолитовые сланцы, серпентиниты.

Ливийское море выбрасывает на берег обувь, пластиковые бутылки и ажурные морские губки. Искупался и весь день валялся на берегу. Вода на изломе волны аквамариновая.

Хочу отдать должное своей старой любви — тамариксу. Большие одиночные деревья и рощи обрамляют по берегу Крит. Мы всюду рядом.

Пятого и шестого апреля нанял один старик делать из камней подпорную стену к его участку.

В деревне все здороваются, много кошек, ослы с трубным рёвом перекликаются через долину. Вдоль дорог растут обкусанные овцами кактусы — опунции.

Седьмого апреля, когда эвкалипты на деревенской площади окрасились солнцем, ушёл к морю. Нашёл укромную бухту и провёл солнечный неприметный день.

Птицы на Крите, что и в России: воробы, стрижи, дрозды, совы, вороны, голуби, ястребы.

Церквей и часовен в Греции больше, чем минаретов в Турции. На одном маленьком острове Санторине их 352. Вдоль дорог стоят металлические, бетонные, мраморные киоты. Лозунг Эсфигменского монастыря на Афоне: «Православие или смерть».

Тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого апреля работал на плантации томатов, облавывал на кустах нижние, отработавшие листья. Весь день согнутый. Жаркое время спали на берегу в тени тамариксов.

Шестнадцатого отдыхал. По утрам уже тепло, летучие мыши. Цвет моря доходит до тёмно-сиреневого.

Семнадцатого апреля возил тачкой щебенистый грунт. Лучше всех в Антискари старики: древние, весёлые и нежадные.

Девятнадцатого апреля собирал в теплицах зелёную фасоль.

Албанцы, работающие в теплицах и имеющие так называемую «белую карту» — вид на жительство с правом работы, вчера потребовали увеличить дневной заработка с 5 до 6 тысяч драхм. Один из них пошёл работать за 5 тысяч, и они его избили. Хозяева теплиц собрались, вызвали полицию и вывезли албанцев.

Двадцатого апреля перебрасывал лопатой грунт за пазуху подпорной стены у того же чудесного старика Евангелоса, с которым строил эту стену. Ему 88 лет, и он не променяет своего осла на автомашину.

Двадцать первого апреля обрызгивал ядохимикатом оливковые деревья. Обжёг кожу на лице.

Двадцать второго апреля заготавливал со стажиком Яни подушечный кустарник на топливо.

Ночью спал на плоской крыше своего жилища. В четыре часа открыл глаза: надо мною звёздный венок Ариадны — Северная Корона.

Двадцать третьего апреля жал серпом траву между большими оливами. Видел змею. Возвращаясь, зашёл в кафе. Мой деревенский приятель Ангелос поздравил меня и пожелал долгих лет — «хроня поли». Сегодня у них день святого Георгия.

Часто не плачу за напитки: кофе, узо — анисовая водка, раки — виноградный самогон, портоколада. Хозяин говорит: «За тебя заплатил человек вон за тем столом». На Пасху же я угощал всех в кафе метаксой — греческим коньяком так, что и не помню.

Сегодня на стене комнаты впервые увидел симпатичного геккона.

+ + +

*Текла Гефура. Старый сад олив,
Наверно, помнил Миноса. Цвели
И на ветру качались асфодели.
— А это кто? — сначала не хотели
Его пускать. — Он — Титус. — Иудей?
— Он говорит, что это для людей
Уже не важно.
Гортус процветал.
Давили масло. Плавили металлы.
И для себя, по мнению Платона,
Составили отличные законы.
Но умирали.*

В конце апреля зацвела маслина.

Двадцать шестого апреля жал траву в лимоновом и апельсиновом саду старика Евангелоса. Сад расположен за деревней, на приморском склоне. Еванелос ехал туда на осле с привязанной козой, я шёл рядом с большим чёрным зонтом.

Двадцать восьмого апреля до полудня сжал четверть гектара вики. Зной. Лето. Пора в горы Ида.

Жена Евангелоса — Василина подала на обед рис с пряностями в молодых виноградных листьях, такие голубцы.

Двадцать девятого рано утром собрался и уехал в Мирес. Солнце встаёт из-за гор Дикти в дымке жёлтое и маленькое, как луна. В Миресе купил продукты и к полудню добрался до дерев-

ни Курутес на юго-западных склонах Иды. Отсюда грунтовая дорога серпантином подымается до альпийской зоны.

На высоте около тысячи метров царство олив сменяется венчозелёным каменным дубом. Часах в двух ходьбы от Курутеса стоит церковь святого Тита и чистый источник. Больше воды на подъёме нет.

На границе дубового леса и альпийской зоны живут молчаливые овчары с отарой и собаками. Стоит закрытая альпийская хижина, на эмблеме нарисован орёл, несущий в когтях ледоруб.

Полнолуние и сильный северный ветер. Всю ночь шипенье ветра. Плохая видимость, дымка. Внизу огни деревень, вверху бледный снег под луной.

Тридцатого апреля в пол седьмого вышел налегке и в пол десятого был на снежной вершине Псилоритис, 2456 метров, вершина острова Крит.

На вершине из снега выступают три уплощённых каменных тура. Сидя на них, я попытался сделать фотопанораму с двумя морями, но дымка. Приподнял плоскую плиту, ища записку, и ужаснулся: там была тёмная пустота. Я сидел на куполе занесённой снегом часовни.

Гора сложена юрским мраморизованным известняком и доломитом с прослоями опоки.

+ + +

*Не поскользнись на спуске
на маленьких округлых камнях,
Не угоди лицом
в нависающий дубовый сук,*

*Не обопрись о камень,
под которым спит скорпион.
Господь знает, что с тобой сделать.*

На границе со снегом, недоступные овцам в зарослях колючки, цветут крокусы и арум.

Я спустился до церковки святого Тита и расположился рядом. Жара и тишина. Помылся, подмёл в церкви, нарвал цветов. Напротив, в горах, белеют деревни.

Пью чай с лимонами, которые дал ещё Евангелос. Сладкий чай с лимонным соком очень хорош в дороге. Провёл рядом с церковью и в ней тихие вечер и утро. В густой кроне дуба что-то назидательно выговаривает голубь, да прозвенит колокольчиком коза. Просил Бога наставить меня на путь.

В полдень первого мая был на берегу Месарского залива в Кокинос Пиргос. Отплыву от берега и смотрю на Псилоритис, где подымался.

Ночевал на пляже. Пахнут тысячелистник и можжевельник. Луна и можжевельник. Ночью на обрыв надо мной пришли козы, и я наслушался звона ботал.

Утром долго смотрел, как рыбак тянул лебёдкой в шаланду из моря пустые сети. Утренний воздух здесь очень нежен. Так дышат, наверное, в раю и плачут.

Ночевал в Миресе у знакомого штурмана из Саратова — Андрея — который возил на учениках атомную бомбу, а теперь собирает апельсины.

Постирал и принял решение плыть на остров Калимнос.

Утром третьего мая приехал в Ираклион. По дороге очень ухоженные ярко-зелёные виноградники. Возле автостанции, у ворот венецианской крепостной стены, расположились толпы албанцев — рынок рабочей силы. Посмотрел на себя в отражениях витрин: потёртая личность с четвертьстолетним абалаковским рюкзаком и сеткой апельсинов в руках.

Остановился в хостеле за 1500 драхм.

Поклонился честной главе апостола Тита в церкви святого Тита, посмотрел иконы работы Михаила Дамаскина в церкви святой Екатерины и взял билет на Родос на завтра за 6400 драхм. Ночью всех донимал пьяный швед. Хорошо, что не я.

Четвёртого мая в восемь часов на пароме «Ромуальда» пошли на Родос. Гористый Крит лежит бурый в пепельной дымке. Цвет моря — синий кобальт.

+ + +

*Я умирал, на Крите в одиночку
Догуливал последние денёчки.
Текла Гефура. Старый сад олив
При Титусе впервые отрясли.
Я к асфоделям, тут и Там цветущим,
Давно и стойко был неравнодушен.
И вот увидел ранье, чем умру.
Никчемные, качались на ветру!
Я тоже так хотел. Но, словно бечева,
Апостола честная голова.*

Ещё не скрылся Крит, как проявился Касос. В тринадцать часов подошли к нему. Бурые склоны невысоких гор, серый известняк, поду-

шечный кустарник. В распадках белые дома с синими ставнями, немного олив. В гавани рыбачья деревня, несколько тамариксов, колокольня с часами.

Потом пришли на более зелёный и гористый Карпатос. С подветренной стороны запахло вянутой травой. Берег пустынен, все деревни в горах, в гавани современный город-курорт. Уходя от Карпатоса, долго видели его резной профиль.

В виду Карпатоса показался большой Родос. На подходе к гавани, ночью, сладко и терпко запахло нагретой землёй.

Утром пятого мая бродил по тесному мощёному камнем старому городу. Полуметровые гранитные пушечные ядра, рыцарские гостиницы ордена Иоаннитов, мраморный герб «Меч и роза», гроссмейстерский замок. Византийские церкви Богоматери, святого Пантелейиона, мраморная крестильня на площади. Византия ещё долго, двести лет после падения Константинополя, затухала на островах.

В городе тьма туристов и для них таверн, баров, пансионов, лавок и магазинов. Родос — один из самых «дорогих» островов.

В тринадцать часов на пароме «Кандия» пошли на Калимнос. Билет стоит 4300 драхм. Справа каменистый турецкий берег.

В пятнадцать тридцать пришли на красивую Симию. Двухэтажный жёлтый город с чёрными кипарисами в маленькой гавани.

След за кормой — чистый аквамарин. Архипелаг маленьких островов из картины М. Дени «The green beach».

В восемнадцать часов пришли на зелёный низменный процветающий Кос. Я осмотрел толпу встречающих: меня никто не ждал.

В двадцать часов пришли на Калимнос. Сосны, тамарицы и яркая бесчувственная бугенвиллея. Пансион стоит от 4 тысяч драхм. Переночевал на крыше какого-то заброшенного строения на берегу.

Утром шестого мая обогнал на автобусе остров: нет, не он. Богатый город, виллы с бассейнами. Нужно было остановиться на Касосе. Теперь поплыну на Патмос. Купил губок, которые здесь издавна добывают.

Паром на Патмос опоздал. Отошли в двадцать три часа. В два часа седьмого мая пришли на Патмос. Ветер и ночь.

Утром с удовольствием увидел, что остров вулканический. В гавани огорожен старым железным забором остаток фундаментов церкви Иоанна Богослова. По-старому хорошо пахнет джидой. На террасах за заборами из лавы и кактусов желтеет поспевает овес. У белых лилий на Патмосе сладкий запах дурмана.

Остановился в кемпинге, в палатке за 1500 драхм, на берегу маленькой бухты рядом с гаванью. Бурый вулканический песок. Непрерывный сильный ветер сутками гнёт тамарицы, на тёмно-синем море белые гребни.

Похожий на Лхасу монастырский город над гаванью, на горе. В центре крепость-монастырь

Иоанна Богослова XI века. Под ним, на склоне расположен одетый ныне в здание грот Апокалипсиса, где было дано Откровение. Я походил вокруг среди скал бурых андезитовых порфириев, опунций и кипарисов. Бог отметил эту землю.

Восьмого мая был на Литургии в гроте-церкви Апокалипсиса. Запах лилий мешался с ладаном. На стенах грота поблескивали крупные кристаллы плахиоклаза.

Потом поднялся в монастырь. Сладкий хлеб в корзинах. Вокруг синее море и острова.

На Патмосе и Калимносе расклейены первомайские плакаты Компартии Греции, осуждающие Северо-Атлантический блок.

Ничего не знает человек. Когда дороги нет, он весел и говорит: «Вот она». А когда дорога есть, он не видит и говорит: «Я пропал».

Того, что представляет себе человек, на свете нет, а то, что встречает его, ему неизвестно.

Девятого мая гулял по всяkim безлюдьям. Цветут розовые выонки, свои, патмосские.

Вечером целый час бил собранные под деревом, где живу, миндалевые орехи. Белые, как кость. Допоздна пил чай. На Патмосе очень звездное небо.

+ + +

*И пахло скорее овечьим навозом,
Чем лилией белой и красною розой.
В углу из травы был устроен диван,
Где спал и не спал в эту ночь Иоанн.
Он вышел наружу, и, после застою,*

*Знакомо и тонко запахло джидою.
Один огонёчек на море гулял —
Наверно, рыбак острогой промышлял.
А сверху безмерно с алмазною дрожью
К нему нисходило величие Божье.
Была б моя воля, не ждал бы и дня.
Как чудно, Господь, Ты неволишь меня!*

Десятого мая ветер стих. На причале рыбаки выбивают пену из пойманых осьминогов. На одной из лодок поймали метровую рыбину, и весь Патмос сбежался смотреть.

Поднялся в грот Апокалипсиса. Опять огромные вороха лилий и роз.

Всё фотографируют, всем улыбаются — это немцы. Сбившийся голубой платок, ничего не видит, блаженно улыбается — это русская паломница.

Одннадцатого мая заскучал и уплыл на Самос. Похоже, начинается островная тоска. За час на подводных крыльях приплыли в Пифагорео. Это его родина. За полчаса переехал в порт Самос, на северную сторону острова. В парке цветут аканты. Из гавани великолепный, я понимаю в этом, вид трёх дымчатых гряд.

Пиво с белой осьминожиной. Напротив поставил бокал сладкого вина «Самос». Грустная греческая песня о рубашке синей, как море.

Устриц не нашёл. На Калимносе продавали с лодки, но я не решился, а как чудесно пахли.

В четыре часа двенадцатого мая на пароме «Димитрула» пошли на Салоники. Билет стоит 10 тысяч драхм.

В семнадцать часов слева прошли заснеженный Олимп. Уже нет той, синей, воды. Чёрно-зелёная.

Византийские церкви в Салониках «вросли» в землю. Чем глубже, тем древнее. Много тополей, цветёт цикорий. Остановился в хостеле за 2 тысячи драхм.

Утром тринадцатого мая взял разрешение в представительстве Агион Орос — Святой Горы и уехал в Уранополис на границе с Афоном. Билет стоит 2.5 тысячи драхм.

За три часа переехали потрясающе зелёный полуостров Халкидики. Отцветшая на Крите, цветёт акация. Радует глаз цветущий шиповник.

Катер на Афон бывает раз в сутки, в десять часов утра. Переночевал на пляже. Гранитная галька и белый кварц — полевошпатовый песок. Вода, как слеза.

В пятом часу утра очнулся от страшного сна, будто хоронил ребёнка, а он оживал и бежал впереди меня. Сразу понял, что это мои грехи. В пять начало светать над Афоном, и потянулись на лов рыбачьи моторки.

Четырнадцатого мая в восемь часов в офисе Агион Орос получил за 4 тысячи драхм демантериум — пропуск на четверо суток. Билет на катер стоит тысячу драхм.

Верх Святой Горы порос сосной. Когда открылся русский Пантелеимонов монастырь с зелёными куполами соборов, все паломники, человек сто, в основном греки, ахнули: «Поли мэгалос! (Очень большой!)». Катер заходит во все

монастырские пристани на южной стороне полуострова.

Возле причала цветёт павловния. Меня поселили в маленькой белёной келье в гостиничном корпусе. Шестым этажом на этом здании расположена церковь Преображения. Время здесь византийское: нуль часов приходится на закат солнца.

После повечерия в Пантелеимоновском соборе исповедался духовнику монастыря отцу Макарию.

К утрене, в семь часов по Византии, прошёл по коридору инок с колокольчиком. Чернее ночи были только кипарисы.

Пятнадцатого мая на Литургии причастился, слава Богу.

Вчера мыл полы в гостинице, а сегодня весь день множил для паломников на копировальном аппарате молитвенные пения Божьей Матери — Игумение Святой Горы.

Время нужно устанавливать по монастырским часам на колокольне. Неделю служат в Пантелеимоновском соборе, неделю — в Покровском. Был владыка Кирилл митрополит Смоленский и Калининградский, приехавший вчера.

Над царскими вратами висит чудотворная икона Богородицы Иерусалимской.

Днём на рейде стал теплоход из Одессы, паломникам вывезли на катере святые мощи для поклонения.

Трапезная рассчитана на восемьсот человек одновременно. Облицована зелёным узорчатым мрамором и расписана до последнего уголочка.

Шестиэтажные братские корпуса из тёсаного дикого камня разрушены. Остались стены.

Шестнадцатого мая Литургию служил владыка Кирилл. Сказал в защиту Сербской святой земли. Просил молиться за него.

После трапезы пошли с братом Павлом Павловым на северную сторону полуострова в греческий монастырь Пантократора. По дороге зашли в Старый Руссик, где теперь один монах Иона. Большой храм святого Пантелейиона закрыт и разрушается, вокруг него цветёт шиповник.

По дороге пышная растительность: липа, дуб, каштан. Светлый Афонский пик высотой 2033 метра — мраморный Престол Божьей Матери — красиво и мощно возвышается над зелёным полуостровом Святой Горы.

Зашли в Ильинский скит с храмом Ильи-пророка. Всё бывшее российское. Греки открыли нам храм, и мы приложились к чудотворной иконе Богородицы Льющей Слёзы.

Потом отстояли вечерню в Пантократоре, приложились к чудотворной иконе Богородицы Геронтиссы — Сарицы, потрапезничали и пошли обратно.

Всего прошли километров тридцать, спускались к святому Пантелеймону уже ночью, устали. Искупались в море, вода светилась редкими крупными искрами.

Семнадцатого мая получил у отца Макария благословение остаться. Весь день до вечерни оклеивал золотой каймой иконы для паломников.

После трапезы гулял возле монастыря. Кристаллические сланцы и гнейсы. На них непроходимые растительные дебри, перевитые колючим сассапарилем. Видел полуразрушенную келию.

В монастыре зацвели белые царственные лилии.

Восемнадцатого мая, благословясь, красил иконные доски.

В монастыре всё время идёт тяжёлая борьба.

Девятнадцатого просил у архонтаря отца Исидора благословения сходить в монастыри Дохиар и Констамонит, но не получил. Оклеивал золотой каймой и покрывал лаком иконы.

Двадцатого мая, в Вознесение Господне, с братом Виктором Кононовым ходили к старцу Рафаилу. По дороге много приятного земляничного дерева. Цветёт зверобой. Старец очень ласковый и усталый.

Двадцать первого, на Иоанна Богослова, помогал делать иконы для паломников. Вечером купался в море и слушал соловьёв.

Игумен монастыря отец Иеремия молчаливый, возможно святой, старец.

В монастыре много выходцев из Западной Украины.

Двадцать второго мая, на Николая-чудотворца, помогал делать иконы.

Говорят, что Богородица Иверская Портатисса — Вратарница сама уходит с Горы. Дважды возвращали. Когда уйдёт, Афону конец.

Святой Пантелеймон и великомученик, и чудотворец, и врач-бессребренник. Так приятно

приложиться к его иконе по дороге в собор, в тёмном портале.

Возле Пантелеимоновского собора росла маслина из чудесной косточки того дерева, которое Господь покрыл целительными плодами при усечении на нём честной главы святого Пантелеймона. В прошлом году она засохла, и её спилили. Из пня идёт горький целебный сок. Дерево распилили на кусочки и разобрали для исцеления.

Двадцать третьего мая елеопомазался на всенощной, благословился у отца Исидора и в шесть утра греческого времени вышел из монастыря на Афонский пик. Взял в трапезной хлеба и маслин на двое суток.

За час по мощёной тропе под пение соловьёв дошёл до Дафни. Оттуда на пароме «Святая Анна» доплыл до скита святой Анны.

Пугающе неприступно выглядит с моря стоящий на скале Симонапетров монастырь (отстроенный в последний раз на российские деньги).

В ущельях лежат облака — туманы.

Над монастырём святого Павла в теснинах лежит снег.

От пристани святой Анны по унавоженной мулами бесконечной лестнице поднялся до скита. Он ещё в тени Афонского пика. В маслинах громко поют дрозды. Каливы примыкают к крутыму склону. Выше скита мраморные скалы имеют библейский иконописный вид.

Подымался в облаке: прохладно, беззвучно струится туман.

+ + +

*Матушка Богородица, Сиреневая Лампадка!
Даже стекло на образе пахнет чисто и сладко.
Чёрная братия Тебе поёт ладом.
Синими струями восходит к Тебе ладан.*

*Матушка Богородица, Соловыиный Сад!
Наши помыслы чёрные у ног Твоих шипят.
Не оставь нас, Матушка, пьяниц и воров.
Смилуйся, Богородица, продолжай Покров.*

Выше развилки на Керасию и Панагию рас-
тут густо покрытые лишайником кустарниковые
дубы. Волнами проходит туман. Неожиданно
роща больших дубов, сосен, пихт, можжевель-
ника. Там на тропе, где шла Богородица, мра-
мор побелел и опрозрачнел.

Тропа к Панагии, докуда Она дошла, как бы
обходит гору.

Беломраморный ребристый верх Престола ук-
рашен одиночными чёрно-зелёными пихтами и
соснами. Но до верха ещё, в лесу, молодые пих-
точки с ярко-зелёными лапками, глянцевая тра-
ва, пахнет цветами и хвоей, бросает то в детст-
во, то в зрелость.

В Панагии, на высоте 1500 метров, есть цер-
ковь, приют, камин, колодец. На пихтовый лап-
ник брошены одеяла. В колодце чистая хорошая
вода.

В альпийской зоне среди травы зацветает
жёлтая асфоделина, на боярышнике только на-
бухли бутоны. Весна Господня.

Я один в Панагии. Попил чаю и по старой
привычке пошёл собирать дрова.

Ночью была гроза и дождь. Приблудные мулы по-бесовски били копытами в стену.

Утром двадцать четвёртого мая потихоньку пошёл на Престол. Ещё с ночи сдавило сердце. С молитвою дошёл. Там стоит железный крест 1897 года и церковь Метаморфозиса — Преображения Господня, вся опутанная грозоотводами.

Помолился, записал всех, кого помнил, о здравии и об упокоении.

В разрывах облаков внизу виден монастырь святого Павла. Потом всё закрыл облачный покров. Остался один Престол. Облака начали подыматься и погромыхивать. Спустился в Панагию в густом тумане. Боль прошла.

В полдень спустился до святой Анны и по дороге в монастырь святого Павла таки попал в ливень.

На склонах растёт древовидный молочай. На Святой Горе в каждом месте свои растения.

Женщины никак не могут попасть на Святую Гору. Богородица не дает.

Крыши в монастыре святого Павла крыты исключительно здешним слюдистым сланцем. На службу созывают ритмичными ударами в деревянное било, в четыре захода.

После вечерни и трапезы вынесли реликвии и святые мощи. Я увидел Дары волхвов — три резные золотые пластинки, которые держал Господь. Их привезла сюда Мара Бранкович, сербка, христианка, мать султана Махмуда, разграбившего Константинополь.

Двадцать пятого мая после Литургии попробовал на трапезе белое монастырское вино. В греческих монастырях вино дают каждое утро, а в русском — по воскресеньям.

Спустился на пристань монастыря, дождался парома и уплыл обратно, в Дафни.

Ближе к монастырю святого Пантелеимона растёт много лавра, в разнотравье — съедобный горох. Поют соловьи, будто кто их сюда заманивал.

Остаток дня помогал делать иконы.

Двадцать шестого мая помогал настилать половы на мельнице, где преподобному блаженному старцу Силуану Афонскому явился Господь Иисус Христос. «Топил» гвозди и шпаклевал.

В других монастырях в кельях электрический свет, а в святом Пантелеимоне — керосиновые лампы. Это хорошо.

Двадцать седьмого мая трудился на мельнице.

Двадцать восьмого помогал делать иконы.

Хоронят здесь за три часа, в чём ходил. И молятся за него всю жизнь. В костнице хранятся черепа и берцовые кости всех монахов за сотни лет. На черепах написаны имена.

Иных конфессий в святом Пантелеимоне садят за общий стол, а в греческих монастырях — отдельно.

На вечерне исповедался отцу Макарию и благословился в дорогу. Испросил у него телефон монастырского подворья в Константинополе.

Двадцать девятого мая причастился и попросил эконома иеромонаха отца Анфима вынести

моши святого Пантелеймона. С благовением приложился к его благоухающей честной главе.

Братья пришли меня проводить. Впервые уезжал с душевным трепетом и намерением вскоре вернуться. Говорят, что возвращаются редко.

С парома «Достойно есть» смотрел, как удаляется дорогой сердцу монастырь святого Пантелеймона. Престол Богородицы весь появился в красе и скрылся.

Вечером приехал в Салоники, остановился в том же хостеле.

Тридцатого мая, на Троицу, купил билет на автобус в Константинополь за 14300 драхм.

Пахнет городским летом. Салоники заклеены антиимпериалистическими призывами Компартии Греции.

В древней, IX века, церкви святой Софии шло крещение детей. С трепетом приложился к образу Богородицы Одигитрии VII века и Христа XI века.

Не для того Господь спасал меня столько раз, чтобы я погиб во мраке. Я ехал за Весной мира и нашёл Её на Святой Горе в Господе нашем Иисусе Христе и Богородице.

Тридцать первого мая, в праздник Святого Духа, переехал в Турцию через Александрополь.

Аисты на тополях, буйволы в мутной реке, женщины на полях. Азия.

В Константинополе позвонил на подворье Пантелеймоновского монастыря, и отец Кукша встретил меня возле моста через Золотой Рог. На подворье их всего трое: иеромонах отец Виталий (в отъезде), иеродиакон отец Корнилий и

отец Кукша. Подворье расположено в Галате, рядом с гаванью, в лабиринте улиц. До революции все паломники приезжали сюда и ждали разрешения на Афон. Шестиэтажный дом со стёртыми мраморными ступенями. Пять нижних этажей сдают туркам, на шестом — церковь святого Пантелеймона. С 1962 по 1994 годы и церковь была заброшена. Восстановлена трудами этих троих отцов. В церкви — чудотворная икона Владимирской Божьей Матери.

Мне дали комнату на пятом этаже. Железные клёпаные ставни. Сколько же православных через неё прошло?!

Вечером гулял по Константинополю. Слияние Золотого Рога с Босфором, толчей судов и волн, чайки над рыбным рядом, святая София — всё это приводит меня в лёгкое состояние. Ел мидий и жареную ставриду с кислыми овощами. Везде продают черешню.

Первого июня вышел на босфорский ветер и вернулся. Плохо себя чувствую. Простыл. Молился о выздоровлении святому Пантелеймону.

Второе июня. Ночью была гроза и стонали чайки. Днём дождь. На том берегу Босфора, над Скутари, темно от туч. Ходил за продуктами. Иногда чем-то так повеет, какой-то тленной надеждой, и душа встрепенётся, и нужно объяснять, что это не её.

Третьего июня с Божьей помощью стало легче. Сходил во Вселенскую Патриархию. В трёхнефной базилике святого Георгия там есть Богородица Макаристос — Блаженная, мозаичная XV века и Богородица Фанэромэни (?) XII века.

Приложился к чудотворным иконам Господа нашего, Богородицы, святого Георгия и ковчегам с мощами святых Феофании, Евфимии и Соломонии. В колонну базилики встроена часть той колонны, возле которой бичевали Спасителя.

Попрощался и в шестнадцать часов уехал в Трабзон. Билет, поторговавшись, купил за 17 долларов.

К востоку от Босфора Турция утопает в зелени. Сосновые леса. Цветущие каштановые и липовые леса.

Четвёртого июня в четыре часа утра приехали к Чёрному морю. Пасмурно, дождь, цветут яблони.

В десять часов приехали в Трабзон. Купил за 55 долларов билет на паром «Аполлония II». Осталось пересечь море.

Пятое июня. Вода в море совершенно зелёная.

В девять часов появился контур берега и полоска суши — Адлер.

Благодарю Тебя, Господи, и Госпожу Богородицу, Вечную Весну мира.

+ + +

Все, что можем на Земле — до конца испить печали.

Ах, какие гордецы мы бываем поначалу.

Гладишь нас по голове Ты с улыбкой благосклонной

На далеких островах асфоделеанемонных.

5 июня 1999 г.

СВЯТАЯ ГОРА АФОН

19 июля 1999 года, простившись, я поехал в Афон. От чувства необратимости в голове стоял сухой огненный треск.

20 июля вдоль Азовского моря долго проезжали бахчи. Слабая душа просила у Господа утешения.

21 июля утром в Молдавии, возле Новых Аннен, автобус разбился на повороте и вылетел на поле подсолнухов. Меня снова ударило в то же бедро, что и на Южном Тянь-Шане в 1982 году.

Остановили кровотечение, арендовали в Кишинёве новый автобус и поехали дальше. Целую тень Твоего омофора, Госпоже моя Пречистая Богородица!

В Болгарии у дорог продавали дыни.

23 июля приехали в Салоники, и я устроился в хостеле возле арки императора Галерия на отлёжку.

25 июля, волоча ногу, переехал на Святую Гору в Свято-Пантелеимонов монастырь. Зелёные купола храмов, ветер, зной и цикады.

26 июля пошёл к старцу Рафаилу узнать волю Господню. По дороге жёлтая сухая трава в оливковых рощах. Гекконы живут в каменной прохладе колодца над зеркалом воды.

27 июля, на равноапостольного великого князя Владимира, услышал голос родного моего брата, Владимира: «Слепи толстую свечу». И я зажёг у иконы равноапостольных Владимира и Ольги толстую свечу.

28 июля иеромонах отец Макарий, духовник Свято-Пантелеимонова монастыря, благословил остаться.

29 июля назначили в послушание делать иконы для паломников.

30 июля, хромая на Литургию по дорожке, обсаженной цветущими олеандрами, в ласканиях чистого морского воздуха подумал, что уже не нужно бояться чего-то не досмотреть в этой красоте мира.

1 августа утреня началась в 7.30 по-византийски, что около 2 часов ночи по-гречески. Через шесть часов службы, в конце Литургии мне казалось, что стою в серебряном саду. Цвёл ладан, болела и не сгибалась нога.

2 августа на мельнице преподобного Силуана Афонского освятили восстановленный храм Ильи Пророка.

Плитами слюдистого сланца в монастырях на Горе покрыты крыши, вымощены дворы, коридоры и лестницы.

Помоги, Господи, положиться на волю Твою!

3 августа кто-то положил на подоконник моей кельи большой персик.

Так сладко видеть за этим знайным средиземноморским летом Господа нашего, Богородицу, святого Пантелеймона.

6 августа из окна мастерской видны камни на мелководье. В 11.20 по-гречески прошёл паром в Дафни, в 12.20 — обратно, в Уранополис.

Исповедался архиепископу Новороссийскому и Краснодарскому владыке Исидору, приехавшему на монастырский панегир, праздник великомученика и целителя Пантелеймона.

8 августа в золотом храме Покрова Богородицы рядом с аналоем стоял серебряный ковчег с честной главой преподобномученицы Параскевы, её день.

9 августа на всенощном бдении в храме святого Пантелеймона служили греки и русские. Раскручивали хорас с горящими свечами вокруг паникадила, раскачивали само паникадило и меньшие кандила.

Были ещё епископы Богородицкий — Кирилл и Ветлицкий — Аркадий. Был посол России в Греции. К концу службы, утром, половина гостей спала. Для бодрости окропляли святой водой с мятного веничка.

Большую чудотворную икону Пантелеймона украсили кипарисовыми ветвями. Вынесли его честную главу в золотом ковчеге. На иеромонахах были роскошные царских времён фелони, золотые с алыми цветами и травами. Всего было 420 человек.

Над храмом Пантелеймона и колокольней было алмазное небо. Ангелы слушали пение.

После бессонной ночи и трапезы с вином не хотелось выходить в белый летний зной за окном.

На вечерне поминали уже таких далёких архимандрита игумена обители Макария, ктиторов и благодетелей князя Скарлата Каллимаха и княгиню Смарагду.

10 августа жарко, пот льётся сам собой. Не настираешься. Иеромонах отец Исидор, у которого я в послушании, благословил искупаться в море. Вода около 30°С, над галькой струится жар.

11 августа сделал 40 икон для паломников. Вечером ходил купаться на мельницу. После пресной прохладной воды оживают запахи.

14 августа на Литургии целовали большую частицу Животворящего Креста Господня. Страшно подумать!

На трапезе давали мёд — медовый Спас.

Весь день, не разгибаясь, делал иконы.

Красный, как омофор Матушки, закат переселился в келью с морской стороны.

16 августа всю ночь давил на стенах клопов.

Холодный мраморный пол в храме охлаждает горячий лоб.

17 августа на Литургии в ногах иконы великомученика Пантелеимона отражалась моя косматая, седая, сонная голова.

Экскурсионные теплоходы курсируют вдоль берега Святой Горы. Что-то громко вещает гид.

18 августа все так мили со мной. Это я начал ходить на утрени. Господь додаёт за ночной

труд. Один брат принёс зелёных перцев, другой — инжира.

19 августа Преображение Господне, яблочный Спас.

От моря 40 метров, в окно кельи тянет утренней прохладой.

Причастился в храме Преображения Господня, двумя этажами выше моей кельи.

На трапезе — сизый, спелый виноград.

Днём пошли с братьями Александром Тараном и Георгием Литвиновым в Карею. Вдоль дороги растёт анис, на котором настаивают водку — узо, много спелой ежевики, инжира.

Зашли в греческий монастырь Кутлумуш, где сегодня престольный праздник, потом — в бывший русский Андреевский скит. На могильной плите игумена — основателя выбиты чудесные строки из 102 псалма: «Человек, яко трава дние его, яко цвет селный...».

Вечером в греческом монастыре Ксиропотам приложились к самой большой в мире частице Животворящего Креста, потрапезничали и возвратились в свой монастырь. Всего прошли километров двадцать. Я снова хожу, Господи помилуй.

20 августа Литургия в храме святителя Митрофана, епископа Воронежского. Что ни день — новый храм и мощи.

Поспели плоды на кактусе-опунции, колючие и сочные, тутовник с дыней, чуть солоноватые, пища бедных келиотов.

21 августа на вечерне в Покровском храме облился потом. На солнце 50°С. Маслины под ок-

ном с крупными зелёными крапчатыми плодами не шелохнутся.

22 августа от полуночницы до Литургии прошло, как всегда, шесть часов, но, казалось, не долго. Мой ветхий человек всё пытается выскаться.

Начавшийся ветер гоняет по морю ряби.

23 августа на вечерне от иконы Успения Пресвятой Богородицы пахло розами.

Духовный человек молится, уповая на Господа, а ветхий шепчет ему: «Подшай, Георгий, туфли».

27 августа, благословясь, пошли с братьями Александром и Георгием по монастырям.

В болгарском монастыре Зограф приложились к трём чудотворным иконам великомученика Георгия: Самонаписавшейся, Приехавшей на мule и Победительной. Взяли от них лампадного масла.

Монастырь обветшал, в нём всего 10 монахов, но они гостеприимны и ласковы.

Поклонились месту сожжения латинянами зографских монахов-мучеников и пошли по зелёным холмам в греческий монастырь Ватопед.

Земля вдоль тропы изрыта дикими кабанами.

Во дворе монастыря на деревьях висят огромные зелёные грейпфруты.

В храме Благовещения Пресвятой Богородицы стоит серебряное лимонное дерево-подсвечник. Резной иконостас, покрытый золотым виноградом, доносит блеск Византии.

Приложились к святым мощам, поясу Богородицы, Её чудотворным иконам: Отрада или

Утешение (Парамития, греч.), Закланная (Эсфигмения, греч.), Предвозвестительница (Антифонитрия, греч.), Елеоточивая и Ктиторская.

28 августа пошли по тропе вдоль северного берега полуострова в греческий монастырь Пантелеймон. Приложились там к чудотворной иконе Богородицы Старицы (Геронтий, греч.) и взяли маслица от неё.

На деревьях вдоль дороги уже подвяленный сладкий-сладкий инжир.

Заночевали в монастыре Ставроникита. У входных ворот в виноградной беседке пахнет поспевающей изабеллой. Монастырь маленький, сейчас 11 монахов. В периптере братских корпусов расположена древняя византийская церковь Николая-чудотворца. В церкви есть византийская мозаичная икона Николая-чудотворца Устричника с рассечённым раковиной устрицы лбом. Икона приплыла в иконоборческое время. Ночью тихо до звона.

29 августа после Литургии и трапезы пошли в Иверский монастырь.

Всё даёт Господь: чистую сухую постель, спелые фрукты. «Венец лета благости Господней».

Во рту ещё стоит обжигающий вкус монастырского вина.

На пляже у тропы растут песчаные лилии с тугими зелёными сумками семян.

За час дошли до Иверона. Приложились ко главной афонской чудотворной иконе: Портатиссе (греч.) — Богородице Вратарнице. Церковь Успения Богородицы XI века, престольный праздник «во Успении Своём нас не оставляю-

щей». А напротив, на острове Лесбосе, в первое полнолуние августа всемирный слёт лесбиянок.

31 августа, ночь на причащение Святых Христовых Таин. Яко мотыля ночного, Господи, не опали меня в свете Твоём.

1 сентября, первый пасмурный, до вечера дождливый день.

Трудничал, братья приносили груши и виноград.

3 сентября делал иконы Богородицы Одигитрии (*греч.*) — Путеводительницы и святителя Григория Паламы. Выучил пятидесятый псалом.

4 сентября брат Александр Виноградов ко дню рождения поймал и вкусно приготовил большую рыбу руфо. Были иеромонахи отец Анфим — эконом монастыря и отец Максим — библиотекарь.

5 сентября ходили с братом Александром Тараном в ближние греческие монастыри Ксенофонта и Дохиар. В Ксенофонте приложились к иконе великомученика Георгия Победоносца, приплывшей в иконоборческое время, а в Дохиире — к чудотворной иконе Богородицы Скороппослушницы (*Горгуникоссы, греч.*). Это фреска на стене бывшей трапезной в русской работы XIX века серебряном окладе. Просил у Неё благополучия родным и друзьям и себе монашества.

По дороге море было синим и прозрачным и на маслинах зелёные плоды. Говорили, какие предстоят брачи.

6 сентября на утрене боролся со сном. Пропыпался на звон кадила и запах ладана.

9 сентября делал иконы Богородицы «тёплой заступницы мира холодного», мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, чудотворца Николая, Всех Святых, великомучеников Георгия и Димитрия, которые быстро раскупаются греческими паломниками.

Выучил девяностый псалом. Хорошо учить, что нужно не только в этой жизни.

10 сентября на утрене стук дождя по крыше храма.

Украшенные сапфирами, изумрудами, топазами, аметистами, бирюзой, жемчугом иконы Богородицы «Достойно есть», Казанская, Всецарица (Пантанасса, греч.), Курская «Знамение», Иерусалимская — малое украшение славы Ея в Покровском храме.

В понедельник, среду и пятницу — постные дни, одна трапеза в полдень: овощи. Но на труды благословляют выпить с утра чаю с хлебом и маслинами.

Вечером по дороге на исповедь видел, как жадно следил послушник Алексий за шмелём, висящим над закрывающимися цветами.

11 сентября, благословясь, вышел из монастыря в утренних сумерках. Тепло. Благовест. В розовых облаках ещё горела звезда. За полчаса дошёл до монастыря Ксирапотам.

Сладкий виноград у дороги склевали птицы. Каштаны обвисли под тяжестью колючих зелёных шаров. Полные горсти спелой ежевики. Вскоре был в Карее, уже кончалась служба в протатском храме. Пал ниц перед Богородицей «Достойно есть». Монах потёр ваткой по тёмно-

му от древности византийскому Её лику и напитал маслом от горящей лампады. Помоги, Матушка, моим родным и друзьям, покрый их честным Своим омофором.

Потрапезничал в монастыре Кутлумуш и пошёл в Филофеев греческий монастырь. «На руках возьмут тя, да не когда преткнёши о камень ногу твою...»

В маслиновых рощах среди сухой травы после дождей зацвели цикламены. Вторая весна.

Монастырь стоит в горах среди влажного каштанового леса. Ухоженные грядки чеснока, томатов, капусты, виноградники, яблоневый и айвовый сад. Внутренний двор порос зелёной травой. В соборе Благовещения — чудотворная икона Богородицы «Сладкое лобзание» — Гликофилуссы (*греч.*). На Ней корона с изумрудами и рубинами. Проникающий в душу нежный и горький взгляд. Взял маслице от иконы, прижался к ней. Тоже сама приплыла.

12 сентября пошёл обратно по водоразделу Горы. Лесная подстилка розовая от цикламенов очень подходит Пресвятой Богородице. Шел и думал, что незаслуженно беру в каждом монастыре сокровища.

Возле заброшенных келий плетётся по деревьям чёрная изабелла, поспели тонкокорые греческие орехи.

На южной стороне Горы сухо и жарко, бледная даль моря. За шесть часов дошёл до своего монастыря и кельи.

13 сентября матовые белые, будто снежные, лампады перед иконой Одигитрии в храме святого Пантелеймона.

И в келье, и в мастерской несмолкаемый шум моря.

Делал иконы покровителя маленьких детей святого Стилиана, первомуученика архидиакона Стефана, преподобного Серафима Саровского. Выучил тридцать третий псалом.

14 сентября Новый год, водосвятный молебен. На рейде стал круизный теплоход «Ольвия».

Делаю в день 40 икон. И на вечерню не хожу, чтобы успеть. Но отец Исидор требует делать больше.

15 сентября приехал архиепископ Тернопольский и Кременецкий Сергий. Терновое поле и кремнистый путь. Молодой и сильно пожимающий руку.

Пробивают дороги, ремонтируют фасады монастырей. Говорят, что скоро всему конец. Будет не Афон, а туристический комплекс.

17 сентября отец Исидор нападает, а я прекословлю. Не много во мне послушания.

— Вот пожалуйста, Георгий, у нас нет ни одного Афанасия Афонского. Я же тебя просил.

— Батюшка, когда бы я успел? Всего лишь ночь прошла.

18 сентября сделал 40 икон и успел на окончание вечерни. К полуночи исповедался.

Монах отец Иннокентий, 82 года, ходит в одной галоше и одном сапоге: ноги болят. Говорит: «Ряса святости не добавит. Какая-нибудь

мымра, дерюгой покрытая, всех нас своей молитвою держит».

19 сентября ночью напротив кельи, недалеко, в море стояла лодка с тремя огненными фигурами.

На утрене канон архистратигу Михаилу читал рыдающим голосом иеромонах отец Николай.

На Литургии причастился у владыки Сергия. Потом пошёл в Карею, в сербский скит, помолиться Богородице Млекопитательнице — Галактотрофуссе (*греч.*). Господь Иисус Христос сосёт правую грудь, серебряные кисти рук и золотые звёзды девства. Вся увешана царскими деньгами и медалями.

В монастыре не стоит просить у людей. Что Бог даст, то и будет в жилу. А что выпросишь, пожалеешь.

21 сентября всенощное бдение на Рождество Богородицы. Ты, Матушка, и Дакриоусса (Льющая слёзы), и Родон Амаранта (Благоуханный цвет).

Служба началась медленно и торжественно, вовлекая душу, в голубых, богородичных, ризах.

23 сентября освящался престол преподобного Силуана Афонского на мельнице, где ему явился Господь. В престол заложили частицу мощей великомученика Фёдора Стратилата. Освящал владыка Сергий. Послушник отец Ефрем (в миру Владимир Макаров) нарисовал для иконостаса икону преподобного Силуана. Я тоже вложил частичку труда: реставрировал икону «Иисус Христос Царь Славы». Её повесили над Царскими вратами.

24 сентября на пароме «Скоропослушница» поплыли с братьями Александром и Георгием в Кавсокаливу на восточном окончании Афонского полуострова.

Между греческими монастырями Дионисиат и святого Павла проходит зелёносланцевая зона разлома, отделяющая от кристаллического блока известняковый блок Афонского шпиля.

Из Кавсокаливы пошли по тропе к пещере преподобного Нила Мироточивого. У тропы на известняковых щебнях цветут ярко-жёлтые амариллисы.

Раньше из могилы преподобного по скальным желобам стекало миро. В маленькую синюю бухту внизу приезжали за ним на лодках.

Помолились в пещере преподобного и пошли в румынский скит Иоанна Предтечи (Продрома, греч.). Скит больше иного монастыря и раньше был российским.

Помолились самонаписавшейся Богородице Продромитиссе.

25 сентября помолились в параклизе Иоанна Предтечи перед его знаменитой чудотворной иконой с гневным лицом.

В далекие времена в храм проникли грабители и один из них пал замертво пред этой иконой, увидев как черты Предтечи Господня искалились гневом. С тех пор гневное выражение так и осталось на лице в назидание нам, грешным.

Сходили поклониться в пещеру преподобного Афанасия Афонского, а потом пошли в Мегалавру.

С земляничных деревьев над дорогой свисают рубиновые ягоды, за ними синеет море. Но лучше не втягивать себя в эти цветные видения.

За час дошли до Мегалавры и расположились. Во всех монастырях на Горе паломникам подают рюмку аниской водки узо, кусочек лукума и стакан воды.

В соборе Благовещения Пресвятой Богородицы самая большая на Афоне, полтора на два метра, Её икона — Экономисса, мощи преподобного Афанасия Афонского в серебряном саркофаге, древние мозаичные византийские полы.

26 сентября на утрене старец-игумен монастыря, геронта, обходил братию со свечой, всматриваясь в лица. Я стоял напротив Экономиссы в Её серебряном свете.

После Литургии дошли за два часа до источника святого Афанасия. Он изливает сто кубов в сутки, как в монастыре Антония Великого в Аравийской пустыне, и так же вытекает из скалы.

Трижды омылись в живоносном источнике и пошли дальше. За три часа дошли до греческого Каракалова монастыря.

Всенощное бдение на Воздвижение Честного Животворящего Креста Господня провели в здешнем храме апостолов Петра и Павла. Греки вели спокойно и заунывно. Крест вынесли на устланном душистой травой подносе.

27 сентября утром за полчаса дошли до греческого Филофеева монастыря. Приложились к иконе Богородицы Сладкое Лобзание, святым мощам, среди них — к руке Иоанна Златоуста.

За пять часов дошли до своего Пантелеимонова монастыря. В лесу осыпаются каштаны, много съедобных зонтичных грибов.

29 сентября с Божьей помощью сделал 60 икон, 10 часов непрерывного труда.

Инок брат Иоанникий, словак, принёс лимоны к чаю.

В Уставе монастыря сказано о беспристрастных отношениях между братией.

30 сентября сделал 60 икон, выучил сто второй псалом.

1 октября очень сильно мерзали звёзды. Сделал 60 икон. Исповедался на бегу, не готовясь. Но, говорят, что послушание больше поста и молитвы.

3 октября ездил с братьями и отцом Феодосием на катере в заброшенный русский скит Новая Фиваида. Скит зарос кактусами, в соборном храме Всех преподобных афонских чудотворцев растут кипарисы, и живут совы. Когда-то здесь жило 150 монахов. На всё воля Божья.

На обратном пути вышел на пристани греческого монастыря Констамонит и пошёл к нему.

Уже почернели маслины на деревьях.

Иеромонах отец Ириней, русский француз, показал монастырь и собор первомученика архидиакона Стефана.

4 октября мир в окне, можно сказать, чудесен: тёплое море тихо плещет в сорока шагах о белые камни.

Понедельник — ангельский день.

5 октября с большим трудом сделал 60 икон на слоёной фанере.

6 октября праздник Зачатия честного и славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Творил Иисусову молитву. Вечерняя дымная даль моря. Редкие огни в Дафни, на мысе Кастания.

8 октября на утренней трапезе брат Михаил говорит сиромаху (бродяге) Сергию: «Что ты шкурку с яблока очищаешь? Там все витамины».

Сергий: «Сколько Бог даст, столько и проживёшь. Понял? И витамины не помогут».

9 октября всенощное бдение на Преставление апостола Иоанна Богослова в Покровском храме было малолюдным.

На вечерне в Пантелеймоновском соборе стоял в притворе слева. Рядом на иконе — великомученик Георгий Победоносец — мальчик в красном плаще с копьём, за ним река, финиковые пальмы на островах и невысокие горы в тени заходящего солнца. Похоже на Фивы, Луксор.

Брат Иоанникий ходит по Горе, ищет своего старца.

10 октября на Литургии сладко до слёз пели «Невесту Неневестную».

На воскресной трапезе: рыба, лимоны, хлеб, кружка красного вина.

На пароме «Достойно есть» доплыл до Дафни, оттуда на «Святой Анне» — до пристани монастыря Симонапетра. Семиэтажный монастырь стоит на скале габбро. Много монахов пе-

решило сюда из Метеор после освоения их туристами. Скользят стрижи.

Выпил в архонтарике рюмку узо и попросил открыть храм Рождества Христова. На иконах Рождества, явления Христа Марии Магдалине, ктитора Симона — чудесные резные оклады московской работы прошлого (XIX) века.

Помолился Одигитрии, приложился к иконам, взял от них маслица и пошёл пешком обратно.

Дорога до Дафни врезана в покрытый серебристой колючкой массив гранодиоритов. В сияющей дымке море. Мир умирал и тосковал во мне. «Широк путь зде и угодный сласти творити...»

Возле Дафни прибился коричневый пёс. Бежит впереди, оглядывается — я иду. И ему лучше.

Открылся наш монастырь. Зелёные жестянные, красные черепичные и серые сланцевые крыши. Преображенская церковь, под которой я живу и делаю иконы.

12 октября утренняя трапеза в сумерках, потом десять часов кропотливого труда.

Внутри возник ропот, что отец Исидор более озабочен прибылью, чем моим спасением. Прости, Господи!

Приехал владыка Онуфрий архиепископ Черновицкий и Буковинский.

Старец Паисий Святогорец (1924–1994 гг.) говорит, что сейчас на Горе есть 50 неоткрытых тайных святых и семь нагих аскетов.

14 октября вечно шумное море стихло: Покров. Помогал в трапезной, накрывали на 250 человек.

16 октября в субботу в кладбищенской церкви Петра и Павла моих живых и мёртвых помянули на проскомидии.

Потом, как всегда, панихида в костнице, среди тысяч аккуратно сложенных черепов. «Яко той позна создание наше, помяну, яко персть есмы...» И окурили благовонным ладаном лежащие до Второго Пришествия кости.

Моши святых хранятся в параклизе архангела Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных.

17 октября ближе к вечеру ходил в Старый Руссик. Пожелтели чинары, растущие вдоль ручьёв. В серое море падал отвесный луч.

Рядом с храмом Пантелеимона растут две вековые липы. Престол в храме освящён поздно, в 1920 году, митрополитом Антонием Храповицким.

Тут же в окружении чёрных пихт престол древнего храма святого Пантелеимона.

Неподалёку скит Почаевской Божьей Матери, где живёт примкнувший к зилотам Эсфигменского монастыря иеродиакон Пахомий. Зилоты не поминают Вселенского патриарха Варфоломея за экуменизм.

Возвратился поздно, брат Александр Таран приберёг для меня вечернюю трапезу.

19 октября ветер и штурм, море грохочет в окно. Кое-где в кельях уже топят печи. Я остаюсь в монастыре.

20 октября сделал 44 иконы, творя Иисусову молитву.

Метров на сто к берегу подходил круизный теплоход «Олимпия», так что стали видны женщины, которым я когда-то молился.

22 октября низкие тучи и мрак. Весь день набегали шквалы, пучиня зелёное и фиолетовое море и серебря оливы.

После трудов готовился к причащению. «...Да не на мнозе удаляйся общения Твоего, от мысленнаго волка звероуловлен буду».

23 октября сделал 43 иконы, выучил первый псалом.

В «Спутнике русского паломника по Святой горе Афон» А. Павловского от 1905 года, Москва, показано в монастыре св. Пантелеимона 1200 человек, в скитах Ильинском — 300 человек, Андреевском — 500 человек, Хромице — 250 человек, Новая Фиваида — 150 человек, Ксилургу — 25 человек, Нагорный Руссик — 60 человек. В шестидесяти пяти келиях было около 1500 человек и странников перехожих российских более тысячи человек.

Сейчас в монастыре св. Пантелеимона — 60 человек, Ильинский и Андреевский скиты — у греков, в Хромице — греческий управляющий и рабочие, Новая Фиваида — развалины, Нагорный Руссик — 1 человек, Ксилургу — 1 человек, в келиях — 50 человек, странников перехожих — двое, русских и украинских гастарбайтеров человек сто.

24 октября всенощное бдение в память отцов VII Вселенского Собора.

Приложился к мощам Иоанна Предтечи, апостолов Петра, Андрея, Луки, святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова.

На пароме доплыл до пристани Хилендарского монастыря — Иванница.

Зелёные холмы непроходимо заросли дубняком, лавром, земляничным деревом, вереском, соснами. Белая дорога врезана в лейкограниты, блёклое море, серый день. Где-то далеко есть полу-любовь и полу-надежда.

На входе в сербский монастырь Хилендар — кладбище и церковь. На мраморной плите: «Милентий — епископ Тимочки, умро 24 сентября 1921г.».

В тысячелетнем храме Введения во храм Пресвятой Богородицы на вечерне приложился к Богородице Троеручнице, просил у неё благополучные роды для Эмилии.

Византийские узорчатые каменные полы, чёрно—зелёная с белыми пятнами, так любимая в Византии, брекчия для полов и колонн. Постоял на них, истёртых, побился о них лбом у иконы Троеручницы.

На повечерии пел с сербскими монахами акафист Богородице, став полукругом у иконы Троеручницы. У нас с сербами один к Богу язык.

Серебряный ковчег Симеона Мироточивого в храме у стены. За стеною ещё плодоносит 800-летняя чудотворная виноградная лоза, выросшая из могилы святого.

Кипарисы в монастыре стары, огромны и совершенны. Больше, чем здесь, дерева мушмулы я не видел.

25 октября взял для Марины виноград от лозы Симеона Мироточивого и уехал.

Праздник Иерусалимской иконы Богородицы. Тихое море.

26 октября праздник Иверской иконы Богородицы. «Радуйся, Преблагая Вратарница, двери рая верным отворяющая!» Море совсем утихло.

Переходя в греческий монастырь Каракол, брат Иоанникий оставил мне жизнеописание монаха — странника Василия Барского.

28 октября вечерняя заря над Грецией была бирюзово-оранжевой.

До меня, слава Богу, дошло святое мученичество государя Николая II.

Ночь, шумит Средиземное море, горит лампада.

29 октября исповедался владыке Онуфрию.

30 октября, после причащения Святых Христовых Таин началась брань со всех сторон. Бесы атакуют.

Сделал 40 икон, ночью читал египетских авв.

31 октября на Литургии выносилась честная глава апостола Луки. Он написал семьдесят икон Богородицы при Ее земной жизни.

У ладана много ароматов. Не знаешь, какой будет сегодня.

Каждый день поминают императоров Александра, Николая, Александра, Александра, Николая.

2 ноября трудничал и роптал. Наседают бесы.

3 ноября сделал 50 икон. Закат был нежный, дымчатый, а за ним — ничего.

4 ноября ночью читал толкование семнадцатой кафизмы. Далеко в море шла гроза.

«Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему».

Господь послал письмо от Серёжи Головина.

6 ноября на проскомидии в церкви Петра и Павла на кладбище помянули моих умерших.

7 ноября стояли на монастырском причале с братом Александром Тараном. Тени падали на сине-зелёное дно.

Потом я поплыл в Дионисиат. На пароме встретил брата Иоанникия, он плыл туда же.

Монастырь стоит на зелёных хлоритовых и актинолитовых сланцах, так хорошо знакомых по Южному Тянь-Шаню.

В монастыре — Акафистная Богородица, написанная апостолом евангелистом Лукой, вся почерневшая от истечения миро.

Красивое кладбище с розами и кипарисами на скальной террасе.

Приложился к руке Предтечи Господня и к мощам апостола Луки.

8 ноября пошёл по тропе в греческий монастырь Григориат. Над храмом святителя Николая там растёт финиковая пальма.

На обратном пути, от Дафни, шёл дождь, и я бежал. Светились на ветру оливы изнанкой листвьев и морская пена. Вот показалась мокрая зелёная крыша Преображенской церкви, мой дом.

9 ноября соседний полуостров Сифония не виден, только колеблемая пустыня моря. Дождик, тепло.

Отец Назарий рассказывал, как борется с бесами и самим князем тьмы. Господи, помилуй!

Передал ему икону святого Пантелейиона ещё царских времён.

10 ноября приехал архиепископ Тверской и Кашинский Виктор.

Кусочничаю: приношу из трапезной в келью то кусок хлеба, то яблоко. В мастерской между трудами пью чай с лимоном.

11 ноября отец Исидор требует большей производительности. Кирие элейсон! (греч.) — Господи помилуй!

13 ноября сделал 42 иконы разной величины.

В церкви Саввы Освящённого в монастыре читается неусыпная деннонощная Псалтирь.

Всенощное бдение в честь врачей бессребренников Космы и Дамиана Азийских.

Родился мой внук Джозеф, сын Олега и Эмилии. Будет хорошим врачом.

Гулял по мельничному ручью. Пасмурно, тусклая зимняя зелень: лавр, олеандр, молочай.

В маслиновых рощах пробились зелёные пучки асфоделей, но ещё далеко до цветения. И как бы мало любви, тварная тоска.

«Радуйся, Радосте наша, покрыв нас от всякого зла честным Своим омофором».

16 ноября ночью тёплый ветер и дождь. Ветер кажется нежным и будит какие-то тёмные надежды без Бога.

19 ноября были прозрачные после дождей дали. На западе белел горный массив Олимпа.

20 ноября тёмно-серый день, дождь, я заболел. Господи, помилуй!

На закате небо расцветило необыкновенно. Сколь же притягательна будет земля в Славе Божией! Господь Духом преобразит песчаные лилии, чтобы не увядали.

22 ноября ночью умер монах Макарий. Вечером пришли причастить, а он говорит: «Не готов».

Так бы, может, избежал воздушные мытарства.

После Литургии его отпели и отнесли на носилах на кладбище. И похоронили, как принято, без гроба, и ушли без слёз.

С дождями пошла в рост зелёная трава, калачики.

23 ноября снова слёг, простуда.

Приходили навестить брат Александр, потом Георгий, потом Алексий — все плотники, и я при дереве.

24 ноября из обоих окон: и кельи и мастерской — одни морские хляби, как на корабле.

Сделал 36 икон, но смирился, и нападки отца Исидора уменьшились.

26 ноября всенощное бдение на святителя Иоанна Златоуста, почти земляка: он умер в ссылке в Команах, за Сухуми. Служил епископ Трахийский Павел из Ниццы. Глядя на поющую братию, стоял я и думал, что ничего не умею. Господь тут же послал иеродиакона Зенона, тру-

дягу, певца и молельника. Он подошёл, обнял и сказал: «Как хорошо, Георгий, что ты приехал».

Ближе к вечеру коридоры и кельи заполняются печным дымом: ветхие дымоводы.

3 декабря, ближе ко Введению во храм Пресвятой Богородицы, море смирилось до тихого плеска, как во все Богородичные праздники.

Солнечный тихий день, чёрные звёзды ежей в кристально чистой воде.

Благословясь, поехали с братом Александром в Хилендар на престольный праздник.

Морские воздух и дымка опять шлют душе обманные надежды.

Пучками восковых кувшинчиков цветёт земляничное дерево.

Безлистая хурма в монастыре отягощена плодами.

4 декабря после всенощного бдения и Литургии пошли в Эсфигмен. Помолились в пещере преподобного Антония Печерского за моего крестника Антония Гросс.

Над Эсфигменским монастырём чёрный флаг зилотов и лозунг на фасаде, с моря: «Православие или смерть».

Во дворе плодоносят лимонные деревья.

В соборе Вознесения Христова XI века — раскалённая до красна железная печь.

8 декабря мраморный пол в храме святого Пантелеймона леденит при земных поклонах.

9 декабря сделал 45 икон; спасаясь от уныния, читал стихиры Кресту, творил Иисусову и Богородичную молитвы.

Вечером прочёл акафист святителю Николаю во исцеление своих ног.

10 декабря, возвращаясь в свой Преображенский корпус после Литургии в шесть часов утра, вижу полоску огней на полуострове Сифония. В тёмной келье на ощупь снимаю ламповое стекло и зажигаю фитиль.

Оказывается, я трижды проезжал родину святого Пантелеймона многострадальную Никомидию по дороге из Константинополя в Трабзон.

12 декабря на вечерне в Покровском храме солнце утопало в самоцветных ризах чудотворных икон Богородицы и Пантелеймона.

А душа томится, грешная. Хорошо, что всенощное бдение на апостола Андрея Первозванного. Припал к левой его стопе, хранящейся в монастыре. В миру бы напился или что похуже.

14 декабря далеко в море, на юге, проявился высокий остров.

Перечитываю составленную нашим монастырём, изданную в 1997 году «Псалтирь в святоотеческом изъяснении». Главная мысль: нужно бесконечно полагаться на Господа и совсем не полагаться на мир.

15 декабря остров исчез. Сделал 40 икон. Вечером возле монастыря медленно прошёл круизный город-корабль.

Новый Адам на Крестном древе спас нас от страстей.

17 декабря трудничал тяжело. Бесы тянут пойти по миру.

19 декабря тёплый солнечный день на святителя Николая чудотворца. Шёл по скальной

тропинке над морем и кричал: «Слава Тебе, Господи!»

21 декабря ночью налетела трамонтана — шквалистый южный ветер. Срывала кровли, выдавливала стёкла и гнала трёхметровые волны.

22 декабря северный ветер с мокрым снегом гоняет по морю ряби, но это никак не поможет мне спастись. Сделал 33 иконы.

23 декабря выше 300 метров шёл снег.

24 декабря на всенощном бдении в честь святителя Спиридона Тримифунтского исповедался отцу Макарию за всю жизнь: лгал, воровал, пьянствовал, блудил, шестерых человек убил. И ушёл чистый.

25 декабря над Престолом Богородицы висел облачный купол. Было холодно. В Покровском храме 8°С, и поклоны не помогали согреться.

1 января исповедался, причастился и всю ночь молился за мёртвых и живых.

В краски апостолов на иконе Успение Богородицы в приделе благоверного князя Александра Невского замешаны их моши. В икону преподобного Сергия Радонежского встроена доска из его гроба.

Затопил печку в келии и открыл окно в фиолетовое, под тучами, море.

6 января Рождественский сочельник, синие сумерки. Белые фелони и стихари, сильный изысканный запах ладана.

7 января исповедался на всенощном бдении. Отец игумен архимандрит Иеремия окрестил всем лбы елеем.

Причастился. Над иконой Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сделали из пихтовых ветвей небольшой красивый навес, как вертеп.

Сейчас я вижу в прошлой жизни, как Промысел Божий излечивал меня от страстей, отводил нераскаянную смерть, развязал руки и привёл в монастырь.

12 января поспели апельсины под стенами монастыря.

Отец Исидор настоятельно требует увеличить производство икон. Я же не могу и ропщу, и лишаюсь венца за послушание.

Господь даровал Джозефу благополучную операцию на лице. Слава Тебе, Господи!

14 января исповедался, напряжённое страстью осуждения сердце смягчилось.

Ходили с братом Георгием Литвиновым в Карею. На перевале ветер гудит в деревьях, пятна снега. На северной влажной стороне расцвели под маслинами подснежники.

Купили восковых сладко и терпко пахнущих свечей.

16 января брат Александр Виноградов поймал большого угря и сделал с ним плов. Я плавал на пароме в Дафни за открытками и вином и видел четырёх играющих дельфинов.

18 января Крещенский сочельник. Вокруг чаши с освящаемой водой стояли бутыли, канистры и банки. Всех окропили, все напились во исцеление.

19 января всенощное бдение в честь Крещения Господня. Три свечи, пять хлебов, вино, елей и пшеница.

Освящение воды на источнике у моря, вынесли мощи Иоанна Предтечи, честные главы апостола евангелиста Луки, преподобномученицы Параскевы и великомученика Пантелеймона. Игумен окропил набережную мрачного шумного моря.

Вечером гулял по заброшенным маслиновым рощам, ожидая весны.

Солнце будет сиять в семь раз сильнее, и наш мир воссоединится с ангельским.

23 января ветер и дождь, светятся выходящие в коридор топки печей. Чего ещё надо? Сиди и молись.

28 января читал в келье одну «славу» из Псалтири с толкованием и тянул три чётки (300) Иисусовой молитвы часа за полтора. Больше не в силах.

«Проклят человек, иже надеется на человека» — сказал пророк Иеремия.

Иеромонах отец Гавриил, старый румын, говорит: «Когда очень нужно, я иду к святому Пантелеймону, где он нищим подаёт: ‘Ничего не знаю, батюшка. Где хочешь, там и бери’ — И даёт».

На кладбище под деревьями полно прошлогоднего крупного сладкого миндаля. На припёке деревья уже цветут.

31 января сделал 52 иконы. Господь дал в утешенье стихи:

*Во время Исаюра не ставши золою,
На аквамариновых все аналоях,
На море Эгейском их видно с Афона:
Стоят в ослепительных кольцах разжжёных,
Напротив Кареи и Пантелеимона,
Лучами небесного света — иконы.*

*Уплившие в море по воле Его
От злопомрачённых тогда берегов,
Доныне хранятся, не мокнут, не тонут,
В Господних путях пребывая, иконы.*

*Нет уж давно Преблагого Покрова
Над очертаньями Рима Второго.
Только они не закончили быть,
Устрицы впились в высокие лбы,
Их озаряют светила ночные.
Только иконы и мощи святые,
Если случится какая беда,
Нам оставляет Господь до Суда.*

Здесь принято считать, что серый цвет костей
черепа после истления — осуждён, белый — по-
милован, жёлтый — угоден Господу.

+ + +

*На острове Патмосе,
Богом хранимом,
Монахиня бедная
Есть Христонимфа.*

*Чёрные чётки
На тонком запястье.
Это и есть
Настоящее счастье.*

1 февраля сделал 41 икону. В заливе греки ло-
вят с лодок тунца.

+ + +

*Из Магдалы Марии
Руку я целовал
В монастырском соборе,
Завершающем скал
Неприступную крепость
От тоски и от горя,
От опасностей вечных
Средиземного моря.*

*Ничего не попишишь,
Что, любя, не любя,
Был я много, Мария,
Много хуже тебя.
Но рукой, что старалась
ЕГО ноги обнять,
Той рукою, Мария,
Ты коснулась меня.*

*Благовонной рукою:
За презренье волос
И за миро, Мария,
На тебя отлилось.
Вот весна набегает,
Я опять на краю.
Дай любовь мне,
Мария Магдалина, твою.*

2 февраля сделал 30 икон. За сотню лет деревянные кресла — стасиди в храмах изъели дре-
воточцы.

+ + +

*Не плачь, моя бедная,
Это нам снится,
Но скоро, по времени
Вижу, граница.
Ведь нету у Бога
Иного закона:*

*Георгий всегда
Убивает дракона.*

3 февраля сделал с Божьей помощью 40 икон.

+ + +

*Юноши нежные
В красных плащах,
Кого вы идёте
На суд защищать?
— Господа Иисуса Христа. —
Вас бы самих
Заштил кто теперь:
Ярости полон
Взбесившийся зверь.
— Как хорошо!
Кто выпивает
За Бога свинец,
Тот получает
За муки венец.*

4 февраля исповедался и показал отцу Макарию написанные стихи: «Если унываешь, пиши, — сказал он. — Но молитва выше».

+ + +

*В кипарисе афонском зацепилась звезда,
У кладбищенской церкви зацветает миндаль.
В полумраке старинном черепа в сто рядов —
Преподобные всходы для грядущих садов.*

6 февраля ушли с отцом Ефремом на пригорок, за монастырь, и выпили там вина в день его рождения.

+ + +

*Тянут чётки по многу лет.
— Как родные? — Уже не пишут. —
На афонской чужой земле,
Во уделе земном Пречистой.*

*Между кельей и алтарём
За ворота уже не тянет.
Перелатанное старьё
Хорошо спаялось с костями.*

*Прозвенело издалека,
Ароматами окатило,
И восполнилася мукá,
И надолго её хватило.*

9 февраля сделал 30 икон, из них половину — большого формата. Неужели возвращусь в мир, «как пёс на свою блевотину»?

12 февраля всенощное бдение на Собор Все-ленских учителей. Вовсю цветёт миндаль, но греки говорят, что это признак зимы. Колокольный звон, отражаясь, приходит в келью с моря.

+ + +

*Ангеле Божий с лицом нежно-сильным
В белоснежной одежде без пятен носимой,
Что тебя держит со мной?
Я ль не развратничал, пил и курil,
И по-турецки почти говорил?
Что тебя держит со мной?
Может быть мать попросила моя,
Грошик тебе отдая?
Или подруга сквозь юные сны
В самом начале весны?*

*Нет никого, кто бы, столь возлюбя,
Стал бы просить за тебя.*

*Низость и мерзость твою наблюдать
Божья даёт благодать.*

16 февраля на одном лугу цвели анемоны и асфодели.

+ + +

*Анемоны онемели,
Асфодели обалдели:
Не сминая наступая,
Богородица прошла.*

23 февраля келарь отец Силуан сделал большую сдобную коврижку, и я угощал приходящих ко мне в мастерскую.

25 февраля ноги покрылись псориазными пятнами, аллергия на краски и лаки, началась астма. Пора уходить в Палестину. Господи, благослови!

+ + +

*Уже, аппарель выдвигая,
Паром появился, трубя.
Царице моя Преблагая,
Я вновь покидаю Тебя.*

*Опять начинаю скитанья,
Во прелести жизни земной.
Но эту весну, Пресвятая,
С Тобой разделяю Одной.*

Матушкин Престол, покрытый свежим, после циклона, снегом, ослепительно бел.

+ + +

*Какая белая Гора, с которой Ты царишь!
А у подножия её — Твои монастыри,*

*В которых страждущий всегда найдёт себе приют,
В котором чёрные цветы акафисты поют.*

*Из византийской глубины, протаяв серебра
Окладный лёд, заплачешь Ты: «Гора Моя, Гора!
Как мало вас из века в век у Сына Моего,
Но вот грядёт, когда уже не будет и того».*

2 марта сделал 50 икон. Отец Макарий благословил съездить в Палестину: «Ну съезди, посмотри, обычно возвращаются. На Крестопоклонной поедешь».

4 марта Вселенская родительская суббота. На проскомидии помянули моих Анастасию, Павла, Алексия, Евдокию, Петра, Антония и трёх Георгиев. Причастился.

У иконы Пантелеймона красная, как капля крови, лампада, у иконы Одигитрии — синевато-снежная.

Одному брату приснился недавно сон, будто подошёл к монастырю корабль полный эфиопок, которые грозили и плевались.

5 марта пекарь брат Варсонофий рассказал, как действовать в Палестине и на Синае, где он прожил три года: «Приедешь — и сразу к Гробу Господню. Бог всё управит».

Всё время волноприбойное:

+ + +

Л. Гросс

*Ду-шу, ду-шу! Господи, помилуй!
Тянет морской прибой. Людмила,
Бедная ты моя, Солнышко наше!
— Хорошо с вами, а с сыночком краше.
Где он теперь? Всё брошу.
На органе играл для меня Антоша.*

— Здесь он, Люда, и ты живая:
С теми живёмы, о ком взыываем.

7 марта вечером слышно лягушек в прибрежном болотце. Повернуло к лету земному.

Отец Макарий благословил пройтись по Горе.

9 марта доехал паромом до Карули, отшельничьих скал на востоке Афона.

Потрапезничал у отца Симона, и под вечер пошёл по знаменитым цепям и верёвкам. Мимо грота, заполненного красной охрой, среди больших кактусов и древовидных молочаев, до кельи серба зилота схимонаха Серафима. Он признаёт только русскую катакомбную и греческую старостильную церкви.

Среди отвесных, 70° , к морю известняковых скал прилепились полуразрушенные кельи, одно-два дерева миндаля и маслина.

Заночевал в пустующей келье Иоанна Златоуста.

10 марта ночью сделал полторы тысячи Иисусовых молитв и более-менее понял, что я такое есть без Господа Бога нашего.

Утром в окне келии цветущее деревце молочая и безбрежное море. Чистый сладкий воздух. Каруля — отшельничья страна.

Из Карули в скит святой Анны ведёт тропа на подпорных стенах. Утреннее солнце, прохлада чуть проникает сквозь рубаху, встречный монах на муле. Как сладко здесь жить, как трудно отказаться.

Приложился к левой стопе святой Анны. Под маслинами цветут синие гиацинты.

Ближе к монастырю святого Павла холоднее.
В кулуарах Престола лежит снег, в дубовом лесу цветут душистые фиолетовые фиалки.

В обрывах, внизу, во время всего повествования синеет море.

11 марта после Литургии приложился к святым мощам и дарам волхвов и пошёл в греческий монастырь Симонапетра.

Вдоль тропы изящно цветут асфодели.

+ + +

*На Каруле отвесно,
А внизу сине,
И Отца любы,
И милость Сына.*

*На Каруле в кактусах
Келья-халупа.
Хорошо было,
Да ушёл глупый.*

По дороге спустился на пляж и часа два подремал на гальке.

В монастырском саду на террасах цветут абрикосы и алыча.

После вечерни приложился к тёплой руке мироносицы Марии Магдалины.

12 марта на старой дороге из Дафни в Ксиропотам буйная асфоделевая весна: метровые цветоносные стебли, шмели.

Прощёное воскресенье. На повечерии каждый, по чину, кланяясь до земли, просил прощения у каждого.

13 марта первый день Великого поста: ни воды, ни хлеба.

14 марта в конце дня хлеб с лавровой водой.

15 марта одна трапеза: картофельный суп с хлебом.

16 марта в конце дня картофель в мундире, хлеб и лавровая вода.

17 марта одна трапеза: гороховый суп с хлебом и лавровая вода.

18 марта все причастились.

«Да исправится молитва моя, яко кадило перед Тобою...»

19 марта всенощное бдение на Торжество Православия. Если не я мир в себе, то он меня в себе умертвит. Обычное дело.

20 марта сделал 32 иконы. Вечером гулял по дороге над монастырём. Повсюду подпорные стены из дикого камня, заброшенные маслиновые рощи. Когда-то была своя маслобойня, рыбная коптильня, мельница. Теперь не нужно. Последнее время.

21 марта сделал 40 икон. Холода на 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Затопили печи, всё в дыму.

+ + +

*Рыцари в чёрном сомкнули ряды,
Вот и отсюда пора уходить,
Чуть припадая на левую ногу —
У Приснодевы обителей много.*

*Там, у подножия жёлтых холмов,
Вижу скопление белых домов,
У водопоя теснится скотина,
Выжжена солнцем лежит Палестина.*

Там над любым уголочком пустым
Слышится музыка Божьих пустынь:
Там дам да, там дам да, там дам да рая.
Что накалякаешь, то и сыграешь.

23 марта сделал четыре большие иконы Иверской Божьей Матери — Портaitиссы, и весь день смотрел на Неё.

Какой-то особенный, весенний воздух. Престол вновь засыпало снегом.

Петропавловская церковь скрылась в зелени миндаля.

25 марта расчёсывал глаза, уши, локти, ноги. Аллергия.

26 марта всенощное бдение на святителя Григория Паламу. Причастился Святых Христовых Таин. Тихое в дыму море.

Виза просрочена. Ходил в Дафни, попал в полицию. Будут депортировать.

28 марта на утрене исповедался отцу Макарию.

С Божьей помощью сделал всего 5950 икон.

Пришли полицейские с напоминанием. Простился и сел на паром.

Чем дальше, тем больше Гора. Южный ветер сдувает с вершины лёгкое, как дым, облачко. Прости меня, Матушка Богородица!

Встретил на пароме знакомого по Константинополю монаха Кукшу. Он посоветовал ехать через Софию. Проплыли разрушенную русскую Новую Фиваиду. Нет ничего плохого, из чего бы Господь не сделал хорошее.

Проезжая автобусом из Уранополиса в Салоники, глядя на зелёные поля, красивые белые

дома и машины, думал, что Господь создал Землю, чтобы было, где поставить монастыри.

28 марта 2000 г.

ВИЗАНТИЯ

Человек на земле скучает. Не его это дело. Поэтому всякие кутюре. А раз кутюре, то часто — и геи.

Рыба в море стареет, не нагуляв нормы.

Мне сказал один армянин, что как выгнали турки из Амшена, то везде чужбина.

Так и ты, Византия. Бросили мы тебя, пестунна. Не помогли в последнем, 1453 году. И мысли такой не было. То Литва, то Орда.

Первый раз счастье было одним благовонным утром в Гоби, а второй — в возлюбленной Господом нашим Аравийской пустыне. Оба раза в пустыне, как бы уже на краю твари.

Лицо просветляется до того, что можно прощать: «Здесь была Византия». Дора, дора — Феодора. Монофизитка пурпурная.

Гляну из окна на Гагринский хребет — и плакать хочется: сверху он белый, а ниже — чернохвойный, как тогда. Все равно, что в глаза ей посмотреть, Византии.

Епископ Стратофил из Пицунды ездил на Первый Вселенский собор в Никею. Давно, в 325 году.

И хотя византийский солид был куда, как крепче доллара, а где он? Иногда находят, но мало.

На Земле хорошо известен разъедающий страх вечернего низкого света. Поэтому есть другой свет — Невечерний.

Святой преподобный Григорий Палама с Лемноса дает надежду. Говорит, что в принципе возможно познать Бога через тварь, но пока не удавалось. Все видят Его печать на твари и слабый отблеск, но самой-то Любви в ней нет, Она — у Него.

Какие высоты в царствии Твоем, Господи!
А мне бы те утра у Нила, пахнущие гуавой.

Какой ты еще ветхий, Георгий.

Но, Господи, Тебе так удалось творенье.

Страшная черная туча заходит над побледневшей магнолией. Женщина заходит в море. Обернулась и смотрит.

— Иди, иди, тварь. Не у тебя Тайна.

Отсюда есть только один выход — Коровий Брод, Фракийский Босфор.

Фиолетовые головы петуний прикованы к солнцу, а моя — к Твоим золотым головам, Святая Троица.

Последних византийских греков Советы выслали в Казахстан, и там они забыли, как сушить чернослив.

Ароматом спелых «колхозниц» тянет с босфор-киммерийских полей. Адлер, форт Святого Духа, аэропорт.

— Сладкие дыни? — спросил я у тетки.

— Как я, — сказала она.

Уж не дьявол ли, Господи, Твой обезьян, старательно колол кремни, и сам, своей силой то-

же пытался сотворить человека? Но дошел лишь до каннибала и трупоеда.

Как Ты велик, Господи, в отстоянии звезд и листьев тутовника!

Хочется сказать про инопланетян: свои они, бесы, здешние.

Твой блеск застилает мне глаза, Византия.

Над страшными безднами ада низко-низко пролетает архангел Михаил. Бывает душа, за которую никто не молится. И подставит крыло.

Так я попал на старый Афон, последний осколок Византии, оплот православия.

Крытые свинцом или сланцем крыши, пирги — монастырские сторожевые башни, костницы — монастырские хранилища черепов.

Божья Матерь в голубом и черном восполняет муку в закромах и оливковое масло.

Благоухают мохи. Подумал: «Спасусь!»

Ночью бесы стучат копытами в стены, скребут рогами.

В августе смоквы и виноград, в сентябре можно прожить плодами кактусов, в октябре — земляничного дерева и каштанами. Пища бедных монахов.

Это полуостров сто двадцать километров на двадцать в Эгейском море. Плотность Божественной энергии, благодать Святого Духа, здесь больше, чем в остальном мире.

В двадцати православных монастырях живут сорок тайных святых. Потом по костям узнают янтарным и мироточащим.

Черно-зеленая с белыми пятнами, так любимая в Византии, плачущая брекция для храмовых колонн и плит. Я тоже ее люблю.

В пещерах и скалах скрываются семь нагих аскетов. Свисает над самым морем корзинка для подаяния. Раз в месяц проплыvёт случайный рыбак.

Его Высокопреподобию архимандриту Иеремии игумену Русского на Афоне в Греции Свято-Пантелеимонова монастыря. Прошение: прошу принять меня послушником.

Когда мир умирает, он сильно тоскует. Потерпи Господа.

Греки не хотят нового нашествия русских на Святую Гору Афон. Ревнуют.

Все всё забудут, и только неусыпная деннонощная Псалтирь будет читаться всегда.

Солнце садиться за Олимп. Бьют часы на монастырской башне. Византийское время нуль часов.

Миряне уязвлены красотою твари, а пустынники — Самого Бога. Понятно, что аскеза слаже твари.

Одни приплыли из Византии, другие самонаписались. Иконы — особый мир. Обновляются, мироточат. Стоят на воде вокруг Афона, над каждой золотой луч. Некому взять, не время.

Одни монахи выводят клопов, а другие сами заносят в келью, чтобы терпеть от них.

С легким щелчком бес пропрыгивает запертую дверь в келью и наваливается на правую руку, удерживает от крестного знамения.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, — шепчу я, продолжая тянуть четки.

— Не бойся, — «успокаивает» бес, — Он Сам и попускает. Для твоей пользы.

В прибрежных водах водятся осьминоги, угри и большие каменные окунь — руфо. Двусторчатые раковины пинны длиною до полуметра выступают из песка. Но игумен не благословляет ловить.

Плохо, что нет слез. Знаю одно место, где были, но давно, на Патмосе. Ночная птица над громом Апокалипсиса.

Дают обеты послушания, нестяжания, девства. Не едят мяса, не мудрют, не выходят из монастыря, не пропускают богослужения, равно любят всю братию.

На весь полуостров тысячу лет одна женщина — Матерь Божия. Другим запрещено. Она и Пантанасса — Всецарица, и Одигитрия — Путеводительница, и Дакрироусса — Льющая слезы, и Гликофилусса — Сладкое лобзание, и Горгупикосса — Скоропослушница, и Портaitисса — Вратарница, и Галактотрофусса — Млекопитательница, и Геронтисса — Старица, и Экономисса — Устроительница, и Родон Амаранта — Благоуханный Цвет.

На Богородничные праздники море смиряется до тихого плеска. Дельфины пригоняют к берегу косяк рыбы. Десять корзин собрали.

Стоит взяться за четки, как игривый, одержимый бесами ум начинает метаться, готов взойти

на вершину мысли. Лишь бы не творить Иисусову молитву. Так бесы ее не любят.

В каждом монастыре поднесут рюмку анисовой водки — узо, стакан воды и кусочек лукума.

Налетает трамонтана. Срывает крыши. Выдавливает стекла. Гонит пятиметровые волны. А в монахе светло и тихо.

На иконе Успения Богородицы в краски стоящих вокруг апостолов замешаны их моши.

Полиелей. Свечи из пчелиного воска. Серебряные подсвечники — лимонные деревья в натуральную величину. Ходят волнами синий ладанный дым. Двуглавые византийские орлы и золотые павлины. Мерцают крупные грубо обработанные изумруды и рубины. Горящий хорас⁺ вращается вокруг паникадила. Все сияет, звенит и пахнет. Так продолжается Византия.

На краю Святой Горы стоит беломраморный пик — престол Богородицы высотой 2033 метра. Подножие престола поросло черными пиxтами. Там, где ступала Богородица, мрамор опрозрачнел. На престоле легкое облачко, а в нем — Она.

Любовь к миру почти прошла, а Благодать не настала. Ходил к старцу Рафаилу узнать волю Господню. По дороге в маслиновых рощах зной и цикады.

Бес уговаривает идти спасать полузыбых людей. Вот так и пропадают. После него остается дрянной запах рыбы и гари.

Единственное окно кельи выходит в море. Иногда там проходят большие корабли-города,

⁺ Хорас — бронзовый на цепях обруч со свечами и фарфоровыми яйцами.

монстыры, полные женщин, вина и дыма. Ближе полутора километров подходить к Святой Горе им запрещено.

Монахи спят в подрясниках, в море не купаются, сапоги не снимают годами. Их плоть преобразилась: не гниет, не воняет.

С одной стороны Успение Богородицы, а напротив, на острове Лесбос, в первое полнолуние августа всемирный слет лесбиянок.

По делам не спасется никто, но по вере.

Зеленые острия асфоделей пробили красную землю.

Есть много сортов ладана. Если бы я мог варить ладан в душе, я бы остался.

В половину второго ночи, что есть семь утра по-византийски, колокольчик разбудит на храмовую службу: «Время бдения, молитвы час, Господи помилуй нас».

Черные кипарисы и черные монахи. Редкие огни: красные — возле великомучеников, зеленые — возле преподобных, синие — у Богородицы и золотые — у Господа.

Матушкин престол, белый мрамор под белым снегом, висит в мировом пространстве.

Черные звезды морских ежей на монастырском причале. Голова моей тени падает на самое дно.

Богородица Иверская — Вратарница афонская сама уходит с Горы. Дважды возвращали.

На воскресной трапезе дают для утешения по кружке красного вина.

Скоро поспеет миндаль на кладбище. Хоронят без гроба, в чем ходил. Через три года отро-

ют и перенесут в костницу. Желтый цвет костей — угодил Господу, белый — прощен, серый — не прощен.

— Как гладко, Георгий, у тебя ложится лак на иконы, — сказал духовник...

«Православие или смерть» — написано на фасаде афонского монастыря Эсфигмен. Это зилоты. Они не поминают в ектениях своего Вселенского Константинопольского патриарха Варфоломея за экуменизм.

Источник информации у людей один: что Господь откроет, то и узнаем. А насчет свободы воли, то любой человек на Афоне попросит не смешить.

Еще можно поцеловать на этой Земле руку Предтече и Крестителю Господню Иоанну, Марии Магдалине, Иоанну Златоусту, горячую и благовонную. Не известно: сможешь ли потом.

Виноградная лоза на могиле Симеона Мироточивого приносит свой византийский плод уже восемьсот лет. И лечит от бесплодия.

Ко дню рождения императора Николая II под стенами Русского монастыря зацветают белые царственные лилии.

Волны выносят на берег ажурные морские губки. Их можно напитать нектаром или оцетом.

Успеть бы причаститься Святых Христовых Таин пред самой смертью, чтобы избежать воздушные мытарства. Иначе мне вряд ли подняться к Престолу.

Счастья больше не было. Теперь Господь не дает, как раньше. Теперь другой спрос.

Больше не наступит красивое отчаяние бесприютства. Теперь, когда бесы гонят по миру, насколько попускает Господь, я понимаю, что эта Земля создана для размещенья монастырей. Поэтому Византия всегда с нами.

22.07.2000 г.

У ГРОБА ГОСПОДНЯ

ЧАСТЬ I

ОТШЕДШИМ

*И в пустынях монгольских,
И в маслиновых рощах
Я хотел быть глазами
Дорогих и хороших.
Но мои дорогие
Видят в Божьей заре.
Не нужны проливные
Им дожди на Земле.
Только я окаянный
Все еще не у дел,
И на сон этот быстрый
Все глаза проглядел.*

Апрель 2000 года представился белым возвышением Чатыр-Дага над розовостью персиковых долин.

Мы ходили с Людою Солнцем по многослойному Херсонесу. Ездили с Олегом Сусиным в Балаклавскую бухту и медленно напивались мадеры в густом тумане. Своя в этом тумане цвела желтая асфоделина.

Потом была Москва. На Пасху носили с Сергием Головиным яйца и куличи в Коломенский храм Казанской иконы Божией Матери. Причастились Святых Христовых Таин.

Дочь моя Катя трижды причащалась, нося, и в мае благополучно родила Анечку.

В июне я поехал в Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Собор Рождества Богородицы XV века, звонница XVII века и две высокие лиственницы восхищают на небо. Русские умеют так красиво благодарить Господа.

Пожил немного, потрудничал, но не прижился.

На Покров были подарены дни. Прозрачное легкое золото берез по дороге из Борисоглебска на Дон. Чистая ухоженная Россия. И дороги хорошие, и дураков нет. В сумерках мы выехали с Сашей Харламовым на увал. Остановились. Восходила полная сиреневая Луна.

А помучиться не хочешь? — спросил Саша. Пора было укрепляться, и как раз Рождественский пост. Адлер.

01.12. Спасительница наша — Иисусова молитва: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Сделал через силу три тысячи молитв.

03.12. После двух тысяч молитв в душе появилась Господня радость, потом открылась собственная низость и грязь, и дались об этом слёзы.

05.12. Благополучно пробурил изыскательскую скважину на приморском склоне.

Делал Иисусову молитву без принуждения, понимая, что больше уму и негде быть, и незачем. Первые десять минут язык и губы привыкают, потом молитва легко стекает с них.

07.12. Утром легче заниматься Иисусовой молитвой, чем из остатка времени вечером.

После двух тысяч молитв сердце растепливается, Господь дает умиление и сокрушенные слезы.

14.12. Два с половиной часа утром, два с половиной вечером и час по дороге Адлер–Сочи–Адлер. Всего шесть тысяч Иисусовых молитв.

22.12. Молился с радостью и спрашивал, где же я столько был.

23.12. Благополучно отбурился. Володя Воронин так рискованно вел КАМАЗ на крутом, скользком глинистом склоне, что только Господь и спас.

27.12. В тщетной суете делаю три тысячи молитв, но слез Господь не дает.

Раздаю книгу «Поиски ига Господня», и это сбивает с молитвы.

05.01.2001. Когда Господь просветляет ум, понимаешь, что нет в мире ничего важнее пяти слов: Господи Иисусе Христе, помилуй мя.

06.01. Был у родителей на кладбище. Вечерние сумерки, роса. Обрезал розы.

19.01. Причастился в своем приходском Свято-Троицком храме на Крещение Господне. Взял крещенской воды. Было хорошо потолкаться во множестве православных.

На косогорах вовсю цветет мать-и-мачеха.

21.01. Вечером ходил с сестрой во Христе Ниной к акафисту Предтече и Крестителю Господню Иоану. Спаси её Господи!

Ночью умер нищий раб Божий Олег, замерз. Греются водкой. Они помногу собирают на праздники, по триста и более рублей, но их обирают сильные.

Власти заставляют их бесплатно работать у себя на дачах и стройках.

28.01. Уже не важно, идет время или стоит, а важно прилепляешься ли к Господу.

Десятки самых ничтожных попечений лезут в голову и отводят от молитвы. Например: «Надо было джинсы размером больше купить. — Да и эти хороши, износишь. — А вот удобнее было бы в больших. — Тыфу тебе эти джинсы! Скоро сам истлеешь. — Истлею-то истлею...»

15.02. Цветет мимоза. Один брат принес охапку во храм, но сестры заставили вынести. Не считается цветами, одна аллергия.

04.03. Засматриваюсь древними включениями в янтаре: жуки, мотыльки, комары, муравьи, пауки в бусах для Эммы Джейн.

Позвонил Олег из Англии: висит на веревках на двухсотметровой высоте, ветер, холодно. Я начал умолять Господа и Богородицу, и он снова позвонил: стихло. Слава Тебе, Боже!

10.03. Охладевая к Иисусовой молитве, говорю себе: «Помни, дрянь, как забрезжил Свет!»

17.03. Наступает Крестопоклонная неделя Великого поста. Пора в Палестину, ко Гробу Господню. Протоиерей о. Алексий, крестивший меня, благословил меня.

18.03. В Москве на кровле храмов лежит снежок.

24.03. Израильское посольство отказалось в визе. Получил британскую визу.

26.03. Четыре часа летел в Лондон, немного опаздывая в оранжево-зелено-синий закат. В Хитроу меня с радостью встретил Олег и привез в Бирмингем.

27.03. Все вместе: Джоу Артур, Эмма Джейн, Олег и я ездили в Кембридж. Ранняя весна. Как я люблю это время! Распускается боярышник в изгородях вдоль дорог. В туманных полях стоят дубы, и пасутся овцы.

В голых парках россыпи нарциссов, белоцветников, крокусов и синей пролески. Зеленые каналы, по которым катают на лодках с шестами японских туристов. Вечером Эмма очень вкусно приготовила спаржу и рыбу в кокосовом молоке с манго и имбирем.

28.03. Англия двухэтажная — красная кирпичная или серая, из песчаника, с каминной трубой. Горлицы на дубах. В парках — цветы, в каналах — утки.

*29.03. Да благословит тебя Господь
и сохранит тебя!*

*Да призрит на тебя Господь
светлым лицем Своим и помилует тебя!
Да обратит Господь лицо Свое на тебя
и даст тебе мир!*

(Чис. 6, 24–26)

Так написала мне Эмма Джейн по-русски и по-английски. Да будет с ней благодать Господа нашего Иисуса Христа!

31.03. Приехали в Бамфорд к Аллану и Миим. На зеленых холмах, разделенных каменными оградами, пасутся овцы. Ограды выстроены, если не при римлянах, то, по крайней мере, пленными наполеоновскими солдатами.

01.04. Священник говорил, что постигшая Англию болезнь овечьих копыт и ртов дана по

грехам общества. Это было в деревне Им, жители которой в 1665 году затворились, чтобы не дать выйти бубонной чуме.

Вдоль дорог, у заборов цветет нарцисс, английский цветок.

Под зеленою травой и овцами известняк холмов пронизан жилами полосчатого, синего с белым, флюорита, называемого издавна «голубой Джон».

02.04. Миим подарила на прощанье свою работу — красивый витраж нарцисса.

Заехали в маленький городок Бейквелл и купили традиционный миндальный пудинг.

03.04. В придорожном пабе «Лиса» на столах стояли желтые нарциссы.

Все время дождик, туман, иногда неяркое солнце. Эмма очень нежна со Джоу.

04.04. Весь холодный дождливый день сидел с Джоу у камина. Кормил его, играл с ним, творя Иисусову молитву.

Все немного простыли, вечером выпили горячего красного вина с гвоздикой и корицей.

06.04. Атлантический ветер тянет над Англией низкие тучи. Дождь стекает по шпилям церквей, по белым бараньим шкурам, по зеленеющему боярышнику, по стеклу, в которое уткнулся носом мой дорогой Джоу.

07.04. Вечером Олег, спаси его Господи, отвез в Лондон. Эмма Джейн, прощаясь, заплакала, и я был близок к тому.

10.04. Искал пристанища и трудов во Свято-Даниловом, Сретенском и Донском монастырях Москвы.

11.04. Упросил святого преподобного старца Силуана и святого великомученика Пантелеймона, и Матушка Богородица благоволила остановиться мне на подворье Афонского монастыря, на Швивой горке за Яузой.

12.04. Начищал лампады в храме великомученика Никиты. После вечернего правила крестным ходом обошел с братией вокруг подворья среди ночной Москвы, рядом с театром на Таганке. Над подворьем нависает громада сталинской высотки, подсвеченная лампами.

13.04. Ни хлеба, ни воды: строгий пост.

В два часа дня посреди храма стоял черный гроб, а за ним белые хризантемы: вынос Плащаницы.

В любом монастыре найдется брат, ненавидящий меня. Так и в этом есть один инок. Значит Господь не оставил меня до конца.

14.04. За окном шумным прибоем точит свой камень Москва.

15.04. Нес хоругвь со Христом на Пасхальном крестном ходе. Христосовался с братией в алтаре храма великомученика Никиты. Причастился Святых Христовых Таин. Всех прихожан монастырь оделил яйцом и куличом.

Дай, Господи, вновь вдохнуть мне тоскливо-радостный воздух странничества.

16.04. Был дневным и ночным привратником на святых монастырских вратах.

Отец настоятель Никон благословил носить черный халат трудника. Это мой потолок в церковной иерархии.

За вратами скопились бродяги, и я, благословясь, вынес им остатки вечерней трапезы.

Ночью читал неусыпаемую Псалтирь и обходил подворье с Иисусовой молитвой. Спит братья, белеет древний храм.

17.04. Выполнял послушание дежурного по храму. Трудник Вячеслав говорит о монастыре под Алма-Атой: «Эдельвейсы вокруг большие, как кошачья лапка».

20.04. Подворье расположено внутри Садового кольца, при устье Яузы.

+ + +

*Встану на полчаса раньше братии,
Обойду все иконы в храме древнем
Никиты-великомученика на Шивовой
горке за Яузой,
Исцелую их, упрошу Матушку Богородицу
Нечаянную Радость,
И Она вам даст от Сына Своего.*

23.04. Благословили на неделю послушание трапезаря. Накрываю и убираю стол на двадцать человек братии, готовлю салаты, мою полы, зажигаю лампады от неугасимой лампады Пантелеимона.

+ + +

*Вечером постучит кто-то
В низкое оконце трапезной,
И скажет чудесным голосом:
«Дай Мне, Георгий, хлеба и яблоко». —
«Подожди, — скажу, — Матушка,
благословлюсь у келаря». —
«Не нужно, — скажет Она.*

— Я тебя благословляю».

*И с тех пор пойдет у меня все ровно и гладко.
Или заполночь постучит во Святые врата,
А я как раз буду привратником.
Скажет: «Открой Мне, Георгий,
Негде главу подклонить».
Другой бы прогнал, а я сразу Её узнаю.
Скажу: «Входи, Матушка Игумения наша!»
И с тех пор не буду знать
ни тоски, ни печали.*

25.04. Желтый веселый мед одуванчиков разился по Москве.

26.04. Легкий утренний воздух светлого беспечального дня, не обремененного ни сожалением о вчерашних страстиах, ни заботами о хлебе насущном. После утреннего правила я несу в фонаре Святой огонь из храма в трапезную.

27.04. В садочке у отца Никона цветут жимолость и крыжовник.

Вечером латунная заря над великой столицей.

28.04. После весеннего ливня воздух был напоен тополиным бальзамом.

Всенощная Жен Мироносиц.

+ + +

*Прижавши сосуды, страшася охраны,
Мария, Мария, одна Иоанна,
Еще Саломия с Марией вступали
В обитель нетления.*

Хохот шакалий
Встречал их и камень ночной в темноте.
И не было больше спасенья нигде.
И каждая, плача под ноги, хотела
Помазати миром Пречистое Тело.

*Так женского образа белые крила
Земля до скончанья потом не творила.*

29.04. При каждом храме есть женщины в темном, труждающиеся во славу Господню. Обычно бесу попускается разбить их на две-три враждующие группы.

01.04. После Литургии братии благословлено вкушение «вынутых» просфор.

Был ночным привратником. Пришли три монаха из Ивановской епархии, но отец благочинный, Арсений, не благословил впустить.

02.05. Так я стал насельником Патриаршего Афонского подворья с видом из келий на Москву-реку.

05.05. День тезоименитства. Святый страстотерпче и победоносче Георгие, моли Бога о мне!

Всенощная. Женщины приходят со своими стульями. Бездомные приходят поспать. Все больше пожилых и больных. Таков наш род.

Храм великомученика Никиты с полутораметровой толщины стенами кажется вырубленным в скале.

07.05. В кафедральном соборе Христа Спасителя есть чудотворная икона Богородицы Взыскание Погибших. На ней висят ещё только два благодарственных перстенька.

Низ храма — из лабрадорита, середина, порталы, солея — из вишневого гравелита, верх — из светлых мраморов. К лицу России.

Ночью дежурил при Святых вратах. Возле белого храма белая сирень под белой луной. Слишком чувственно, согрешаю. Лиловые ба-

хромчатые тюльпаны, цветущие возле трапезной, вовлекаются в блудный помысел.

08.05. На вечерней службе пришли три деревенские женщины и, по-деловому отсчитав крупные деньги, заказали поминовение на Святой Горе Афон. Приложились к иконам и удовлетворенные ушли.

В вечернем свете свечи горели как-то особенно ярко.

Пришли три бизнесмена, купили три свечи, заплатив сто долларов, поставили Николаю-Угоднику и ушли.

09.05. При освящении Престола в православном храме ему придаётся Ангел до конца дней.

+ + +

*В разрушенных храмах, засыпанных пылью
На месте алтарном виднеются крылья.
То Ангел недвижим и несокрушим.
Так мы оставляем частицу души
На тех, кто уходит в расцвете любви
Из этой прекрасной и страшной земли.
Он будет стоять по колено в пыли
До Судного дня, продолжая молить,
Среди безнадежного места пустого,
Любовью охваченный Ангел Престола.*

12.05. Началась дождливая и холодная московская весна. Так зелено и холодно.

Вычитываю сорокоуст на вечерне. Не посрами, Господи, надежды раб Твоих, мною окаянным поминаемых!

15.05. Неожиданно загремел в кардиоремационное отделение Спасо-Перовского госпиталя мира и милосердия.

16.04. К утру Божией милостью оклемался и попросил выписать.

17.05. Простился с братией, благословился в дорогу, и с паломнической группой Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии в 13.50 вылетел в Палестину, в Тель-Авив. Слава Тебе Господи!

В 17.50 прилетели. Саронская долина ныне — поля, размежеванные кипарисами, и белые поселки. Ближе к Иерусалиму холмы возрастают в невысокие Иудейские горы. На горах растут дикая маслина, миндаль, фисташка, рожковое дерево, каменный дуб, тамарикс. Доцветает розовый ладанник. Посадки сосен, кипарисов. Высвечивает белый известняк гор. Белые поселки на вершинах гор. На плоских крышах солнечные нагреватели и цистерны для воды.

Горненский женский монастырь на окраине Иерусалима. Расположен на крутом, до 40°, террасированном склоне. Двухэтажные каменные дома XIX века, маслины, кипарисы, миндаль, рожковое дерево. Недостроенный с 1914 года храм Святой Троицы. Храм Казанской иконы Божией Матери, колокольня. Шестьдесят восемь сестер и матушка-игумения Георгия. На этом месте целованием святым приветствовали друг друга Святая Дева и праведная Елизавета. Здесь родился и возрастал последний ветхозаветный пророк и величайший из рожденных женщинами Предтеча и Креститель Господень Иоанн. Здесь приучался он питаться плодами рожкового дерева (цератония стручковая).

Потрапезничали и отслужили в Казанском храме благодарственный молебен.

В семь часов вечера по горненскому времени (на один час меньше иерусалимского) красная заря и сразу темнеет.

18.05. В полночь разбудил Ангел Хранитель. За горою — зарево Иерусалима.

— Не спи! Смотри в эту ночь Господню.

Святоземное благорастворенное утро: горлица, белые мальвы в сухой траве, тихий свет.

Сопровождает сестра Ника. В тени рожковых деревьев на улицах Иерусалима.

Вошли в Старый город Сионскими вратами и взяли благословение в Греческой Иерусалимской Патриархии у местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Корнилия. Он принимал в этом году Благодатный Огонь.

Гефсимания. Западный склон Масличной горы. Кипарисы, увитые розовой бугенвиллеей. Арабы называют ее «маджнуни» — сумасшедшая. Золотые купола Марии Магдалины — это владение Русской Зарубежной Православной Церкви. В саду цветет синее-синее дерево джекоранда.

От Гефсиманского сада Господь оставил нам восемь живых пещеристых олив во владении монахов-францисканцев. Господь любил это место, как человек. Подземная церковь Успения Богородицы, грубо выдолбленное каменное ложе и лес лампад. Иерусалимская или Гефсиманская чудотворная икона Богородицы русской работы XIX века.

Вошли в Старый город вратами святого первомученика Стефана (они же Гефсиманские, Львиные, Овчие, Богородичные). По залитой полдневным жаром улице дошли до Вифезды — Овчей купели на территории католического монастыря Святой Анны. Заплатив по доллару, спустились в прохладу подземной цистерны. «Чаявшие движения воды», напились и умылись. По преданию, Ангел возмущал в купели воду над таящимся срубленным Древом будущего Креста Господня.

Под католическим монастырем Сестер Сиона расположен Литостратос (*греч.*) — Мощёное место, двор римской претории. Велика вероятность, что именно на этих, целуемых нами евангельских камнях, стоял, допрашиваемый, Спаситель.

Один из камней расчертен солдатами для игры в «царя». Проигравший становился «царем», его желания исполняли, а затем он кончал с собой.

Так начинается Крестный Путь, зажатый торговыми лавками до самой Голгофы. Я шёл по нему и не мог не плакать.

Слева у входа во храм Гроба Господня расположена Треснувшая колонна. На Пасху 1579 года, когда турки не допустили православного патриарха ко Гробу, из неё вышел Благодатный Огонь. Справа — колонны из давно знакомой византийской брекции. Всё это целовано переплевано.

Камень Миропомазания блестит от заливших его ароматов. Положил на него свою голову и руки. Господи, дай мне мир!

Поднялся на Голгофу, прижал к серому камню нательный крест. «Да поможет Господь в твоих намерениях!» — шепнула инокиня Мария.

Потом были вырубленные в скале цистерны, куда сбросили Крест Господень и где нашла Его в мусорной свалке святая равноапостольная царица Елена. Это сейчас все в серебре.

Дошёл до Гроба Господня в Кувуклии. Истершая губами плита. На полминуты прижался к ней головой и вцепился руками. И то много. Сзади торопят. Вышел на коленях. Куда теперь, Господи?!

19.05. По утрам в низинах Иудейских гор лежит туманная дымка. Кричат петухи в селении Эйн Карем, лает собака. Там, по долине, лежащей в тумане, шли Клеопа с Лукой в Эммаус.

На восточных склонах Иудейских гор лежит Иудейская пустыня, лежит сразу за Масличной, или Елеонской, горой. Сюда выгоняли козла отпущения. Немного чахлой сухой травы на белесых каменных склонах, серое небо.

Глубокое, метров триста, ущелье в горизонтально напластованном известняке. К скалам прилепился монастырь преподобного Георгия Хозевита. Оазис финиковых пальм, кипарисов и красных акаций. Три человека братии. Белые черепа тысяч убиенных монахов. Вот что будет.

— Проси Преподобного и оставайся здесь, — сказала Мария. — Если Господь дает, нужно сразу брать. Времени больше нет.

По сухим руслам редко растут бледнозеленые кусты святой Марии Египетской. Ими она питалась.

Спустились ниже, в Иорданскую пустыню. Плоская местность разворачивается от Сорокадневной горы над Иерихоном до Мертвого моря. За голубым Мертвым морем в серой дымке лежат Моавитские, или Лотовы, горы.

— Господи, как тяжело не обернуться!

В монастыре преподобного Герасима Иорданского мироточат все иконы. В храме пахнет медом. Вокруг пустыня. Отец игумен благословил нам десяток сладких иорданских арбузов без косточек.

Исповедались в Горненском монастыре и в 22.30 выехали автобусом на ночную Литургию у Гроба Господня.

Проскомидия совершается на самом Гробе Господнем, алтарь располагается на камне Ангела.

Служил греческий владыка Исаихий. Наши отцы из Миссии и из России сослужили ему.

На Великом Входе все вместе обошли Кувуклию.

Напротив Кувуклии, в храме Воскресения Христова, в центре его, расположен каменный цветок — это Центр Земли, по сказанному: *создел спасение посреди земли* (Пс. 73). В Центре Земли нас и причастили Святых Христовых Таин.

На обратном пути Мария пропала в Старом городе. Я пошел искать. Нашел и крикнул: «Мария!» — «О! Георгий!» — сказала она. Какие-то тени за ее спиной, помедлив, исчезли.

20.05. Утром от Горненской обители доехал автобусом № 27 до Яффских врат. На улицах

Иерусалима много ортодоксальных иудеев в черных пиджаках и шляпах, с пейсами. Много оружия в руках патрулей и отпускников.

Дошел до Гроба Господня. Никого, только Ангелы.

Вышел из Старого города Гефсиманскими вратами и спустился к руслу Кедрона, в Иосафатову долину. Неухоженный масличный сад, цветет дикий мак, куропатка уводит птенцов. Пустынно. По пророчеству Иоиля, здесь будет Страшный суд. Случись он вдруг сейчас, я был бы первым.

Перекусил возле вырубленной в известняковой скале гробницы мятежного Авессалома, в тени старой сосны.

Белый зной в Иосафатовой долине, группа темно-зеленых сумахов, растущих из серого праха веков. Желтый сухой овсец колеблется меж могил христиан, иудеев и мусульман. Чуть дальше — мусорная свалка из арабского квартала.

Ночью из Горненской обители видна россыпь электрических огней на Иудейских горах.

21.05. В пять часов утра выехали на Синай.

Камыши и тамариксы вдоль Мертвого моря. Маслянистая, тяжкая вода, скрывающая от глаз прах греховного Содома. Кое-где из камышей выступает финиковая пальма.

Проехали курорты и соляные заводы.

Въехали в пустыню с серыми почти безлистыми зонтичными акациями, Сахаро-Синдский растительный район. В этой впадине по прости-

ранию Мертвого моря расположены поливные плантации финиковых пальм.

В Эйлате переехали египетскую границу. Пересяли на египетский транспорт. Искупались в Красном море на диком бесплатном пляже. Трудно представить такой цветник рыб и кораллов совсем рядом с берегом.

Синайская горная пустыня. Кое-где в долинах растянуты брезенты кочевников.

Греческий монастырь святой Екатерины расположен в гранитном ущелье. Высота скал над ним до километра. На вершинах скал стоят кресты для отражения зла.

Кипарисы, два эвкалипта, маслины и фисташка. Двадцать восемь человек братии.

Неопалимая Купина — огромный куст реликторвой ежевики растет и благоденствует сразу за апсидой древнего храма. Из этой Купины говорил Господь.

В монастырской костнице — несметное количество черепов, иссохших рук и ног. Тысячи сибирских преподобных. Монашеская ветвь не прерывалась здесь с четвертого века. Бальзамический воздух и вид сухих жил лечат от всяких парений.

Приложились к честной главе и руке святой великомученицы Екатерины. На руке её четыре колечка, и одно из них — Господне, но не знают какое.

Проигумен архимандрит Павел записал для поминования имя моей Екатерины и дал ей колечко.

Лампады висят на цепях со страусиными яйцами. Свечи горят длинно и дымно.

Древние, шестого-восьмого веков, драгоценные примитивные иконы.

22.05. В десять часов вечера вышли и по хорошей тропе за три часа дошли до маленького храма Святой Троицы на вершине горы Хорив, или горы Моисея, 2285 м.

Вдоль всей тропы с десяток лавочек с напитками и верблюдами возле. Подняться на гору на верблюде стоит 10 долларов.

Батюшка Александр из Толгского монастыря отслужил Литургию и причастил нас на вершине этой святой горы, рядом с трещиной, где укрывался пророк Моисей от славы Лица Господня.

Когда начало светать, оказалось, вершина покрыта лежащими телами неоязычников. Они спали, пили пиво и обнимали подруг. Взошло солнце, и они захлопали в ладоши. Оно взошло такое маленькое и бледное, что было наивно думать, будто оно одно сможет осветить и согреть этот мир. Молодая горненская монахиня матушка Иустина, похожая на Анну Ахматову, громко и ладно запела Пасхальный тропарь. Все взоры обратились к ней. Вздыбленные скалы микроклиновых гранитов порозовели и озолотились. Слава Тебе, Господи!

Арапчата продают камни с рисунком веточек дендритов марганца — знаки Неопалимой Купины.

Утром потрапезничали в монастыре, приложились к святым иконам и отправились обратно, в Израиль.

Вечером проезжали Мертвое море, и взяла тоска.

23.05. Солнечным утром легкий, легчайший горненский воздух вливается даже до души. Господне Средиземноморье.

Дорога в Яффу. Только после Иудейской, Иорданской и Синайской пустынь понимаешь обетованность этой земли. Яблоневые и абрикосовые сады, виноградники. Дикая зелень гор орошается ночной росой. Столь же благодатна Саронская долина. Уж нет здесь библейских саронских лилий, но бесконечные цветущие подсолнечники.

Русский православный храм святого апостола Петра в Яффе стоит на холме, возвышаясь над

старым городом. Высокая терракотового цвета колокольня славит Бога. На холме дует прохладный ветерок.

Здесь же на русском участке расположена гробница праведной Тавифы. Из нее растет большая шелковица со множеством крупных сладких розовых ягод, которые мы ели, благодаря Тавифу. В день ее памяти арабы издалека идут к ней на коленях.

Искупались в Средиземном море на диком песчаном пляже. Белый кварцевый песок приносит сюда береговое морское течение из дельты Нила. Приехали в Лидду, где погребен святой великомученик Георгий Победоносец, небесный покровитель Москвы, Англии и мой.

Над его гробницей стоит православная греческая церковь. К церкви прижалась мечеть. Мусульмане весьма почитают Георгия.

В этот жаркий суетный день я мало что понял. Прости, великомучениче! Моли Бога о мне!

Как говорят горненские сестры: «Зима — лето, зима-лето, пройдет и это».

24.05. Вознесение Господа нашего Иисуса Христа на Елеонской горе. Православные служат в шатрах справа от «стопочки», копты в середине, а армяне — слева. Над самой «стопочкой» — отпечатком стопы Господа — мусульмане служить не дозволяют. Процессию традиционно возглавляют кавасы в красных фесках, стука посохами.

Православные читают Евангелия на греческом, потом на арабском и на русском языках.

Причастились в этом великом и спасительном месте, от которого оттолкнулся Господь Иисус Христос на сороковой день.

Сегодня узнал, что отца архимандрита Серафима, помогшего мне в паломничестве, Божьей волею хиротонисали в епископа Прибалтийского.

25.05. Галилея лежит в зеленых садах, хвойных рощах и желтых полях. Эвкалипты и кипарисы вдоль дорог ублажают ее. Посредине ее стоит гора Фавор, 588 м. Каждый год на православное Преображение Господне на Фавор находят с запада тучи с огнем.

Вершина Фавора поросла невысоким каменным дубом. Греческий православный монастырь на вершине.

В глазах моих была Галилея. Желтый каменистый холм Хиттим, откуда Он сказал нам почти всё, и где потом, знайным днем 1187 года, крестоносцы были катастрофически разбиты Саладином.

Быстро проехав современную многоэтажную Тиверию, остановились на русском участке Магдал на берегу Тивериадского, или Галилейского, или Геннисаретского озера.

Лес больших эвкалиптов и пальм уходит корнями в освященную воду озера — моря. Заросли камыша у берега. Черная базальтовая галька. Плещется петровская рыба, потомки ловимых апостолами рыб. Здесь родилась Мария Магdalина, здесь все, и земля и вода, исхожено Иисусом Христом, Господом Богом нашим.

Я заплыл подальше в озеро, чтобы посмотреть на землю. Прохладная пресная вода. Желтые сухие склоны.

Сгорбленная, в черной рясе, просидела Мария на жгучем солнце все время, пока мы купались.

В озере водятся большие сомы, которые съели тех свиней, в коих вселились бесы, изгнанные Господом.

Здесь живут несколько горненских сестер, и они накормили нас жареной очень вкусной петровской рыбой.

Поблагодарили Господа в небольшой светлой церкви равноапостольной Марии Магдалины и поехали на Иордан.

В истоке своем из Галилейского моря Иордан чистый и зеленый, шириной пятнадцать метров и глубиной пять. По берегам растет эвкалиптовый лес. Эвкалипты как раз цвели, и на них было много пчел.

Отец Александр совершил чин освящения воды, мы надели свои саваны и трижды окунулись с головой во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Мария была веселая и красивая в черной рясе в зеленой воде.

Кана Галилейская расположена среди склоненных полей на невысоком нагорье. У обочины под маслиной продавали арбузы.

В православном греческом храме стоят два из тех каменных евангельских сосудов для воды. В лавках вокруг продают местное вино в память

о Его первом чуде (Мать попросила) на свадьбе дочери Симона Кананита.

Приехали в Назарет, как в город детства, где все уже перестроено. И если можно что-то найти, то это источник, вблизи которого благовестил Приснодеве архангел Гавриил. Над ним стоит православная церковь. Тут случилась такая стрельба, что мы насторожились. Но это несли отпевать одного православного араба.

Вечерние поля Саронской долины, сумерки в Иудейских горах.

Ночь в Горненском монастыре. В светлом зареве Иерусалима полощется, сохнет на святоzemном ветру мой белый саван.

26.05. Утренний воздух в Горненском сладчайший от кипарисов и молитв.

На въезде в палестинский анклав Вифлеем оставили израильский автобус, прошли автоматчиков и сели в арабское такси.

Огромный храм Рождества Христова над Вертепом и Вифлеемской Звездой. Он — единственный оставшийся из построенных равноапостольной Еленой. Это пятинефная базилика с темными закопченными коринфскими колоннами.

У входа в Вертеп на колонне — нерукотворный образ Господа Иисуса Христа с закрытыми издали и открытыми вблизи глазами.

Колокол в храме имеет самый лучший звон в Палестине. Он из России. Православные принесли его на своих плечах в XIX веке аж из Хайфы.

Мы приложились к Вифлеемской Звезде, и о. Александр помазал нас елеем.

— Пора что-то решать, — подумал я и увидел у входа в Вертер матушку игумению Георгию. Она благословила меня приехать в Горненский потрудится во славу Божию.

Заехали в пыльную арабскую Вифанию. Владеющий гробницей Лазаря араб собрал с нас по доллару и отпер двери, и мы спустились поклониться чуду Воскресения.

В 23 часа поехали на Литургию к Гробу Господню. От Горненского монастыря ехать на такси полчаса, 20 шекелей (около пяти долларов) за машину.

Прошли по затертым до блеска камням Старого города.

Всю службуостоял у входа в Кувуклию, держась рукой за крыло бронзового ангела, окруженный сонмом живых Бесплотных Сил.

Причастился и в три часа ночи возвратился в Горненский. Воют шакалы.

За эту ночь в Иерусалиме было шесть взрывов, в нашей Миссии вылетели стекла.

27.04. Долго ехали вдоль низменного песчаного берега Средиземного моря в Хайфу. В автобусе прохладный кондиционированный воздух и горячие стекла. Снаружи + 45°C. Созревает виноград на плантациях.

Поднялись на горную гряду Кармил, где святой пророк Божий Илия заклял жрецов Ваала и Астарты. Серый карстовый известняк, заросли каменного дуба, дикой маслины и лавра — пер-

вичный библейский элемент. Монастырь кармелитов.

Проехали Кесарию, стоящую на вдающемся в Средиземное море мысу. Отсюда вышел по воле Божией Пятый римский легион, чтобы разрушить Второй иудейский храм.

Возвратившись в Горненский, отслужили молебен в дорогу. Сестры-матушки, такие красивые, спели «Прощальный час в Иерусалиме».

28.05. В 01.20. ночи вылетели в Москву, где цветет сирень при 8°C.

+ + +

*Разделенный Кедрома долиной
Опалияет мне душу твой вид.
Гефсиманские шепчут маслины:
Не дерзнул преподобный Давид *
Нас увидеть, как ты.
Но с Поклонной горы
Этот Город Святый
В его сердце горит.
Большим он не хотел
На Земле обладать,
Взяв три камня, унёс
С ними всю Благодать.
И послал Патриарх
Черноризца за ним:
Дай два камня назад,
Оставайся с одним.
Иерусалиме мой, я уже не отчаяваю,
У меня теперь — радостепечалие.
Уношу тебя на подошвах ног,
Как судил тому быть Господь наш Бог.*

⁺ Преподобный Давид Гареджийский, VI век.

ЧАСТЬ II

*Только Ты, Господь, Один
Знаешь, где моя звезда.
Я у Гроба Твоего
Буду жить всегда.*

27.06.2001. Проехал Россию от Сочи до Москвы. Косят траву. Дожди. Великая зелень. На станциях продают молодую картошку, соленые огурцы, раков, землянику.

28.06. В Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии мне подготовили документы и отправили самолетом в Тель-Авив. Встретила матушка Рахиль и привезла в Горненский монастырь. Над Иудеей висит пыльная мгла — хамсин. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме о.Феодосий, молодой высокий архимандрит, скептически осмотрев, сказал, что меня испытывают.

— Много вас было у меня, испытывающих, — несмиленно подумал я.

Ночью почти не спал, не мог. Выли шакалы.

— Господи, Господи, укрепи меня!

29.06. Ремонтировал келью. Белый сухой зной в полдень пахнет кипарисом и блекло серебрится маслиной.

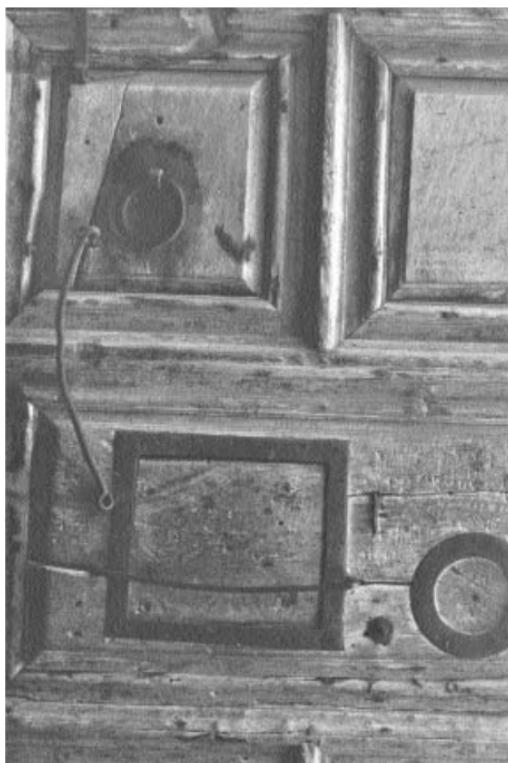
В пятидесяти метрах ниже моей кельи родился Предтеча и Креститель Господень Иоанн, последний ветхозаветный пророк, первый новозаветный мученик и ближний друг Христов. Сейчас там пещерный храм.

Вечером сидел на камне в монастырских негудьях и слушал цикад на нежном пахучем средиземном ветру.

30.06. Красил и шпаклевал стены, чинил водоводные шланги. Птицы проклёывают шланги, чтобы напиться в эту жару.

Паломников нет по причине арабо-израильского конфликта. На иерихонской дороге ночью израильский солдат очередью убил отца Германа, настоятеля греческого монастыря преподобного Георгия Хозевита.

В 22.45 поехал с братом во Христе Владимиром Докучаевым ко Святому Гробу. Автобус номер двадцать семь. Ни больше, ни меньше.

Окончилась суббота — шабат по-еврейски — и улицы Иерусалима наполнились огнём, людьми и машинами.

В 23.45 турок открыл двери на площадь перед храмом Гроба Господня. Затем на воротах храма открылась дверца, оттуда подали лестницу. Турок приставил лестницу ко вратам, поднялся, и отпер древние запоры.

Входя, сразу попадаешь перед Камень Миропомазания и припадаешь к нему. За ним во всю стену сверкает захватывающая золотая мозаика «Снятие с Креста, Миропомазание и Положение во Гроб Господа Иисуса Христа».

Возле Святого Гроба несколько лет подвизается на подхвате у алтарника Пантелеймона мириянин Саша из Питера.

Ротонда храма над Святым Гробом покоится на цельных коринфских колоннах из мраморизованного известняка цвета слоновой кости. Колонны стоят на таких же незыблемых кубических мраморных базах.

Служил Литургию и причащал Святых Христовых Таин один из двенадцати греческих святогробных владык — Аристарх.

Обычно на эту воскресную Литургию у Святого Гроба ездит большинство горненских сестер. В четвёртом часу утра мы стояли счастливые у Яффских ворот Старого Иерусалима, ожидая маршрутное такси. Мимо проплывали, допивая пиво, последние гуляки.

01.07. Воскресенье. Тихий день.

+ + +

*Белый зной, но прохладен ветер.
Две тропинки скрестились Христом,
Как бы пылью на этом свете,
А над пылью уже на том.*

Матушка Ксения рассказала, как много здесь змей. Скатываются по ступеням под ноги и стоят, как шесты в огороде.

Вечером, в конце утрени, одна из сестер обходит монастырь с Казанским образом Богородицы. Началась эта традиция недавно, после зверского убийства двух сестер, Варвары и Вероники.

02.07. Белил, носил, грузил и т. д. Монастырь лежит на северном склоне широтного отрога Иудейских гор. На противоположном склоне расположено селение Эйн-Карем. Левее его низко висит Полярная звезда. Это западная окраина Иерусалима.

Ночью яркие электрические огни на горах переплетаются с шакальным воплем. Закричит один, и подхватывают шакалы по всей округе. Пробирает озnob, когда дикий дьявольский крик раздается за спиной в зарослях дрока. Ты и Сам, Господи Иисусе Христе, слышал их.

У ворот благоухают два куста лекарственного жасмина. Густой аромат скатывается метров на сто вниз, до камня, где я сижу.

Уже, было, лег, но встал, чтобы снова посмотреть на огни Святого града Иерусалима.

03.07. Белил и красил стены. Сияющая утренняя дымка на горах, на Иерусалиме.

Монастырь стоит на высоте около девятисот метров. Ночью прохладный ветер тянет со Средиземного моря низкие полупрозрачные облака.

04.07. Погрузочно-разгрузочные работы.

Вечером молился Иисусовой молитвой на своем камне. Вдалеке виднелась гробница пророка Самуила, благословившего на царство Саула и Давида.

На зданиях старого Иерусалима, на флагах Иерусалимской Патриархии, на ризах и кольцах стоят две слитые буквы «Φ» Тафес Феос (*греч.*) — Гроб Божий, знак православного Святогробного византийского монашеского братства.

05.07. Ремонтировал подпорную стену.

Вечер был прохладный. В темноте быстро прошла монахиня в белом апостольнике.

06.07. Приходится повиноваться всем, приходится носить тяжести, чего я бы уже не хотел. Можно предположить, что и дальнейшее будет не по-моему, но зато спасительно. Слава Тебе, Боже!

В три часа дня началась всенощная на рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Букеты белых лилий.

Как угольный жар, лежит на горах Иерусалим. Над ним полная азиатская луна.

07.07. В пять часов утра начался водосвятный молебен. Литургию в Казанском храме служили три Феофана: святогробный владыка Феофан, иеромонах из нашей Миссии о.Феофан и горненский священник игумен о.Феофан.

Причастившись, понесли икону Благовещения по узкой дороге из храма к источнику Святой Девы в Эйн-Кареме. Три месяца, сколько здесь гостила Пречистая у Елисаветы, гостит икона в Горненском монастыре, а на рождество Предтечи уезжает в Русскую Миссию.

Было человек двести гостей, приезжали копты.

Жгуче-жаркий день сменяется благодатно прохладным вечером. Густой горячий запах лилий вытекает из намоленных храмов.

В 23 часа поехали с матушкой игуменьей Георгией ко Святому Гробу Господню. Отполированный ногами известняк на улицах Старого города блестит в электрическом свете.

Послушница Наталия восторженно смотрит куда-то поверх голов.

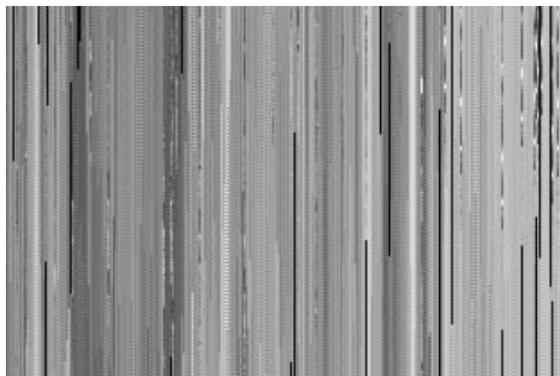
08.07. Приехал днем ко Святому Гробу. Стою на Голгофе и «лютых помышлений не отступаю». Прости, Господи! Плита Миропомазания посыпана белыми хризантемами.

Приложился ко Гробу и полтора часа молился возле него Иисусовой молитвой. Алтарник Пантелеймон не трогал меня.

Возвращаясь, смотрел на полногрудых еврейских дев, и всё расточил, что собрал.

Горненские сестры после праздника сушат увядшие лилии себе во гроб.

Из Магдалы, с Галилейского моря привезли петровских рыб. Я засолил и завялил их.

09.07. Помогаю приехавшему из Москвы диакону О.Константину собирать киот для чудотворной Казанской иконы Матушки Богородицы, избавившей сестер от холеры в 1916 году.

12.07. Ездили в Яффу на русский участок. Престольный праздник в храме первоверховых апостолов Петра и Павла. Причастился.

Здесь в Яффе построил Ной свой ковчег. Горячий влажный приморский воздух. Не то, что в Иудейских горах. Вечера в Иерусалиме, в Горненском столь прохладны, благоуханны, живительны, что несомненно проистекают из Благодати Божией.

13.07. Красил киот, обтачивал покрытую левкасом резьбу.

— Помолитесь за меня. — говорит послушница Ирина. — Пристает ко мне один красивый.

14.07. Горненские сестры стремятся к своему Жениху и добираются до Святого Гроба как могут: автобусом, такси, пешком. Пешком два часа.

До нас у Гроба служили католики и на час задержали. Я стоял возле Кувуклии усталый и

сонный и думал под звуки католического органа, что следующее воскресенье надо бы отоспаться. Да и денег нет. В это время сзади подошла матушка игумения Георгия и вложила в руку две стопы шекелей на дорогу.

15.07. При монастыре шестой год обитает трудник Павел, проникнутый апокалиптическим духом последних дней.

— Шакалов, — говорит, — с каждым годом всё больше.

16.07. В полдень в белом палящем свете маслины становятся совершенно серебряными.

В большой монастырской трапезной очень чисто. Много фруктов: персики, сливы, апельсины, манго, бананы, дыни, арбузы.

17.07. Монахиня матушка Савва так чисто убирает в моей келье и стелет свежую постель.

— Вы дышите всякой пылью, вам надо пить молоко. — сказала она, и принесла кувшин холодного молока.

18.07. Дни проходят в трудах, будто не было.

Утром читаю помянник живых и отшедших, и вечером читаю помянник. Самое полезное чтение.

На противоположном склоне долины ночью видны вспышки выстрелов. Через десять секунд доносятся хлопки.

Пришли братья Иеремия Юталайне и Владимир Докучаев, принесли большой и сладкий иерихонский арбуз.

19.07. Все готовятся к Казанской, к престольному празднику. В Казанском храме все трётся,

чистится и моется. Сестры в белых апостольниках натирают бронзу.

Маленький чудотворный Казанский образ Богородицы поместили в новый огромный, три на полтора метра, липовый резной киот.

20.07. Послушнице Елене благословили под праздник носить рясу и апостольник, и она ходит в обновке, красивая, с сияющими глазами, чтобы выплакать их во спасение души. Спаси её, Господи!

На ночь двенадцать раз читали акафист Богородице за избавление сестер монастыря от холеры на двенадцатом акафисте в 1916 году.

21.07. Праздничная Литургия. Лилии. Причастился. Вечером хотел уехать в город: бес понуждает выйти из освященных пределов, но матушка игумения не благословила.

Посидел, помолился на своём камне с видом на вечереющие Иудейские горы. В 22.45 поехал городским автобусом на Литургию ко Святому Гробу.

Говорят, что три заказные Литургии у Гроба Господня вытаскивают из ада.

Четверо вооруженных израильских полицейских периодически обходят храм изнутри.

Коренных жителей в Израиле немного, большинство — выходцы из Евразии — ашкенази и Африки — темнокожие сефарды.

Рядом со своею звездою израильтяне любят вывешивать американские звёзды.

22.07. После Литургии и трапезы поехали купаться на Средиземное море. Заказали большой

автобус. Сестры в светлых подрясниках, шляпах, платочках.

Заложило уши, когда быстро спускались в Саронскую долину с Иудейских гор.

Проехали Эммаус. Здесь родился благоразумный разбойник. На этих пологих холмах, покрытых полями с цветущим на межах аниром, Иисус Навин остановил по воле Божией Солнце и Луну.

Приехали в Ашdot на городской пляж. Белый кварцевый песок, зеленая вода, ветер и белые гребни.

Сестры расположились отдельно.

Есть в береговом пейзаже некая средиземноморность, блестящая ветреная солнливость.

Редкая медуза коснется кожи и обожжет. К вечеру все обгорели и покраснели, как раки.

23.07. Пилили с Владимиром дрова и ловили котов для депортации.

Лето переломилось. Осыпается поспевший миндаль.

25.07. Спросил у монахини матушки Христины сколько лет она в монастыре.

— А может и нисколько, — ответила она.

26.07. По утрам в низины ложатся густые туманы.

Так устаю, что нет сил писать стихи о черных лилиях — монахинях.

Я хотел бы, Иерусалиме, увидеть огни твои, когда повлекут меня по мытарствам.

28.07. Поспевает инжир на кустистых монастырских деревьях. Черноголовки (как бы мо-

нашки в черных апостольниках) прилетают поклевать спелые плоды.

Общественный транспорт сегодня не ходит по причине траура по Первому и Второму иудейским храмам, разрушенным в этот день вавилонянами в 586 году до Р.Х. и римлянами в 70 году по Р.Х. Поехали ко Святому Гробу, вызвав по телефону микроавтобус. Зеленая скобка луны.

Причастился у Гроба Твоего. Благодарю Тебя! В три часа утра, возвращаясь, мы стояли у Яффских ворот. Двое рабочих и десятеро монахинь. От Стены Плача шли группы возбуждённых иудеев. Их сопровождали охранники с автоматами. Проходя мимо, они плевали в нашу сторону.

29.07. Бродил по старому Иерусалиму. Слушал в сирийском православном монастыре святого Марка древнюю арамейскую речь.

Возвратившись в Горненский монастырь засветло, видел возле своей келии шакала.

30.07. В старой келии моей с полутораметровыми стенами прохладно в самый зной.

В ушах стоит пронзительно высокий стремительно падающий возглас греческого диакона Артемия у Гроба Божия: «То Кириу дэифомэн! (Господу помолимся!)».

31.07. Обшивал рейками стены и настипал половы в столярной мастерской.

От работы ли, от времени немеет левая рука. Уровень воды в Галилейском море упал ниже обычного. В Израиле подняли цену на воду.

02.07. В четыре часа утра выехали в Хайфу на русский участок на престольный праздник в

храм святого пророка Илии. Через Тель-Авив, потом вдоль моря, часа три езды.

Горная гряда Кармил (Божий виноградник) круто обрывается к морскому порту Хайфы. Здесь расположен монастырь когда-то нищенствовавшего ордена кармелитов. Под алтарём расположена небольшая пещера, грот святого пророка Илии.

Литургию на русском участке служили греческий владыка Кириак, наш архимандрит о.Феодосий и арабский священник. В храме преобладали православные арабские семейства.

Потом заехали на Мухраку (Огненное место, араб.), где святой пророк Илия вызвал последовательно огонь и дождь. Потрапезничали на известняковых каррах под каменными палестинскими дубами.

Спустились по горной гряде Кармил к морю, в Кесарию. Расположились искупаться возле полузыпанного белым морским песком римского акведука.

Пошел осмотреться вдоль моря и вдруг увидел на дюнах цветущие белые песчаные лилии. Давно хотел, но в августе?! Тонкая кисейная цветочная ткань. Слава Тебе Боже!

Висящие в ровном потоке морского ветра вороны нехотя приподнимались надо мною.

03.08. В сундук — ловушку — попался большой мангуст, которого мы отпустили. Лови змей.

Всенощная на святую равноапостольную Марию Магдалину.

04.08. В четыре часа утра выехали из Горненского на русский участок Магдал на престольный праздник. В ранних сумерках над Иерусалимом шли быстрые облака.

Проехав Гефсиманию и Масличную гору, начали быстро спускаться в Иорданскую пустыню. Минус 150 метров от уровня моря — безжизненные щебни, арабка гонит по склону стадо коз. Минус 300 метров от уровня моря — над песчаной пустыней красный восходящий кружок.

Матушка Иустина прочла утреннее правило и полуночницу.

— Кто прочтёт акафист Марии Магдалине? — но все молчат, и она приступает.

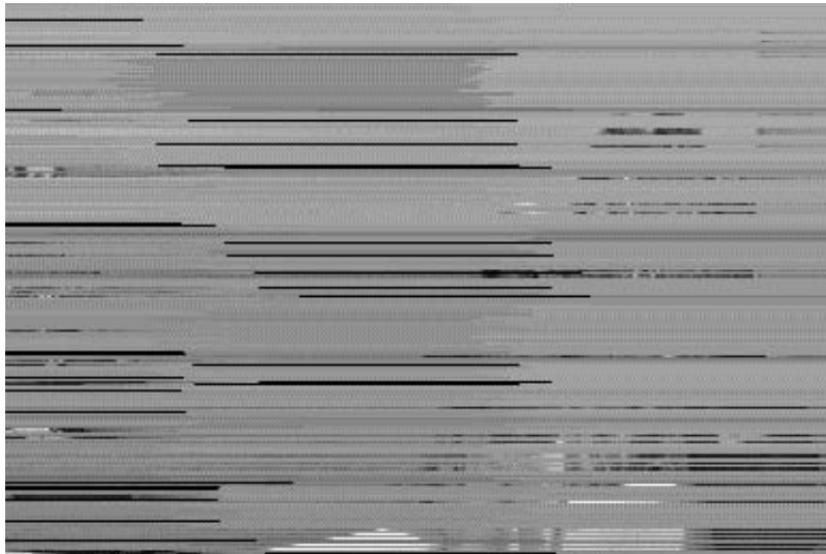
Дорога идёт вверх по Иордану мимо Иерихона. Иудейская пустыня, лиловатые горы — слева, Иорданская пустыня, плантации финиковых пальм — справа. На каждой пальме по 10–20 сесток плодов от ярко-желтых до карминно-красных.

Вид пустынных гор согревает меня, и финики еще не причастны, но придёт и их время.

Дорога поднимается в желтую степь и далее в плодородную Господню Галилею с темно-зелеными плантациями бананов, апельсинов, манго.

На участке небольшой храм святой Марии Магдалины. В прошлом году иудеи подожгли его. Большой цитрусовый сад сдан в аренду израильянину.

Отстояли Литургию, искупались в благодатно прохладном Господнем море, угостились петровской рыбой. Господь Бог продолжает насыщать нас от евангельских рыб.

Приехали на черные базальтовые обломки Капернаума. Современная греческая церковь Двенадцати Апостолов. Манговый сад. В сухую траву упали большие лилово-желтые пахучие плоды. Здесь Он набрал Себе из рыбаков первых апостолов.

Часам к трем дня начинается ветер с этого незабвенного моря, и душа жаждет, пытаясь хоть как-то приблизиться ко Христу на этой дороге.

В Назарете помолились и выпили воды из Благовещенского источника. На площади стоит двухколёсная повозка, в которой растёт маслина.

Возвращались тем же путём по долине Иордана. Розовая в закатном свете лежала за Иорданом Иордания. Пахли манго в пакете. Кто-то поставил кассету с песнями Жанны Бичевской. Так мы и вошли в ночь.

Возвратившись в монастырь и вдохнув запах жасминовых кустов, все умиротворенно вздохнули.

Ночью поехал на Литургию ко Святому Гробу. Исповедался на Голгофе. Причастился у владыки Амвросия, благоволящего к русским. Непосредственно передо мною ко Причастию стоял один молодой человек, но, когда он подошел к Чаше, откуда-то раздался внятный голос: «Зарубежников не причащаем». И он отошел.

05.08. Вечером после трудов шёл молиться на камень и встретил послушницу Наталию. Она сказала, что мало любви.

06.08. Разбирал сухие спиленные кипарисы. Устал, но вечером помылся, съел холодный манго и пошел на камень.

07.08. «Шкурил» и красил двери.

08.08. Шпаклевал стенные шкафы в трапезной.

09.08. Делал гроб.

— Это кому? — спрашивают сестры.

— Кому повезет.

10.08. Праздник иконы Одигитрии. Обошли с нею крестным ходом за два часа границы монастыря. На палящем солнце протоиерей о. Виктор окропил на нас вёдер шесть святой воды. Сестры повеселились.

Схимонахиня матушка Геласия (Смеющаяся, греч.) говорит, что за мирянином ходит один бес, а за схимонахом — сорок.

— Вот ты, Георгий, понимаешь меня, — улыбается она.

11.08. Второй день стоит хамсин.

Вместе с братом Владимиром Докучаевым давим беса раздора и раздражения.

Греческий диакон, армянский и копт последовательно кадят у Святого Гроба, Камня Миропомазания и на Голгофе перед православной Литургией.

Маленькая каменная площадь, 80×80 метров, у храма Гроба Господня, пустынная, блестит, как ледяной каток в полуночи.

На Голгофе уютно, прости меня, Господи! В лампадном лесу на скамейке, в Сердце Мира, начертаны ножичком чьи-то имена. Причастился.

12.08. Воскресение. Долго лежал, иногда прислоняясь плечом к холодной стене келий. Потом поел инжира с деревьев. Маслины не шелохнутся, почти белые в палящем зное.

+ + +

*В райском заброшенном бывшем саду
Лилии снова цветут.
Чёрные лилии в старом саду
Скоро уже отцветут.
Изсхнут и в Божием новом саду
Белым они зацветут.*

Матушка игумения старается никого не отпускать в город из-за участившихся террактов. Это палестинские смертники. Иудеи говорят, что так они получают у Аллаха по 60 девственниц.

13.08. Чистил фуганком доски, делал электропроводку.

Поспели плоды на кактусах, но, как и миндаль, и инжир, нынче их не собирают. Гранаты образовали большие гранёные плоды.

14.08. Делал с Владимиром пристройку к келии послушницы Татианы. Было жарко, за 40°C, дымное от хамсина небо.

За день по крутым дорожкам монастыря находишься до изнеможения.

15.08. Такой же трудный день. «Не даждь места лукавому демону обладати мною насильством смертного сего телесе.» Это точно.

Простучал ночной вертолёт в сторону Вифлеема.

Думаю, что терпение скорбей начинается, когда они нестерпимы.

16.08. Крыли черепицей крышу пристройки.

Патриархом Иерусалимским избран митрополит Ириней родом с острова Самос.

17.08. Клали стену из шлакоблоков.

Приехали паломники из России. Из тридцати человек только трое мужеска пола.

Вокруг Вифлеема стоят танки.

18.08. Бетонировали утечку из канализационного отстойника.

Вечером поехали на Фавор.

Ночная гора в электрическом кольце деревень. У подножия я спросил Владимира:

— Пойдешь пешком на вершину?

— Пойду, — сказала из толпы матушка Иустина.

И мы с ней пошли. Говорят, что по её молитве Господь отвёл огонь от нашего участка Магдал. Сменился ветер, несущий огонь по сухой траве. Ещё пошла послушница Елена, ангельского облика золотошвея.

Около часа мы поднимались по серпантину. В темных полях рассыпаны огни Каны Галилейской и Назарета. Вымокли от пота и высохли на ветру.

Всего было до тысячи человек. Под стенами греческого монастыря стояли машины и палатки. Преображение Господне. Литургию служил владыка Дамаскин.

В огромной толпе и давке причастился Святых Христовых Таин. Но светлая туча в этом году по нашим грехам не пришла.

В четыре часа утра мы сошли с Фавора и поехали обратно. Все спали. Автобус нагревался встающим над Иорданской пустыней солнцем.

19.08. Шёл по Крестному Пути. Там, где Господь Иисус Христос упал во второй раз под тяжестью Креста, продавали зелёную фасоль, кабачки и молодые виноградные листья.

20.08. Поспели, стали коричневыми сладкие стручки на рожковом дереве, царьградские рожки. О них мечтал блудный сын по немоши своей. Ими питался святой Предтеча Господень по силе своей. Каждое семя в стручке весит две десятые части грамма. Они служили мерой веса для драгоценных камней, это и есть карат.

21.08. Русская Миссия заказала Литургию у Гроба Пресвятой Богородицы.

В четыре часа утра выехали из Горненского в Гефсиманию, в подземную церковь Успения Богородицы.

Встающее из-за Елеонской горы солнце освещает замурованные Золотые врата Иерусалима, через которые войдет Господь в страшное Свое Второе Пришествие.

Причастился.

22.08. Сколачивали пристройку из старого стропильного бруса.

Горненский монастырь считается своекоштным: одежда, транспорт, свечи и часть питания — за свой счет. В месяц каждая сестра получает 75 долларов и 50 шекелей.

23.08. Ночью дважды просыпался на волне шакального крика. От усталости ноют мышцы. Куда деваться? И тихое Имя Господне.

Вечером после трудов тупо глянул в эту тетрадь и закрыл. Помолился и лёг до пяти утра.

24.08. Белили и красили с Иисусовой молитвой. Даже краска, упав с высоты, и та не пролилась.

Кактусы налили плоды, а сами иссохли до зелёных жил. Сушь.

В половину двенадцатого ночи поехали к Живоносному Гробу Господню.

25.08. На Голгофе я увидел увеличение объёма до космического пространства, и в центре стоял Животворящий Крест.

Было две Литургии: с полуночи до двух часов на Святом Гробе Господнем, и с двух ночи до четырёх — на Плащанице Божией Матери.

В четыре часа утра крестным ходом понесли Плащаницу по Крестному Пути в Гефсиманию. В теснине улиц стояла ночь со свечами и букетами базилика, а на синем небе белели звёзды. Вот в створе Пути показались елеонские кедры.

До полудня трудился, потом была всенощная.

Елеопомазался и благословился у матушки Георгии поехать ко Святому Гробу.

26.08. В конце Литургии алтарник Пантелеimon милостиво позволил помочь ему в Кувуклии. Так я сподобился прислуживать у Самого Гроба Господня.

Сегодня предпразднство «во Успении Своем нас не оставляющей». Белые лилии возле Её Плащаницы в горненском Казанском храме были изысканно прихотливы и совершенно прекрасны.

— Смиряйся, Георгий, смиряйся, — сказал мне монастырский духовник протоиерей о.Виктор.

Причастился у святого Гроба Всецарицы нашей и Приснодевы в Гефсимании.

27.08. Идет напряженная молитвенная жизнь. В семь утра вновь поехали в Гефсиманию на чин погребения Пресвятой Богородицы. К Её святому Гробу прибыл Патриарх святаго града Иерусалима и всяя Палестины Блаженнейший Ириней. Я подошел и благословился у него. Были семеро из двенадцати (по числу Апостолов) архиереев Святой Земли.

Богородицу отпели и погребли на носилках, увитых базиликом. Каждый норовил сорвать с них цветок себе во гроб.

Днем трудился в Горненском. Делали водопровод схимонахине матушке Севастьяне.

Ночью матушка Рахиль отвезла на Литургию к Святому Гробу Господню.

В трещину скалы под Голгофой, образовавшуюся при распятии Господа Иисуса Христа, установлены механические маяки для регистрации её расширения.

Ночной ветер раскачивает неугасимые лампады над Камнем Миропомазания.

28.08. Вот и окончился Успенский пост. Горизонтально напластованная светлым известняком лежит Иудея, как лежала тогда, при Нем, а не достанешь.

29.08. Облака-туманы до утра лежат на Иерусалиме.

Над Вифлеемской дорогой подолгу висит двойка вертолетов. Война.

Приступили к ремонту игуменского корпуса.

Сменился набор фруктов. Поспели яблоки, груши, виноград.

30.08. Всю ночь гудели вертолеты. Позвонила Нина и сказала, что у Кати плохи дела. Позвонил Кате и потом молился о них и плакал пред Господом.

31.08. Шпаклевали и красили потолки в игуменском корпусе.

01.09. Простучала за окном палка матушки Захарии — это пять утра. Пора. Кипарисы и пальмы в тумане.

Делал противомоскитные сетки на окна.

Ночью поехал к опоре нашей, Живоносному Гробу Господню.

02.09. Первый пасмурный день.

Хорошо уродила маслина. Деревья сгибаются от обилия плодов. Господне дерево.

03.09. Лунная ночь, огни Святаго града. Я везу в гремящей тачке суточный монастырский мусор в контейнер на Хадассу. Слава Тебе Боже!

04.09. Строили «леса» и красили потолки.

Вечером вывез мусор и потом, благословясь, закладывал в мощевики янтарные косточки избиенных Иродом святых Вифлеемских младенцев.

05.09. Ничем не примечательный трудный день. Возможно, один из немногих дней во спасение.

06.09. Из Иерихона с русского участка привезли мешки спелых сухих фиников.

Закончили ремонт игуменского корпуса.

07.09. Резал стекло, выстругивал кипарисовые доски для креста, рвал сестрам спелые гранаты, разбирал упавшую подпорную стену.

Ветки маслин теряются в ночи, и оттого пугающие темнеют одни стволы.

08.09. Очистились дали. Осень. Кажутся близкими далекие белые посёлки на горах, где сидят недвижимо иудеи до третьей звезды.

Выкладывал из камней подпорную стену.

На всенощной стоял, проваливаясь от усталости в сон. Болит нога.

09.09. К полуночи поехал причаститься ко Святому Гробу. Но о.Феофан заболел и не пришёл на Голгофу исповедовать.

В половину четвертого утра возвратился в Горненский и к шести пошел в свою Казанскую церковь. Здесь и причастился благополучно с чувством успокоения.

Днем снова поехал ко Святому Гробу. Над камнем Ангела горело пятнадцать лампад. Помолился в Кувуклии.

У Яффских ворот в Старом городе расположен хостел. Цена за сутки в общем номере 32 шекеля, около 8 долларов.

Прошел по Крестному Пути и сразу за Гефсиманскими воротами поднялся на лысый холм среди мусульманского кладбища.

Белый солнечный свет в долине Кедрона сопадал с её белым камнем. Зеленел Гефсиманский сад. И опять взяла меня жгучая бренная тоска. Прости, Господи!

Вот зазвонили «Честнейшую херувим» в русской «Марии Магдалине». Над храмом первому ченика Стефана, на месте его убийства вяло полощется греческий флаг. Вечерняя тень накрыла могилу Авессалома.

На обратном пути на месте седьмой остановки Господа Иисуса Христа на Крестном Пути купил себе во фруктовой лавке одну пахнущую прошлым гуаву.

И Ангел лица Его спасал их; по любви Своей и благосердию Своему Он искупал их, взял и носил их во все дни древние (Ис. 63, 9).

Ночью вывез мусор, и, глядя на тёмные массы кипарисов с огнями келий, думал: «Моя ли это жизнь?»

10.09. В чистом воздухе появился осенний запах дыма, и бедная плоть жадно ловит его, мол живу и окончаваюсь.

11.09. Праздник Усекновения главы святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. Прогодя над подземным его храмом, я падаю ниц и по нашей ныне пространственной близости прошу помощи.

15.09. Церковное новолетие. Инtronизация Блаженнейшего Патриарха Иринея. Греческие и святогробные флаги в старом Иерусалиме.

Занимался бетонными работами.

16.09. На Литургии у Гроба Божия встретил братию из афонского монастыря Филофей. Благословился у игумена геронты Христодула (Работающий Христу, греч.). Передал через монаха Герасима поклон брату Иоаннику в монастырь Каракал.

— От Георгия, Герасим, не забудь — Иоанникую.

17.09. Вечером наступил иудейский новый 5672 год от сотворения мира. Лежащая ниже монастыря автотрасса Иерусалим — Тель-Авив пустынна. Лай собак в Эйн-Кареме.

18.09. Снимали черепицу, «раскрывали» продуктовый склад.

Помню: классе во втором нас катали 1 мая по реке Протоке. Катер подошел ко крутому берегу, и мы сошли на луг, где цвёл шиповник. Это был Твой прообраз во мне Матушка Богородица.

19.09. Рыл отбойником «конго» щебенистый грунт. Носил песок и щебень.

Вечером ездили в Миссию. Площадь перед красивым легким Троицким собором называется Москва. На ней выходит опутанная колючей проволокой городская тюрьма. В траншее перед собором лежит огромная колонна от Иродова дворца.

20.09. Заливали бетоном цоколь и двор в одной из келий. Руки гудят.

На всенощной елеопомазывал митрополит Саранский и Мордовский владыка Варсонофий.

21.09. Рождество Всецарицы нашей Пресвятой Богородицы. На чтении шестого часа схимице Севастьяне стало плохо, и её срочно причастили.

Причастился Святых Христовых Таин и поехал с мордовскими паломниками в Иудейскую пустынью.

В монастыре Георгия Хозевита всё так же цветёт красная акация. Эта пустынная каменистая местность вокруг с множеством пещер называется Хозев. Поэтому здешних преподобных называют хозевитами.

Пещерная церковь святого пророка Илии. Любил пророк пещеры. А кто не любил?

Вот лежит нетленный в своих старых ботинках преподобный Иоанн Новый Румын.

Монастырь преподобного Герасима Иорданского.

Чуть терпкие дозревающие финики. Знакомый монах Христофор, проходя, пожал руку.

22.09. Носил цемент, песок, щебень и готовил бетон.

Из сухой красной земли пробились и зацвели жёлтые амариллисы: скоро пойдут дожди.

Ночью поехал ко Святому Гробу Христову. Служили три владыки: Тимофей от Святогробного братства, Варсонофий Мордовский и Иоанн Виноградовский. Пели наши горненские сестры.

Из купола падал ангельский пух, и люди подбирали его.

В заключение Литургии помогал алтарнику Пантелеимону. Перенес из Кувуклии в хранилище ковры, подсвечники и Евангелие.

Под утро на Горненский нашло плотное белое облако.

23.09. Справа у входа в Яффские врата Старого города укреплена мезуза — железный тройник, символ иудейской веры. Проходящие иудеи прикладывают к ней ладонь.

Православные румынские монахини у Свято-го Гроба с красивыми надменными лицами, греческие монахини — смиренницы и деятельные русские сестры.

24.09. Снимали с крыши склада старые стропила и обрешётку.

Отец игумен Феофан, спаси его Господи, подарил мощевик с частицей Живоносного Гроба Господня.

Такая милость.

26.09. Ставили конёк на новой большой, 10×50 метров, крыше.

Всенощная на Воздвижение Животворящего Креста Господня, «имже нас спасл еси от работы вражия.»

Сегодня же вечером наступил Судный день иудеев. Передвижение любого транспорта запрещено. Нарушителей забивают камнями.

Послушница Серафима предложила мне сопровождать пеший поход ко Гробу Господню, но матушка игумения не благословила выходить из монастыря.

27.09. С высоты Горненского видно, как неподвижно и молчаливо лежит пред Богом не принявший Его гордый Израиль.

+ + +

*Крестовоздвижение у нас
И Судный день у них.
Лежит притихшая страна
В сознании вины.
Ещё не поздно умирить
Свой норов. Ко Христу!*

*Но Бога ветхого они
Тем яростнее чтут.*

Причастился, потом ходили в пустыньку святого Иоанна Предтечи километрах в шести от Горненского.

На крутом каменистом склоне карстовый источник и грот, где укрывались праведная Елисавета с сыном при избиении Иродом младенцев. Вход завешен цветущим выюнком. В источнике благословляют купаться.

28.09. Ставили стропила.

В трещинах стен растут колючие библейские каперсы.

29.09. Ночью поехали с матушкой игуменией Георгией спасаться ко Святому Гробу.

30.09. Всё у меня здесь есть: келия, стол, настольная лампа.

Миновала жара: ночью +16°, днем +25°С.

01.10. Укрепляли стропила. Рядом монахини счищали железными щётками лишайник со старой черепицы.

02.10. Трудимся на крыше с шести утра до шести вечера, торопимся перед дождями.

03.10. Делали обрешётку стропил под черепицу.

Прошла пора винограда и началось авокадо.

Полнолуние. Утром обильная роса.

04.10. Ночью встретил на лестнице возле храма бегущую женщину, которая зарычала на меня.

Господи помилуй!

05.10. Положили черепицу. Слава Тебе, Боже!
Левая рука онемела наполовину.

Поспели, почернели маслины — скоро сбор урожая. Приснилась маслина со сладкими плодами.

Матушка игуменья просит задержаться. Визу продлили до декабря.

Монахиня Вера спрашивает: «Георгий, раб Божий никуда не гожий, куда идешь?»

07.10. В половине второго ночи владыка Аристарх причастил меня у входа в Кувуклию.

В половине четвёртого утра поехали с матушкой Рахилю в Эйлат на Красное море.

Ехать три с половиной часа. По дороге разговаривали о том, что в основе счастья лежит смирение.

Небо над Моавитскими горами в Иордании порозовело, стали видны в пустыне одиночные акации — ситтим и теревинфовые деревья. Из ситтима был сделан Ковчег Завета.

На море был ветер и зной. Потрапезничали на берегу, выпили красного вина и начали плавать с масками, рассматривая коралловые сады со стадами пестрых рыб и славя Бога. Стая маленьких полосатых рыб напала на меня, пре-больно выкусывая кусочки кожи.

Обратно поехали через горную пустыню Негев. Я не спал вторые сутки. Здесь водил Моисей свой народ сорок лет после египетского пленя. Сейчас на пустынных плато шли учения с боевыми машинами пехоты и установками залпового огня.

09.10. В монастыре Саввы Освященного из родника вытекает воды по количеству насельников. Сейчас не много.

Запах гуавы заполняет мою осеннюю келию.

10.10. Носил камни и черепицу.

— Если бы ты знал, Георгий, — сказала монахиня Евсевия, — как наседает враг, лишь только остановишь молитву. Будем же молиться, чтобы встретиться с тобою в раю.

11.10. Бетонировал отмостки. Сестры начали сбор маслин.

Ночью прочли с братом во Христе Владимиром канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу, канон Пресвятой Богородице, главу Евангелия от Луки, молитвы на сон грядущим и, простившись, разошлись по своим келиям.

13.10. Благоустраивал курятник матушки Христины. На всенощной елеопомазывал митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава.

14.10. На Покров Матушки нашей Пресвятой Богородицы причастился у Святого Гроба Её Сына и Бога.

В половине четвёртого утра или ночи выехали на Красное, Чермное море через пустыню Негев.

Приехали в Эйлат, где встречались царь Соломон и царица Савская. Море +25°C, воздух +35°C. Покров.

15.10. Трудился тяжело: носил песок, цемент, воду, продукты. Боль катается по ноге сверху до низу. Бес выгоняет из монастыря и насыпает душевное похолодание.

16.10. Строили кладовку для дров. Старые монахини предпочитают печное отопление.

Дождя всё нет. Дожди идут на севере, в Галилее.

17.10. С потеплением души приходит понимание своего здесь спасения.

18.10. Когда нет паломников и суety, матушка Христина на дровянной печи во дворе жарит пирожки с яблоками и капустой. Чугунная плита на печи, как и положено, треснувшая.

Не дождавшись пирожков, я уехал в качестве сопровождающего с матушкой Рахилью в Яффу.

Со стороны моря встают кучевые облака. Упало несколько капель дождя.

19.10. Бетонировал трещины в стенах и отмостках трапезной. Каперсы поселяются в трещинах и корнями разрывают камни.

По ночам сквозь сон и молитву ревут вертолёты.

20.10. Ночью был на Божественной Литургии у Святого Гроба Господня, но в такой суете, страсти и тщетном попечении, что, может быть, и не был.

21.10. Заказная Литургия у Гроба Божия на тридцать имен о здравии и тридцать об упокоении стоит сто долларов. Очередь записана на месяцы вперёд.

В приделе скорби Божией Матери под Голгофой обновляется Её икона. Я сам тому свидетель, что из едва видимого за три месяца образ Пречистой Девы стал отчётливым и красочным.

Проходя по Старому городу, хотел зайти во двор мечети Омара, третьей святыни Ислама.

Но стража с автоматами спросила мусульманин ли и не пустила. Мечеть Омара стоит на месте Первого и Второго бывших иудейских храмов и Третьего будущего, когда придёт антихрист.

Помню: году в семьдесят девятом в Таджикистане возвращался ночью из геологического маршрута. От усталости мотало по тропе. И вышел на розовый куст шиповника. Ты всегда ждала меня в моей темноте, Матушка Богородица.

22.10. Чистили забитые пылью и кипарисовой хвоей водосточные трубы и желоба.

23.10. Продолжали чистить трубы и желоба на келиях. Вся дождевая вода с крыш собирается в каменные цистерны для будущего лета.

24.10. И третий день ходили с Владимиром по черепичным крышам Горненского монастыря. Уже все готово к дождям.

Сестры в белых апостольниках на соборе маслин очень живописны.

25.10. Снимал черепицу с крыши ризной, «раскрывал» ризную.

Завтра Иверская.

26.10. Матушка игумения благословила отстоять Литургию. Потом ставили на ризную новые стропила.

Ночи уже холодные и пахнут осенним дымом.

27.10. В семь часов утра на «раскрытую» ризную пролился первый осенний ливень.

Вечером снова ливень, но мы уже спокойно стояли на всенощной: крыша готова.

28.10. Взял освященного масла из лампады над Гробом Господним. Когда-то Марко Поло

носил его монгольскому хану Хубилаю как великую драгоценность.

Утром шорох дождя. У входа в храм послушница Елена-вторая, мило улыбаясь, сказала: «Дождик». Я ответил: «Давно ждали». И она сказала: «Дождались».

Размытая туманно-дождевая даль Иудейских гор.

Ездил с московскими паломниками в Яффу. Купались в порту возле дома Симона-кожевника, у которого жил апостол Петр после воскресения им праведной Тавифы.

Поклонились в грязной неметёной Лидде мощам и гробнице святого великомученика Георгия Победоносца.

29.10. Матушка Евсевия рассказала, что одному рабочему было здесь видение, будто идет он в темноте среди коряг и ям. А на горе — маленький светлый дом. И Голос: ты его построил себе трудами в Горненском монастыре.

30.10. Готовил раствор и бетонировал систему стока воды с ризной.

01.11. Пилил «болгаркой» арматуру, носил стропильный брус, возил на тачке вещи отезжающих паломников.

Становится понятным, что абсолютная свобода для человека есть только в воле Божией.

И так как есть замысел Божий обо мне, то пусть хоть треснет мир, но он совершится тем или иным или заинным образом. Детали, т.е. личная жизнь — вторичны.

02.11. Сегодня была моя заказная Литургия в храме Гроба Господня, на Голгофе. Как только

бес не сталкивал меня с Владимиром перед этой Литургией! Но с Божьей помощью устояли.

Служил владыка Исаихий. Застеклённая лобная скала Голгофа была Престолом. Сердце расступилось.

Днем красили тамбур Казанского храма. Сказали по тысяче Иисусовых молитв.

Под Дмитриевскую родительскую субботу купил и принес на поминальный стол в храм сетку яиц, бутылку оливкового масла и пачку сахара.

03.11. Строили каркас для туалетной комнаты. Вечером, шаркая, брели ко своим келиям Нужно помыться, вывезти мусор, помолиться и часа полтора поспать перед ночной Литургией у Святого Гроба.

Ветер в храме Гроба Господня стал холодным мрамор колонн леденит плечо, певучего диакона Артемия сослали в Газу.

04.11. Вторая Казанская — избавление от нашествия поляков в 1612 году.

В нашем горненском Казанском храме служил греческий святогробный владыка Аристарх. На крестном ходе я нёс по правую руку от него чашу со святой водой и кропило.

У Наташи рак крови. В Хадассе сделали пересадку костного мозга, но идет отторжение. Она всегда улыбается при встрече. Однажды ночью я видел, как она танцевала по дороге к Горненскому монастырю. Потом она мне напишет: «Мы скучаем по Вам!» Спаси её, Господи!

05.11. По ночам бесы начали физически изгнать из монастыря, стоят под дверью, поют, представляясь Ангелами.

06.11. Утром короткий дождь. Зелёная трава — кислица покрыла красную землю.

07.11. Делал бетон, обпиливал деревья.

Матушка Христина жарила пирожки с кислой капустой, и я мимоходом угощался.

08.11. Красил монастырские врата.

Взошли чёрные предтеченские каллы (аронник).

Горненский монастырь внизу граничит с католическим монастырём ордена францисканцев.

09.11. Бетонировал дорожки из трапезной в склад, чтобы в сырую погоду сестрам удобнее ходилось.

+ + +

*Куда идти? — Я сам не знаю.
И как теперь мои дела?
Но целый день по кипарису
Бежит янтарная смола.
И серебристая маслина
Обвисла тяжестью плодов.
И я забыл на этом свете
О приближенны холодов.
Господь привёл меня в такие
Благословенные края,
Где прямо сверху поступает
Безопечительность моя.*

11.11. Отсыпался после ночной Литургии у Святого Гроба.

Пришёл на утреню в монастырский храм, подошёл под благословление к матушке-игумении

Георгии. Она осенила крестом и сказала: «Георгий».

12.11. Делал носилки для торта ко дню рождения матушки-игумений.

13.11. Под руководством матушки Ксении делали ковёр из листьев и цветов от храма до игуменского корпуса.

14.11. Посланец Святейшего — епископ Орехово-Зуевский Алексий — вручил матушке Георгии орден Святого Преподобного Сергия Радонежского.

16.11. Ездили в Лидду на праздник Обновления этого самого храма святого великомученика Георгия Победоносца. Литургию служил Блаженнейший Патриарх Ириней. Приход в основном арабский, шумный. Рядом с храмом свежуют баанов, стоят снопы сахарного тростника.

17.11. Носил песок. День и ночь идет дождь.

18.11. Ездили в окруженный израильскими блок-постами палестинский анклав Иерихон. Близкие к блок-постам дома иссечены пулями.

Это небольшой городок с цитрусовыми и банановыми плантациями. В греческом православном монастыре там есть сикомора, библейская ягодичина с растущими из ствола сладкими плодами. На неё и залез мытарь Закхей, выглядывая Господа Иисуса Христа.

Рядом с базаром расположен большой русский участок с цитрусовым садом и финиковыми пальмами. В углу сада ещё живут зарубежники, которых Я.Арафат выгнал отсюда.

Нас встретила послушница Ника. Благословясь, я ходил по саду и ел, как в раю, апельси-

ны, мандарины и особенно вкусные прохладные грейпфруты.

На западном краю Иерихона расположена Сорокадневная гора и православный греческий монастырь. Здесь Господь Иисус Христос постился сорок дней и был искушаем диаволом. На горе расположен израильский блок-пост, откуда постреливают.

19.11. На полуночнице узнаю сестер в темноте по очертаниям. Это Евдокия, а это Августа.

Разделывал бензопилой кипарисовый кряж, когда позвонили из Миссии и сказали, что завтра я улетаю в Москву. На все, Господи, воля Твоя святая.

20.11. Ночью нашла пыльная мгла и кричали шакалы.

В пять утра выехали в Вифлеем, в счастливый, несчастный, простреленный пулями, окруженный блок-постами, пыльный, белый Господний Вифлеем. Причастился возле Рождественской Звезды и возвратился в Горненский.

Матушка Рахиль отвезла в Бен Гурион, но служба безопасности аэропорта бастует, и вечером я вернулся.

Сестры улыбались и шутили по этому поводу.

+ + +

*Сестры вы мои сестры,
Во Христе вы мои родные,
Горние мои сестры,
С вами буду отныне я*

*Бога молить и плакать:
Да не попустит зверю*

*Ни за какие блага
Вы манить вас за двери.*

*Как бы Господь украсил,
Если бы умолили мы,
Чёрные ваши рясы
Белыми Его лилиями!*

22.11. Прошёлся по иерусалимскому рынку, по Яффской улице до Старого города. Поклонился Святому Гробу Господню. И, когда стоял я у камня Ангела, ко Святому Гробу подошел негр и бросил на Него свою шляпу. Я быстро подошел и сбросил её на пол.

Вечером посидел на своём камне, послушал шакалий вой. Хорошо мне было здесь делать Иисусову молитву, да мало преуспел.

Ночью вновь поехал ко Христову Гробу. Литургия была на Голгофе. Еще раз возжег свечи во Имя Господне в центре Земли.

23.11. Аэропорт Бен Гурион. И не видно больше Горненского монастыря. И ни кто не спешит ко Святому Гробу Христову.

+ + +

*По горам Святого Града
Ночью еду ко Престолу
Живоносного Христова
Гроба. Лучшего не надо.*

*Ничего уже не надо.
Остается только память
Помертвевыми губами
Душу вымолить из ада.*

*На дороге этой камни
До зеркал истёрты. Ветер.*

*«Хорошо на этом свете!» —
Искушает бес лукавый.*

*Отойди. Из Гроба льется
Свет нетварный от Святого
Воскресения Христова,
Что навеки нам дается.*

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не объединится с Ним.

Преподобный Симеон Новый Богослов

Испытано и почти постоянно видится на деле, что ничем, кроме [Иисусовой] молитвы, нельзя утолить всегдашний голод души. Спросите кого угодно из нас, все недовольны своим положением, томятся, многие ищут перемены жизни: пойти бы куда-нибудь. И всё это оттого, что нет внутри нас Источника жизни, Господа Иисуса Христа.

Схимонах Илларион «На горах Кавказа»

Отнюдь не он, не Клеон здесь почил,
И да сотрутся в памяти

те двадцать восемь лет.

Игнатий я, прилежный чтец,
опомнившийся поздно,
И всё же десять месяцев счастливых
В покое прожил я, Христом хранимый.

Константинос Кавафис

Господи, благослови!

По благословлению скитоначальника о. Валериана и своего приходского священника протоиерея о. Алексия Стаднюка 27 марта я приехал в Троицкий скит Свято-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря. Он расположен на пограничной с Абхазией реке Псоу в заброшенном селении Ермоловка.

Ниже скита вдоль реки растянуты проволочные заграждения.

По дороге из Весёлого стоял густой туман. Пограничники показали, где расположен скит.

Двадцать восьмого марта, осмотревшись, увидел, что мы находимся у подошвы гор Дзыхра и Камерин-Тепа, вблизи второй надпойменной террасы р. Псоу.

Холмистые предгорья покрыты коричневым весенним лесом с изумрудными полянами. Камерин-Тепа выше километра ещё покрыта снегом, и всё время источает белый влажный туман.

Схимонах о. Агапит сказал: «Пиши. Кому-то же надо писать».

На бывшей усадьбе, где расположен скит, цветут жёлтые нарциссы и синие гиацинты.

Рука с нетерпением потянулась за пером. Поскорее отобразить эту влажную весеннюю землю с кислыми листочками щавеля и яркой молодой крапивой. Это, конечно, страсть.

Ночью горят редкие огни на горах, на усадьбах с абхазской стороны.

Двадцать девятого марта в шесть часов утра началась служба: правило, полунощница, утреня. Великопостная молитва Ефрема Сирина с 12 метаниями «Боже, очисти мя, грешного».

Белил и красил келию.

В лесах, расположенных к югу, к морю, видны белые пятна цветущих диких черешен.

Приехал начальник погранзаставы и провёрил у всех документы. Потребовал, чтобы я оформил пропуск в погранотряде.

Прошёл по впадающему в Псоу ручью, нарывал черемши. Зашёл в такие перевитые колючими лианами сассапареля дебри, что с трудом вышел.

Вечером открылся розовый альпийский снег на Камерин-Тепе и Ахаге и заснеженный зимний лес. В скиту распускается корявая хурма, и поют дрозды.

Тридцатого марта топил баню, пилил дрова. Смотрел сквозь цветущие груши на облитые снежной глазурью горы.

На всенощной — протяжный валаамский распев. Исповедался о. Дионисию, молодому серъёзному иеромонаху.

Тридцать первого марта в шесть часов утра в сумерках начинают петь птицы, и ровно шумит Псоу.

Литургия на семь человек, причастился Святых и Страшных пречистых бессмертных и животворящих Христовых Таин.

Первого апреля помогал о. Дионисию вычищивать утреню.

Благословили послушание повара. Сварил крапивный суп с перловкой и отварил картофель. Прошлым летом братья заготовили сухофрукты. Сделал компот.

Серо-зелёный денёчек. Вертикальные дымы на холмах. В тонком покрове облаков будто тракторный след.

Второго апреля сделал для братии щи с крапивой и щавелем.

В девятнадцать часов начало вечерней службы. Меркнут высокие горы в окне церкви. Кричит одинокий шакал.

Третьего апреля читал на службе полунощницу. Туманное утро, трава дымчатая от росы. После утрени рвал крапиву для щей в десяти шагах от церкви.

Бесы насылают в пост блудные эротические сны. Господи, помилуй!

Читал вечерню с о. Дионисием.

Четвёртого апреля в начале шестого часа утра мешаются крики совы и петуха.

Начитался на утрене псалмов до головокружения. Как приятно читать их Господу Богу нашему!

Весь день борются солнце с туманом.

Пятого апреля снежные горы проглянули в тумане, изъеденные местами до чёрных скал.

На обеденной трапезе послушник Димитрий бьет земные поклоны за опоздание на полунощницу.

Ошпаренная кипятком крапива для щей так замечательно вкусно пахнет.

Шестого апреля был дождь с грозой.

Делал котлеты из соевого жмыха. Растительное масло только в субботу и воскресенье.

Меж тем лес в предгорьях зазеленел.

Седьмого апреля причастился на Благовещение, в котором дочь Мария искупила мать Еву.

Дождь с туманом, но поют птицы.

Весь день варили и жарил.

Восьмого апреля утром приехали пограничники и задержали меня и трудника с Валаама —

Бориса. Привезли на заставу и составили акт о нарушении пограничного режима. Спрашивали, на какие средства мы существуем:

— На те же, что и вы: Бог даёт.

Отпустили до Пасхи.

Несколько выше нас, в Михельрипше на зелёный лес выпал снег.

Девятого апреля снег выпал на цветущие чешни и в наших предгорьях. Шатко наше существование.

Димитрий продолжает бить поклоны.

Мысли простые: успеть бы приготовить трапезу на семь человек сегодня, и что приготовить завтра? Изредка ненадолго всплывает Иисусова молитва.

Живу в одной келии с послушником Геннадием.

Десятого апреля рвал крапиву, стряхивая снег. Холодно, топим печи. Середина Великого поста.

С ночи сдавило сердце к перемене погоды. В полдень в восходящих потоках закружились орлики. Вечером открылись новые белые горы с лёгким газом на груди. Всё обновляет Господь, и нас обновит.

Однинадцатого апреля на полунощнице уже виден контур Гагринского хребта в светлеющем небе.

Ночным ложем служит старая дверь, в которую упираются кости.

После наплыва блудных и самолюбивых помыслов Господь даёт ощутить их смрадный дым и пепел.

Приготовил вечернюю трапезу, ударил пять раз в колокол и вижу, как возвращаются из виноградника братья с мотыгами на плечах.

Стоишь на вечерней службе усталый, но верный. Каждый вычитывает Богу часть службы.

Впервые встретил такой порядок: на службе и трапезе не произносится ни одного постороннего слова.

Двенадцатого апреля устал, и болит нога.

Тринадцатого апреля подуло с юга и запахло травяной зеленью, и зацвели розовые яблони. Всё в руках Твоих, Господи.

Трудимся от утрени до вечерни, 8—9 часов.

Четырнадцатого апреля пономарил на Литургии. Причастился Святых Христовых Таин. Слушал в лесу кукушку.

К вечеру накатило уныние, спасался Иисусовой молитвой.

Вспомнился Серапиум в аравийских песках. Незаметный вход среди пустыни в огромные подземные галереи, где бесконечно стоят мегалитические саркофаги из чёрного габбро, в которые укладывали рогатых аписов. Жуткая картина.

Пятнадцатого апреля вчерашняя смертная тоска кажется безосновательной. С пониманием читал шестопсалмие на утрене. Потом привычное уже поварское послушание. Слава Тебе, Боже!

Воду берём короткой скважиной из мергелей мацестинской свиты, она же олигоценовая олистострома.

Шестнадцатого апреля солнечные лучи из-за туч охватывают зелёную гору, как милость Господня.

В скиту давно растёт один алый тюльпан, который и расцвёл.

Семнадцатого апреля на вечерней службе было Мариино стояние (Марии Египетской). И пока стояли, у меня сгорели в печи сухари.

У ручья расцвела жожолия. Срывали с о. Дионисием пучки белых восковых цветов с бутонаами и ели.

Восемнадцатого апреля туман накрыл зелёную гору, и не стало её.

Девятнадцатого апреля зарылся носом во влажную кисть сирени, хотя пора привыкать к запаху отхожих мест. Часто забываю, зачем пришёл в монастырь, и начинаю просто жить.

Монахи Приорданского монастыря, как известно из жития преподобной мати Марии Египетской, уходили на время Великого Поста в пустыню с горстью фиников. Хорошо бы и нам достичь той меры, чтобы уходить в горы на сорок дней с котомкой сухарей.

Двадцатого апреля Похвала Пресвятой Богородице. Такой туман, что даже лягушки молчат. Притихла вся тварь перед скорбью Заступницы её.

Сделал картофельный суп, кукурузную кашу и салат из цветов жожолии. Третий сутки туман, плавно переходящий в дождь.

Позвонили из мира, сказали, что ожидается землетрясение. А мы как раз исповедались и скоро причастимся.

Двадцать первого апреля четвёртые сутки туман. Благословили жить одному в келии на краю скита. Капель с деревьев всю ночь аритмично стучит по крыше, вызывая из сна.

Двадцать второго апреля по-прежнему моросит. Хотел одиночества в горах и молитвы? — Вот они. Благодарю Тебя, Господи Боже мой!

.Двадцать третье апреля прошло под тучами. Вечером сказал 800 полных Иисусовых молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». И успокоился, исчезли всякие страхи. Заунывные крики совы дополняют покой.

Двадцать четвёртого апреля вышло солнце из тумана, и тюльпан раскрылся, сколько мог.

Ночью рядом с келией кричит шакал. На его протяжный крик отвечает один, редко два зверя. В это время лучше молиться.

Чем больше молишься, тем меньше желание писать что-либо. Слава Тебе Боже!

Двадцать седьмого апреля малая Пасха, воскресение друга Господня Лазаря от четырёдневной смерти. В том мрачном склепе раздался голос Жизни: «Лазарь, изыди вон!» По Типикону разрешается включение рыбной икры.

Двадцать восьмого апреля вход Господень в Иерусалим. Причастился, и потом бес уловил меня на братском послушании: я вложил столько сердца в приготовление трапезы, что оно заболело и приуныло. Враг использует всякую возможность, чтобы сказать свою ложь: «Ты один, без Бога». Брат Геннадий утешил, напомнив, что после причастия мы всегда проходим

малое подобие Его пути через Гефсиманский сад.

+ + +

*Тебе зелёные долины
И освещённые вершины,
Тебе совиный крик ночей
С молитвой бедною моей.*

Двадцать девятого апреля началась Страстная седмица. Одна трапеза в день: картофель с кислой капустой и чай. Ноет, как и положено, сердце.

Тридцатого апреля поднялась такая трава, что заросла моя тропинка от келии до храма.

Утренний сияющий снег на горах соблазняет душу. А вспомни, окаянная, что говорила ночью!

Первого мая соборовались в шестером: иеромонахи Валериан, Дионисий, послушники Димитрий, Геннадий, Борис и Георгий.

Легко и хорошо стало после соборования. Видно, немало имел я забытых грехов, которые снимает соборование.

Второго мая воспоминание Тайной Вечери. Читал Девятый час.

Иуда разочарован Христом: он хотел часть в этом мире. Так и я, пока хочу её, предаю Христа. Причастился.

Помогал брату Димитрию делать пасху.

Третьего мая строгий пост. Красил яйца луковой шелухой. В 14 часов вынос Плащаницы. Слышны раскаты грома.

Четвёртого мая до трёх часов ночи был чин Погребения Господа нашего Иисуса Христа. Обнесли Плащаницу вокруг храма. В это время я тихо звонил в колокол.

Приготовил последнюю в этот пост трапезу: рисовый суп, каша, чай, по глотку вина. Капитан Володя принёс с заставы свежего хлеба.

Радуга охватила зелёную гору. Трава и деревья ещё одного молодого цвета.

Пятого мая Пасха Господня. До четырёх часов ночи шла служба. Улыбки пришли на лица. Разговелись и спать.

+ + +

*Принял скорби Ангел мой Хранитель.
Полегчало. Сердце отошло.
Что ж ты плачешь, белый небожитель,
Если мне уже не тяжело?*

*Я искал любви у этой жизни
И в начале, и в конце дорог.
Но никто, как ты, мой Богоданный,
Ни за что любить меня не смог.*

*Вот идёт играющей походкой
Князь от мира этого и дня.
Ты один со мною. Помолися:
Он имеет долю у меня.*

Шестого мая — второй день Светлой седмицы, день великомученика Георгия и день моего тезоименитства. Перечитывал книгу иеромонаха Софрония о преподобном старце Силуане, к честной главе которого я имел счастье прикладываться многое месяцев подряд. О его стоянии в сердце пред Господом Иисусом Христом.

До полуночи молился и плакал о своей дерзновости.

Седьмого мая ночью наплывали какие-то сгустки страха. Я видел их приближение и не очень боялся, ограждаемый Господом Святым Духом, но всё-таки они проходили сквозь меня.

Причастился, потом сварил пустой борщ и поджарил рыбу.

Выше двух километров выпал снег, а в долине Псоу — зелёные сливы с голубиное яйцо.

Наши ездили в Ореховку к Фотинии, у которой мироточат иконы, и привезли цветущую ветку фиолетового понтийского рододендрона. Потом она долго стояла в трапезной у лика Богородицы.

Девятого мая, как только молитва начинает освобождаться от помыслов, наваливается сон.

Десятого мая вспомнил, что весною 1989 года Господней милостью был мне показан ад. В середине дня я шёл огородами к Володе Зубареву за утешением с бутылкой водки в кармане. Меня оставила жена. Отчаяние было полным и страшным. Вдруг начал меркнуть свет. Я остановился, чтобы не упасть. Наступила смоляная наполненная отчаянием темнота. Так моя страсть привела меня в ад.

Одннадцатого мая сварил уху и пожарил рыбку. У о. Дионисия на огородике пошли в рост салат, шпинат, укроп, зелёный лук. Нарезал к столу.

Ушли блудные помыслы и пришли помыслы дальних странствий. Бес старается постоянно уловлять.

Двенадцатого мая — нашествие муравьёв. Собирал их горстями и выметал.

Одно недоброе укоризненное слово — и я распадаюсь. Вот и всё моё смирение.

Камерин-Тепа не выходит из тумана. Гагринский хребет образует здесь угол, в который набиваются облака.

Тринадцатого мая ночью вспыхнул мингрельский светляк.

Господне утро с молодыми шоколадными листочками хурмы, с просвечивающей на солнце травой, со спокойствием и тишиной.

После хождения по лесу нужно собирать с себя клещей.

Снег на горах уходит из пихтарника в альпийскую зону. Но и там уже обнажается и быстро высыхает бурая прошлогодняя трава.

Наступает жара. В кудрявых зелёных предгорьях лежат душистые вечерние тени. Блестят новые листья на хурмовых деревьях. И при этом охлаждение и упадок молитвы. Не туда смотришь.

Четырнадцатого мая постепенно укрепляется чувство присутствия Божия. Это решает все проблемы.

Вот ударили двенадцать раз на вечерню.

Пятнадцатого мая сделал гречневый суп.

Началось поношение от братии. Это инструмент Господень. Он не оставляет намерения смирить меня. Но, как старый геологический конь, я иду своим путём.

Шестнадцатого мая убрал в трапезной после обеда и пошёл в лес. Цветёт белый и розовый

шиповник. Тропу впереди переползла большая гадюка. Содрогнулся и пошёл обратно. Везде плохо. Господи, Господи, долог мой путь! В отчаянии твердил Иисусову молитву. Зачем же, Господи, так сладостен воздух на земле утрами и вечерами?!

Семнадцатого мая пахнет древесным дымом: о. Дионисий печёт просфоры. Над горами кое-где посыпает снегом. Возле четвёртого дома цветут пухлые деревенские розы. Я иду по просохшей грунтовке, и ум мой мечется по всей прожитой жизни. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. — только и успеваю сказать.

Восемнадцатого мая лук-порей вырос на человеческом навозе сладкий, как на Афоне.

Приехали восемь послушников и монахов-духовных чад иеросхимонаха старца о. Рафаила (Берестова). Сам батюшка Рафаил, иеромонах о. Кукша и двое схимонахов — о. Иоанн и о. Серафим едут сюда на двух автомашинах через Константинополь. Игумен Валаамского монастыря архимандрит о. Панкратий благословил отцу Рафаилу наш скит. Так я, убогий, вновь встретился с ними по великому Промыслу Божию.

Двадцать первого мая исповедался отцу Рафаилу.

— Георгий, — сказал он, увидев меня, — скучаешь по Афону?

— Нет, батюшка, не скучаю.

— Помни о смерти. — сказал он в конце.

Двадцать второго мая перенесение мощей святителя Николая — Угодника из Мир Ликийских в Бари.

Литургию служил пришедший из Аибги от зубной боли иеромонах о. Тихон. Сослуживал о. Рафаил.

Трудился на винограднике. Жара. Виноградник разбит на второй надпойменной террасе р. Псоу. В молодости я выпил много хорошего вина «Псоу», и теперь возделываю его.

Двадцать четвёртого мая косил траву.

Гора Гамбузка, под которой лежат кости моих дорогих родителей Анастасии и Павла видна в голубом морском тумане.

Двадцать пятого мая ночью молился. Утром с хрустом косил траву до отяжеления сердца.

На всенощной исповедался и попросил батюшку Рафаила стать моим духовным отцом. Он согласился.

Двадцать шестого мая молился с трёх часов до пяти утра. Светлячки погасли. Роса. Потом снилось, что веду женщину по зубчатым обрывам. Душу ли? Она всё срывается, но я держу. Вывел и поцеловал.

Причастился. Потом ходил в лес собирать для чая цветы древовидной бузины, белые пахучие зонтики. Помню на острове Самосе, в Пифагорео дерево бузины в два обхвата.

Батюшка Рафаил и скитоначальник о. Валериан поехали в Москву к архимандриту старцу Кириллу и к протоиерею старцу Николаю на остров Залит в Псковском озере определять устав обители: будет ли в основе трудовое послушание

по 8 часов в день, как раньше, и вычитка или ночное келейное молитвенное бдение? Во втором случае трудовое послушание составит четыре часа в день.

Двадцать седьмого мая молился ночью. Подлунный мир лежал в отблесках Славы Божией. Светились снега на горах, от деревьев падали тени. Молитва шла хорошо, и её слегка, до радости, касалась Благодать.

Днём косил траву. Зной. Позвонила Нина и передала, что в Англии родился мой внук Томас Георг. Благодарю Тебя, Господи!

Двадцать восьмого мая молитва идёт сосредоточенно и не сильно страдает от помыслов. Днём косил траву. Собрал букет душистых ягод земляники.

Ночью перед дождём светлячки искрились, как бенгальский огонь.

Тридцатого мая ходил в лес смотреть липу: ещё не цветёт.

Тридцать первого мая после бдения бесы воскресили в памяти одну женщину. Она сидела за столиком напротив грустная с нежным юным лицом. Но я-то знал, что в юности она имела другое лицо.

Был трапезарем. Нарвал, отварил и поджарил молодых побегов папоротника-орляка. Повар схимонах о. Серафим сделал суп со щавелем, варёный картофель и пирог с розовым вареньем.

Первого июня ночью на западе, над Адлером висел колпак жёлтого света.

Второго июня молился с двух часов ночи до пяти. Прилёг на полчаса, когда запели птицы.

**Забудь себя.
Тебя позвал Господь.
Молись просто.
Не принимай помыслы.
Чисто молиться не можешь.
Часто молиться можешь.
Не отпускай ума из молитвы.
Возвращай ум в молитву.
Заключай ум в слова молитвы.
Низведи ум из головы.
Внимай под горлом.
Отвергай видения.
Не жди даров.
Не бойся беса.**⁺

⁺ Здесь и далее наставления и пояснения Святых Отцев наших: царепророка Давида, апостолов Петра, Павла, Иоанна, Василия Великого, Иоанна Златоустого, Варсонофия Великого, Иоанна-пророка, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сиринина, Ефрема Сиринина, Нила Синайского, Филофея Синайского, Исихия пресвятого Иерусалимского, Симеона нового Богослова, Григория Синаита, Никифора Уединенника, Феолипта Филадельфийского, Никиты Стифата, Симеона Благоговейного, Максима Капсокаливита, Григория Паламы, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Никодима Святогорца, Паисия Величковского, Льва Оптинского, Амвросия Оптинского, Анатolia Оптинского, Феофана Затворника, Игнатья Брянчанинова, Феофана нового Затворника, Силуана Афонского, Иосифа Исихаста, Ефрема Катунакского, Феодосия Карульского, Никодима Карульского, игумена Валаамского Харитона, архиепископа Антония (Голынского-Михайловского) о трезвении и Иисусовой молитве.

Просим благочестивого читателя не забывать, что эти наставления написаны для избравших **монашеский** путь и следовать им необходимо крайне осторожно и с советом духовника.

Четвёртого июня в четыре часа светлеет над горами.

После бдения ездил с иеромонахом о. Кукшой в жаркий голый Адлер за продуктами.

— Не смиренномордие, но смиренному-дрие, — говорю себе.

Пятого июня снова ездил с о. Кукшой в Адлер за деньгами и продуктами. Помогли Нина и Ангелина.

**Считайся прахом.
Целуй Христа.
Вопии на гноище.
Помни о смерти.
Молитва научит.**

Шестого июня была тихая ночь под тучами. Молитва шла легко. За то на утренней вычитке бес помрачил ум в самом, казалось бы, затверженнем: выпали из памяти Символ Веры и 50-й псалом.

Поспел чёрный тутовник. К вечеру нашла белая дождевая кипень с грозою.

**Люби врага своего.
Не приписывай хорошее себе.
Господь делает через тебя.
Делай тихо.
Не рассуждай с помыслом.**

Седьмого июня к пяти часам утра после трёхчасового моления под горлом в груди образовалось ответное стеснение.

Причастился на Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в Ко-манах под Сухуми в 850 году.

**Страхись Господа.
Укоряй себя.
Истончи тело.
Не имей попечений.
Молись ночью.
Не зажигай внешний свет.
Дождись умиления.**

Накопал и намолол корней хрена. Хоть над ними поплакал. Собрал к обеду тутовых ягод.

Восьмого июня перешёл к мысленной молитве под горлом. Медленное неуклонное движение облачного покрова на восходе как бы совпадало с молитвой.

**Увяжи молитву с дыханием.
Стесни грудь.
Исключи речь.
Смотри в грудь.
Напряги спину.
Болезнуй сердцем.
Благодари за скорби.
Познай свою немощь.
Чувствуй Господа.
Потерпи до конца.**

Девятого июня в груди под горлом при внимательной молитве нарастают стеснение и боль. Сплю пять-шесть часов, хватает.

Читал перед Литургией Третий и Шестой часы, причастился.

В отхожем месте развелись черви, и, когда мочишься туда, глядя в их копошение, то всё о себе ясно.

**Благоговей Христовым именем.
Внимай над сердцем.
Найди сердечное место.
Умиление подскажет.
Не верь своему продвижению —
благодать приходит незаметно.
Уповай на Бога.**

Вечером приехали батюшка Рафаил и о. Валериан. В уставе будет келейное бдение. Слава Тебе Боже!

Увидев меня, о. Валериан сказал: «А, вот кто поедет на Валаам».

Десятого июня в три часа ночи благословился у о. Рафаила на ночную молитву. Потом спросил, не благословит ли вводить молитву в сердечное место.

— А сколько времени прошло, как впадал в блудный грех? — сказал он.

— Около года.

— Мало. Не благословляю.

Собрал ведро тутовых ягод, потом натягивали с братом Геннадием проволоку на винограднике.

**Будь в послушании.
Не прилагай сердца к делам.
Не верь себе.
Не надейся на себя.
Уповающие на себя пали.**

Одиннадцатого июня молился с часу до пяти. Созвездие Скорпиона упало на устье Псоу и спряталось от Стрельца, и высоко поднялась Кассиопея.

Неожиданно Господь дал покаянные слёзы.

Работал на винограднике. Зной. Перед глазами пятнистые прохладные снега на Ахаге.

Приехал духовник Валаамского монастыря — благообразный иеромонах о. Геронтий.

Двенадцатого июня ночью грозовые сполохи над Абхазией слепили глаза. Молился сухо с помыслами.

На Литургии творил Иисусову молитву непрестанно. Внимал под горлом, но боль осторожно держала сердце.

Оранжево-алый цветущий гранат под окном сгибается под тяжестью ливня.

Дьявол ранен.

Держись за молитву.

Жди гонений.

Живи в нужде.

Сомкни уста.

Молись непрестанно.

Тринадцатого июня с трепетом причастился на Вознесение Господне.

Послали в Адлер.

— Храни себя, — сказал отец Рафаил, благословляя.

Пятнадцатого июня шёл по лесной дороге из села Примерное в скит. Цветёт ежевика.

После посещения мира весь какой-то рас slabленный. Ночью два часа помолился и упал без сил.

Шестнадцатого июня набрёл в лесу на большую спелую черешню и провёл на ней около часа.

Семнадцатого июня молился с часу ночи до четырёх, засыпая на ходу, и бесам не нужный.

Собирал зверобой, ромашку, подорожник. Нарвал ведро белых сладких слив.

Послушник Сергий, боримый скорбями, принёс из лесу торбу белых грибов и подберёзовиков.

Все много говорят о том, чтобы скрываться от слуг Антихриста в пещерах и дуплах.

**Не мечтай о себе.
Отложи небожественное.
Дьявол обесценивает.
Терпи боль.
Простри к Нему руки.
Переноси голод.
Живи в плаче.**

Восемнадцатого июня до обеда косил траву. Накрапывал дождь на белые выюнки из перламутровых туч. Зацвёл лесной каштан — и пришли дожди.

Батюшка Рафаил намерен строить монастырь возле Солох-Аула над Дагомысом и часто ездит туда на разведку.

Девятнадцатого июня, читая полунощницу после бдения, вниманием стоял в груди.

Утром в солнечном влажном лесу прочли с послушником Сергием акафист Божией Матери и пошли собирать грибы. Набрали по корзине белых, подберёзовиков и лисичек.

**Стирай самость.
Приписывай успех Благодати.
Не давай умалиться.
Предстои Богу.
Молись то устно, то мысленно.
Прилепляйся Господеви.
Не считай достигнутым.
Будь в присутствии Божиим.**

Двадцатого июня бдел с часу до пяти. Перешёл к устной молитве, так как мысленная теряется. На рассвете получил внимание и лёгкую боль в сердце. Не хотелось оставлять. Спасение моё, Господи!

**Привлекай Божию милость.
И мало не мни о себе.
Лишь «Господи помоги!»
Непрестанно тепли.
Без Негоничесоже.
Только Иисус Христом.
И Той сотворит.
Через боль в сердце.
Не примеряй себя.
Живи в свою меру.
Иди средним путём.
Чрезмерное от бесов.
Проснувшись, внимай молитве.
Непрерывно кайся.**

Двадцать первого июня, прочертив полнеба, упала звезда. И мгновенно желание: «Господи, помилуй!».

До обеда косил траву, испытывая приятность в душе и теле.

— Коси с Иисусовой молитвой. Ладно? — сказал батюшка Рафаил. Молился под взмах ко-сы: «Иисусе Христе — помилуй мя!»

Если Господь приведёт меня жаждать в жаркой пустыне, я вспомню здешние сочнопрохладные сливы.

Отпадай от здешнего.

Молитвенная Божия Благодать такая:

**Приходит сама собой.
Никому не отказывает.
Приходит неожиданно.
Отходит по греху.
Приходит ко грешным.
Приходит бесконечно тонко.
Не объяснимо никак.
Отходит неизвестно.**

Двадцать второго июня брата Геннадия, моего сокелейника, увезли на операцию с гнойным процессом в ноге. Господи, помоги!

Три часа молился с ноющей занозой в сердечном месте.

— Кайся, — сказал батюшка Рафаил. — Кайся.

Он маленького роста, всегда спокойный и улыбчивый, с чёрной землёй под ногтями. Ему

семьдесят лет. Его сопровождает двухметровый послушник Димитрий из Оптиной.

Двадцать третьего июня только в половине пятого часа утра в сердечном месте образовалась стойкая заноза, удерживающая внимание.

Причастился на Троицу, и хорошо.

**Не будь красивым.
Ничего не стоишь.
Всё испортил.
Непрестанно плачь.
Собирай скорби.
Радуйся унижению.
Будь мирен.**

Двадцать четвёртого июня молился мало, сухо и холодно. И сразу же змеями поползли по-мыслы. Царю небесный!

**Затворись в сердце.
Не скажи Богу умного.
Истирай врага Именем.**

Только любовь и оправдывает эти записи.

Здесь хорошее место, такая зелёная чаша, ни комаров, ни мух.

**Бесы поддаются.
Страсти затаились.
Падая, восставай.**

Батюшка Рафаил благословил вести записи.

Двадцать шестого июня с трудом поднялся на бдение. Редкие дуновения с тёмных гор доносят запах цветов. Что-то цветёт. Всегда что-то цве-

тёт. Изредка скользнёт летучая мышь. Но сердечное место заныло лишь на утренней вычитке.

**Ангельское дело.
Сокровище безмолвников.
Свет благоухающий.
Райское делание.
Перебирай узлы.**

До обеда трудился на винограднике. Вечером поехали с о. Геронтием в Петербург.

Двадцать седьмого июня в поездном окне пшеничные поля, плавни и синий цикорий на Дону.

**Терпение загробно.
Господь научит.
Принуждай себя.
Иногда сразу.
Иногда долго.**

На станциях носят вишни вёдрами.

**Умри для всех.
Будь странником.
Своего не имеешь.
Всё получил.
Представляйся в гробу.
Умягчай сердце.
Отсекай свою волю.
Не покой тело.
Ты ниже всех.
Пребывай в аде.**

Двадцать восьмого июня берёзы и туманы Подмосковья. За Москвой уже сплошные леса,

сосновые боры, жёлтые песчаные дороги, бедные серые деревни.

**Безмолвие опасно.
Молчание полезней.
Исповедуй помыслы.
Не можешь знать.
Проси страха Божия.
Божие всё добро.
Имя Божие совершаet.**

Вечером приехали в Петербург, попили чая на своем подворье и поехали по Карельскому перешейку в Приозёрск.

Сосны и берёзы высокие и стройные, как пальмы. В двадцать три часа ночи яркое солнце слепит глаза. В Приозёрске остановились на монастырском подворье. Поблагодарили Господа.

Двадцать девятого июня солнечное лёгкое Господне утро. Старое кладбище вокруг храма и сосны.

В десять часов на маленьком монастырском теплоходе «Валаам» отошли на Валаам.

Чёрно-зелёная, как змеевик, пресная вода Ладожского озера пахнет талым снегом. Холодный ветер, пар изо рта. Одел свитер и прижался к тёплой переборке.

В тринадцать часов подошли к Валаамскому архипелагу. Низкие, до 40 метров, кристаллические острова, стёсаные Великим ледником, покрыты сосной и елью. Вошли в Монастырскую бухту. Бирюзовые купола Преображенского храма.

Приложились к раке над мощами преподобных Сергия и Германа Валаамских. Слава Тебе, Боже!

В периптере братских корпусов вокруг Преображенского храма растут старые деревья сирени до полуметра в диаметре. Поселились в келиях XVIII века.

Всенощная на Всех Святых была на Никольском острове в храме святителя Николая Чудотворца. Исповедался отцу игумену архимандриту Панкратию.

Пожилые монахи дремали в углу с чётками в руках, молодые пели на клиросе.

Тридцатого июня шли крестным ходом по лесной дороге в скит Всех Святых на Скитском острове. Было много паломниц. Тихие красивые лица. Был единственный день в году, когда в скит допускают женщин. Снова цвёл шиповник, розовый, валаамский.

Пока не полюбишь, эти острова кажутся бедными и невзрачными. Местная молодёжь пьяно

ругается у причала. Но — десять часов вечера, и — яркие голубые небеса.

Первого июля молился с двух до пяти. Белые ночи. В два часа можно читать при свете вечерней зари. В начале пятого восходящее солнце подпаливает облака, с которыми хорошо сочетаются верхушки елей.

В старом монастырском саду растут яблони, смородина и крыжовник. Чайки расхаживают по дороге.

Днём хотел пойти на монастырское кладбище, но помощник благочинного монах Аверкий сказал, что в монастыре разрешается жить без трудового послушания только один час.

До вечера мыл и чистил солею в Преображенском храме. Трудовое послушание в монастыре занимает семь часов.

— Никаких бдений, — сказал о. Аверкий. — Иначе нам придётся расстаться.

Братии в монастыре 60 человек и 20 трудников. Мирских на островах около 400 человек. Их понемногу выселяют из братских корпусов, покупая квартиры на материке.

Начался Петров пост.

В книге «Душа после смерти» иеромонах о. Серафим (Роуз), исследуя святоотеческую, оккультную и «клиническую» литературу, заключает:

1. Чувство довольства и света сразу после смерти связаны с простым освобождением от тела и не имеют духовного начала.

2. Почти всякое существо, встречаемое душой в первые три дня является бесом.

3. Восхождение к Господу совершается всегда в сопровождении Ангелов, и душа не вольна в своих желаниях.

4. В мытарствах душа проходит небеса и ад и на сороковой день обосновывается в определённом для неё месте до Судного дня.

Второго июля трудился в нижнем храме преподобных Сергия и Германа Валаамских возле раки над их мощами, хранящимися в скале под спудом. Чистил основание и самой раки. Преподобные Серргие и Германе, молите Бога о нас!

**Не празднуй умом.
Читай святых отцев.
Это единственный путь.
Самодействующая сила молитвы.
Аромат Благодати.
Дыши Христом.**

Холодно, топят печи. Ветер с древесным дымом на Земле, на островах.

Мыл от копоти потолок в алтаре храма преподобных Сергия и Германа.

На братском кладбище похоронены: схимонах Серафим († 1860), сподобившийся перед кончиною видеть Господа; послушник Василий († 1871), перешедший за святое послушание залив по взломанному льду; схимонах Григорий († 1371) — бывший король Швеции и Норвегии Эрик VI Магнус; схимонах Михаил († 1854), возблагоухавший из гроба.

Благословился у монастырского духовника о. Геронтия на бдение с двух до пяти часов.

**Гордый отпадает.
Нельзя не плакать.
Слёзы по благодати.
Узок Путь.
Ежедневный крест.
Спасение — в скорбях.**

Четвёртого июля молился ночью на игуменском кладбище. Прямая аллея на кладбище обсажена елями и лиственницами лет двести назад. В лесу ещё цветёт калина. Огромные королевские берёзы.

Начищал подсвечники в храме. Ожидается Патриарх. Мыл полы в алтаре.

**Помощь запаздывает.
Для осознания немощи.
Напечатлевает веру.
В слезах — полнота.
Ночное делание досточестнее.**

Пятого июля молился в сосновом бору. Белой ночью в вековом сосновом бору. Устами просил помилования, а глазами славил. Пятидесятиметровые сосновые колонны. Куда там пальмам! Белый ягель в ногах и можжевельник.

Какие в России у Бога специальные чудесные характерные деревья! Хмурые сумрачные ели, поющие сосны, нежные берёзы, дрожащие осинь.

Большие неповоротливые комары почти не досаждали.

**Радость без причины.
За сомнение отходит.**

**Узнаётся по любви.
Обретай навык.
Смерть у двери.
Возврата не будет.
Переселение навечно.
Умри для мира сейчас.**

Встретил отца Геронтия.

— Нравится? — спросил он. — Поживёшь?

**Сладость сердечная.
Бдение и поклоны.
Без смирения бесполезно.**

Трудился в алтаре Преображенского храма.

Шестого июля молился возле Германова поля. Это большая поляна в лесу, где в начале по-запрошлого века стояла келья святого преподобного Германа Аляскинского, просветителя

Америки. В поле монотонно и неустанно кричал коростель-дергач. Мне бы так молиться.

На кораблике «Кадьяк» (воспоминание о российской Америке) плавали на Предтеченский остров трудиться в Предтеченском скиту. Там пятеро братьев. Поспеваёт сизая жимолость, моя монгольская любимица.

Игумен Дамаскин расставил в XIX веке по всему Валаамскому архипелагу 10 огромных гранитных поклонных крестов с надписью: «Крест-хранитель всея вселенныя».

Туман над Ладогой.

**Проси полноту веры.
Вкусившего не оторвать.
Оставь попечительность.
Положись на Промышление.
Отдай, что просят.**

Седьмого июля после Литургии ходил с послушником Иорданом в Воскресенский скит. Едва доплёлся обратно, пройдя всего лишь 12 километров. Нога не работает.

В красном кирпичном Воскресенском скиту братия не живёт. Здесь глубокая стоянка для круизных теплоходов. Толпы полуоголых туристов, пиво и сигареты. Не знаю, зачем пошли. Бес понёс.

**Не люби своё тело.
Предайся на смерть.
Умные не спасаются.
Не подставляйся диаволу.**

Восьмого июля ночью молился на лесных дорогах. Утром причастился на рождество Предтечи и Крестителя Христова Иоанна.

**Сначала приходят бесы.
Потом сам диавол.
Диавол в виде Ангела.
Диавол через людей.
Кажущееся оставление Богом.
Бог не оставляет.
Бог испытует.
Не ищи воли Божией.
В ней пребываешь.
Область слёз.**

Трудился в Преображенском храме. Он огромен. Палаты. Новая рака с мощами преподобного Антипы Валаамского.

**Не оставляй молитвы.
Любовь восторгаet.
Тело согревается.**

Девятого июля ночью был густой туман, который стекал по пышным блестящим папоротникам.

Днём чистил подсвечники, мыл солею в надвратной церкви первоверховых апостолов Петра и Павла. Скоро их праздник.

Господь держит меня в чёрном теле возле очень больших святынь.

Приехали о. Валериан и батюшка Рафаил.
— Георгий, — сказал, благословив, батюшка, — поедем в Ермоловку.
— Поедем, батюшка, — согласился я.

**Не знаешь часа.
Изыди из истлении.
Запечатлевай крестом.
Невидимый труд.**

Десятого июля молился на Никольском острове, на чёрных береговых габбро-диабазах. Долгая тихая розовая заря над Ладогой. Вне зари постепенно светлеет и без двадцати пять выходит маленькое солнце. Молился плохо, не нужно часто менять места.

В десять часов на белой яхте «Нева» прибыл священноигумен Валаамского монастыря Святейший Патриарх Всея Руси Алексий II.

Отслужили благодарственный молебен у раки над мощами преподобных Сергия и Германа Ва-

лаамских. Благословился у Патриарха. Было плохо и стало хорошо на душе.

Подошёл о. Валериан: «Останешься на полгода в монастыре, поучишься смирению». — «Как скажет батюшка Рафаил».

**Пострадай за Христа.
Земля не вмещает Его.
Сердце вмещает Его.**

В восемнадцать часов началась всенощная. Святейший Патриарх полтора часа помазывал елеем православные лбы.

Ночью ходил на Никольский остров. Солнце опускалось, а тень моя поднималась по можжевеловому кусту. За сорок минут до полуночи солнце зашло, и повисла розовая заря на пять часов, до восхода в этом же месте.

Одиннадцатого июля ночью молился у Германова поля. В тонком слое тумана паслось на поле стадо лосей в семь голов.

**Скрывай от людей.
Денно-нощная молитва.
Не продай за похлёбку.**

Праздник преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, основателей монастыря и апостолов Карелии (XIV век). Святейший причастил Святых Христовых Таин человек триста, среди которых был и я многогрешный.

— Причащается раб Божий Георгий во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь, — сказал Патриарх ясным и сильным голосом.

Северное солнце пригревает, как ранней весной.

**Затишия опасны.
Не доверяй плоти.
Имей униженный вид.
Хранение ума.**

Патриарх уплыл и на всенощной в честь первоверховых апостолов Петра и Павла было только человек 20 братии, человек 20 трудников и 20 богомольных женщин. Елеопомазывал отец Геронтий.

Двенадцатого июля праздник Петра и Павла. Ранняя Литургия. Отпустил ум, и нахлынули помыслы.

**Крайнее внимание.
Мечтания лживы.
Утешение близко.**

Благочинный иеродиакон о. Савватий пода-
рил сотенные дубовые чётки, лёгкое имущество.

**Невозможно без демонов.
Сердечное безмолвие.
Блаженная душа.
И представить не мог.**

Тринадцатого июля услышал далёкий сухой стук в деревянное било. И заспешил из леса на утреню.

**Удобопополненен ко греху.
Единственно молитвою.
Блаженное смирение.
Христово житие.**

**Не усни в смерть.
Возложи на Господа.**

Туристы и паломники идут сплошным потоком, по 10–20 групп в день.

**Мария и Марфа.
Молитвы и дела.
Предпочти Марию.
Помыслы от диавола.
Блуждание ума.
Насилие помыслов.**

Возвышенность, на которой стоит монастырь со Свято-Преображенским собором, называется Фавор.

**Господь создал и воссоздал.
Приставил Ангелов.
Не предавай Его.
Диавол похвалится.**

Сохранились три яблоневых сада: нижний, средний и верхний. Яблоням по 150 лет. От старости они стали бесплодны. Но, когда сады возвратили монастырю, случилось чудо. Яблони зацвели и теперь дают большой урожай.

Здесь работали И. Шишкин, А. Куинджи, Ф. Васильев, Н. Перих. Гостиница вмещала до 1000 гостей.

С 1917 года до 1940 года острова принадлежали Финляндии, и монастырь был за границей. С 1940 до 1986 года монастырь был закрыт.

**Не проси от мира.
Проси не от мира.**

**Будешь услышен.
Радуйся о Господе.**

Четырнадцатого июля, пересекая по мосту заросшую камышом узкую шхеру между озёрами Лещёвым и Сисяярви, видел на серой ночной воде жёлтые кубышки.

**Проси молитв о себе.
Смирение спасает.
Злая моя воля.
Страх разлуки с Богом.
Во всём — Промысел.
Благодари за оскорбление.
Так и должно быть.
Не суди других.
Укоряй себя.
Ты достоин худшего.**

Пятнадцатого июля ждём батюшку Рафаила. Он уехал на Святой остров в скит преподобного Александра Свирского.

**Спроси старца.
Сам не спасёшься.
Проси наставлений.
Верен Бог.**

Д. Менделеев купил здесь в 1861 году короб земляники за три копейки.

Ф. Тютчев был на Валааме в 1850 году с Е. Денисьевой. Это ей через 15 лет:

*«Всё темней, темнее над землёю —
Отлетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?»*

**Душа помнит всё.
Страсти посмертны.
Гложут нагую душу.
Печаль по Богу.
Будь кроток.**

Шестнадцатого июля на рыбачьем судне «Святитель Николай» в 11.30 отошли в Приозёрск — бывший Кексгольм. Бог да помилует нас. Острова, облака, вода.

+ + +

*Там на севере далёком,
На его озерной стыни
Расположена пред Богом
И намолена пустыня.*

*И леса, и камень древний
Валаамских побережий
Белой ночью из последних
Сил она одна и держит.*

*Затыкаются скитами
В мире дыры от истленья,
Охраняется крестами
Предстояние вселенной.*

Со скоростью 8 узлов за 4 часа дошли до Приозёрска, вечером были в Питере на подворье.

Семнадцатого июля был на Литургии в Александро-Невской лавре, потом в Казанском соборе приложился ко драгоценному образу Матушки Богородицы Казанской.

Вечером сходили с послушником Иорданом в Иоанновский женский монастырь на речке Карповке, приложились к раке над мощами свя-

того праведного отца нашего Иоанна Кронштадского.

Восемнадцатого июля монах о.Вассиан сказал, что в Никольском скиту они добавляют к Иисусовой молитве «и мир Твой»: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, и мир Твой».

**Не указывай Господу.
Неотступно молись.**

Вечером прошёлся от Обводного канала до Нарвских ворот. Обычная жизнь: пьют пиво, кого-то ждут.

**Место не спасает.
Не место, а сердце.
Молча вопии.**

Девятнадцатого июля утреннее петербургское благорастворение воздухов, как в Иерусалиме или Каире.

**В немощи совершается.
Постом и молитвой.**

Был на заросшем крапивой Смоленском кладбище. Поклонился святой блаженной Ксении Петербургской.

Двадцатого июля поехали в Адлер. Цветёт розовый кипрей. На станциях продают чернику.

**Равного молитве нет.
Общайся со святыми.
Удаляйся от людей.**

Двадцать первого июля утром были в обвисшем от созревающих яблок Липецке.

— Купите картошек: я так старалась.

**Страстный не видит.
Осудивший тем же падёт.
Лишись настоящего.**

Ближе к Ростову — сизый тёрн на кустах. Полянь и колючий лох посеребрили землю. Носят вёдрами абрикосы.

Двадцать второго июля поезд медленно идёт на Кавказский перевал. Лопухи, бузина, узкоколейная наша юность.

**В каждом нищем — Христос.
Подаёшь Христу.
Не презри Христа.
Храни деньги у Бога.**

Двадцать седьмого июля была всенощная в нашем Троицком скиту в Ермоловке. Исповедался батюшке Рафаилу. Возможно, уйдём в Абхазию.

Двадцать восьмого июля была жёлтая лунная ночь. Голубой межгорный дым. Цикады цедят тишину. Хохочет шакал. Молился плохо. Помыслы легко пробивают молитву и идут параллельно ей.

— Оценка «два», — сказал батюшка Рафаил.

**Уходят по любви.
Родные невзлюбят.
Уходят ради Христа.**

Сделал химический анализ скитской воды:
можно разливать и отправлять в Европу.

В траву упали красные яблоки. По лесу не
пройти: полно спелой ежевики.

Двадцать девятого июля молился с часу до
пяти. Ровно шумит Псоу. С глухим стуком па-
дают яблоки. Воздух прохладен, прян и тих. Ни-
что не мешает молитве, кроме себя самого. Без
двадцати пять прошёл рассветный ветер.

Выполню послушание трапезаря.

Тридцатого июля метеориты огненно расчерт-
чивают небо. Стожары восходят над Гагринским
хребтом.

Христос послушался до смерти.

Верный путь.

Вечером по немощи своей помылся в ручье.

Освободись от воспоминаний.

Не работай чреву.

Не довольствуй тело.

Батюшка Рафаил говорит, что наложение
крестного знамения спасает и очищает от все-
го — от всего.

Принимай бесчестие.

Не противоречь.

Облекись во Христа.

Не прекословь.

Возьми иго послушания.

Скоро преуспеешь.

Днём жарко, душно и потно. Самое лучшее,
ночное время отдано драгоценной молитве.

**Будь беспечален.
Не будь праздным.
Не думай, что есть и пить.
Не оставляй в миру якорь.
Внимай крестной смерти.
Страшен ад.
Только через плач.
Радостетворный плач.**

Первого августа в конце бдения видел, как удивительно просто и красиво наступает Божий день.

Причастился на Обретение мощей преподобного отца нашего Серафима Саровского.

Второго августа падают горячие слова Святых Отцев наших в холодную душу.

**Всегдашнее покаяние.
Умертвие всему миру.
В мире лишь ты да Бог.
Уподобься Христу.
Подражай Христу.
Постигается непостижимо.**

Особенно хорошо понимаешь отеческие писания, когда назначат чтецом за трапезой.

Третьего августа благодарю Тебя, Христе Боге наш, за то, что дал мне время на бдение.

Повстречался в ночной темноте со схимонахом о. Серафимом.

- Ангела Хранителя! — пожелал он.
- Ангела Хранителя! — ответил я.

Он носит на груди благоухающий янтарный обрубок кости неизвестного сербского преподобномуученика.

На той стороне Псоу, в Абхазии, идёт бедная крестьянская жизнь. Изредка, раз-два в день, проедет автомобиль. Поговаривают, что готовится война. Люди спустились к морю. В горах только военные и монахи.

Вымахал под два метра и зацвёл жёлтыми подсолнушками девясила.

Исповедался отцу Рафаилу о хладе душевном.

— В бой! — сказал он. — В бой!

Четвёртого августа причастился на равноапостольную Марию Магдалину, и сразу укрепилась молитва. В храме легче получить внимание в молитве.

Крупные спелые яблоки усыпали землю, в скиту стоит яблочный запах, яблочный год. Сущим на зиму, варим компот, раздаём гостям.

Отвергни учёность.

Умовые люди.

Узнаётся Духом Святым.

Святые среди нас.

Не похожи на святых.

Пятого августа с помощью художественных, как говорят отцы, приёмов удалось удержать внимание. Господи, помоги!

Сверхчувственный дар.

Недвижимый и немысливший ум.

Шестого августа была ночная гроза. Приехал игумен Валаамского монастыря архимандрит о. Панкратий. Всё ждут каких-то перемен.

Или жизнь в Духе.

Или смерть в мире.

Часть братии хочет возвратиться в Грецию, а сам отец Рафаил — в Абхазию, на Келасури, где он отшельничал в 1985—1993 годах.

Только ты не спасёшься.

Стой и плачь.

Не заводи любви.

Будь чужим.

Не имей вещей.

Стирай одежду два раза в год.

Спи на земле.

Седьмого августа шёл дождь. Послушание трапезаря: сделать салаты, компот, подмести пол, накрыть на стол, зажечь лампаду и т.п.

Не ешь досыта.

Действуй из любви.

Не причащайся без слёз.

Как-то о. Виталию рассказали, что видели на пляже абсолютно обнаженную женщину.

— Ну, а серьги-то у неё в ушах были? — спрашивает схиархимандрит о. Виталий.

— Вот только серьги на ней и были.

— Ну, значит, всё-таки не голая, — оправдывает старец.

Не хули женщину.

Хули свою страсть.

Восьмого августа нас всех, шестнадцать человек, причастил о. Панкратий на праздник преподобного Феодосия Кавказского.

Иеромонах о. Кукша и схимонах о. Иоанн уехали в Грецию на Афон, схимонах Варнава — в Крым, послушник Иордан — домой в Болгию.

**Не сослагайся с помыслом.
Не давай сна очам.**

В глубоких галошах брожу ночами по мокрой траве или сижу с чётками на табуретке под старой хурмой.

Девятого августа, как обычно, бдел с часу до пяти. Огненные росчерки молний шли над морем справа налево.

Раз в день вдоль границы по реке пролетает военный вертолёт. Его далёкий стук переносит меня в горы Тянь-Шаня.

**Не надейся на дела.
Надейся на Бога.**

Десятого августа в Адлере нашли повешенным послушника Александра — келейника схимонаха Агапита. На груди была нарисована кровью звезда, на руках нарезаны перевёрнутые кресты, на стенах кровью — три шестёрки, перевёрнутый крест и крестовая масть. Сатана нападает. Господи, помилуй!

**Сатана с Иудой на руках.
Бесы трясут и топочут.
Бесы отъемлют сон.**

Одиннадцатого августа на всенощной читал вторую кафизму и Первый час. Было двенадцать братьев. Знакомо и хорошо пахло ладаном. Надёжный православный мир. Причастился.

Двенадцатого августа тяжело идёт моё умное делание. Только под утро затихает разбой по-мыслов. Батюшка Рафаил уехал на Келасури.

**Неподвижный ум.
Исполнишься радости.
Маргариты умиления.
Полюбишь всех.
Ангелотворная молитва.**

Читаю старца Ефрема Катунакского.

**Ночью возможно.
В дыхании тонком.
В тонком хладе.
За благодатью — печаль.
Сладок Иисус.
Возделывай плач.
Очищающий плач.
Болит голова.
Благодатный плач.
Наступает рай.**

По благословению старца о. Николая с острова Залит отслужили молебен об упокоении души убиенного послушника Александра.

Тринадцатого августа стрелка Млечного пути повернулась на 30°, от Весёлого до Адлера: прошло четыре часа.

Днём пришёл из Молдовки за продуктами трудник брат Владимир Клинов. Имеет медаль

«За боевые заслуги». Прочёл «У Гроба Господня». Говорит: «Пиши дальше». Так вот и пишу. Господи, помилуй!

**Молись за других.
По чёткам — из ада.**

На трапезе редкие сыр, масло, сметана — затовенье на Успенский пост.

**Не проси облегчения.
Проси терпения.
Лишь бы не отпасть.
Сшествуй мне, Господи.**

Вечернее солнце тихо и прозрачно освещает леса на горных склонах и лесные поляны. Всё Тебе ясно, Господи.

Четырнадцатого августа была звенящая цикадами звёздная ночь.

Батюшка Рафаил учит на случай встречи с демоном:

**Не смотри на демона.
Перекрести себя.
Перекрести демона.
Не прекращай молитвы.
Окропи святой водой.
Воскури ладан.**

В углу келии стоит ящик с надписью «Груши. Аргентина».

- В Аргентину, что ли съездить?
- Да зачем?!
- Там узнаешь.
- Господи, помилуй!

Пятнадцатого августа обложной дождь.

Забудь мир.

Будь «уже три года, как умер»

Не корми зверя.

Христом и слезами.

Стой перед Царём.

Благословили поехать в город и сообщить, что ритуальные убийства православных христиан продолжаются.

Позднее нам дали понять, что в курортном Сочи не может быть ни сатанистов, ни серийных убийц. Лишь простые самоубийства.

Шестнадцатого августа я устал быть во власти страстей и плоти. Я хочу быть с Тобой, Господи Иисусе Христе, мой сладчайший Бог!

Восемнадцатого августа возвратился в скит. Всенощная на Преображение Господне. Вновь закричали совы в лесу. Послушник Алексей Мурин перекликается с ними.

Девятнадцатого августа Преображение Господне. Причастился. Освятили виноград.

А в голове неотступно: «Как близко ходит демон!»

Полное нестяжание.

Молитва есть Бог.

Смирение по Благодати.

Световидный ум.

Духодвижная труба.

Одевайся бедно.

Ты хуже беса.

Донашивай старое.

**Кратчайший путь — послушание.
Одним послушанием.
Малая лестница.**

Двадцатого августа в скит приехал наряд милиции и проверил документы.

Собирал с высоких кустов орехи фундук.

**Собери ум в сердце.
Понуждай себя.
Ум неудержим.
Проси Бога удержать.
При жизни — созерцание.
Или по смерти благоухание.**

Двадцать первого августа батюшка Рафаил и о. Валериан уехали в Москву. Скит живёт размеренно: ночное бдение и дневные труды.

**Испытание для венца.
Бесы вещественны.
Не впади в прелесть.
Только слезами и молитвой.**

Двадцать второго августа резные листья инжира по-южному чернели под луной. Над Кавказским хребтом высоко поднималось среди звёзд белое облако — кумулюс.

Днём собирали на зиму орехи фундук.

Как сказал Господь наш Иисус Христос:
Я есть, не бойтесь! (Мф. 14, 27)

**Благодать — в кротости.
Благодать — в ненавидении мира.
Держи ум в сердце.**

Хранение сердца. Делание сердца некрадомое.

Двадцать третьего августа ночью были туманы и густые испарения от земли. Тяжёлый утробный воздух. Субтропики.

**Предочисть ум слезами.
Внезапно обогатишься.
Не отторгай ум от Бога.
Читай псалмы от уныния.
Читай о делании.
Остальное читать излишне.
Тщеславный трудится бесплодно.
Только болезненное делание.**

Днём делал яблочный сок.

На хурме образовались большие зелёные шары, и ветки обвисли.

Последовательность делания такая:

**Молитва словесная.
Умная деятельная.
Пробуждаешься с молитвой.
Умно-сердечная деятельная.
Гонение от бесов и сатаны.
Умно-сердечная самодвижная.
Гонение от людей.
Умно-сердечная чистая.
Зрительная молитва.**

Поздние сумерки. Сквозь звон цикад доносится пение акафиста Божьей Матери: «Радуйся Невесто неневестная...»

**Проси Госпожу Богородицу.
Не скончайся без плода.**

Двадцать четвёртого августа была полнолунная дымчатая ночь.

**Путь для одного.
Двоих не вмещает.
Сего мира печаль — к смерти.
Печаль по Богу — к жизни.
Сначала отречение от мира.
Потом послушание.
Война за смирение.
Не сокровищствуя на земле.**

Наступил чистый прозрачный зовущий день.

+ + +

*Распахнулись счастьем горы,
И любовь синеет в море.
Не ходи, мой брат, туда,
Как в прошедшие годы.*

*И любовь, и счастье это —
Суть обманные приветы.
Нет любви ни у кого,
Кроме Бога одного.*

Вечером приехал один горячий мирянин из Тулы. «Или в бандиты, — говорит, — пойду, или в монахи».

**Сиди в келии.
Келия научит.
В мир подмешан блуд.
За гробом плач бесполезен.
До гроба плач драгоценен.**

Двадцать пятого августа вся братия в болезнях, скорбях и разъездах.

**Чистый ум сапфиров.
Покрой мир любовию.
Обрати очи в сердце.**

Приехал один раб Божий Алексий и предлагає построить в Дивееве храм Пресвятой Богородице высотой один километр. Господи, помилуй!

Двадцать шестого августа красивая опаловая ночь отдана не сну и не тёмной страсти.

**Человеку невозможно.
Богу всё возможно.
Молитва в златых фиалах.
В пустыне прячут любовь.**

Мне страшно, лукавому рабу, что Господь не даст более такого лёгкого времени для молитвы.

**Домостроительство Христово.
Архитектонство Духа.
День–два в молитве.
И уклонение к чувственному.
Спасение есть обожение.
Любы вся покрывает.**

Двадцать седьмого августа молился со слезами, представляя Крестные муки «за ны неблагодарных и злонравных». В это время в скитского кота Мао вселился бес, который прыгал и гремел по крыше навеса прямо надо мной.

**Послушный уже спасся.
Адам не послушал Отца.**

**Христос послушал Отца.
Самочиние опасно.
Молчание перетянет все дела.
Ожидание смерти непрестанное.**

Двадцать восьмого августа на всенощной на Успение Пресвятой Богородицы шакалы подошли и кричали под окнами церкви. Причастился.

**В сердце живёт змея.
Имя изгонит змею.
Раствори молитву с дыханием.
Сойди с дыханием в сердце.
Благодушно безмолвствуй.
Засыпай с Иисусовой молитвой.
Спи пять–шесть часов.
Проснувшись, сойди в сердце.**

Поспел инжир. Блюдо со смоквами стоит на братской трапезе.

**Не оставляй молитвы.
Не давай входа бесам.
Эта бедовая свобода.
Это смертельное рабство.
Нет греха не прощаемого.
Кроме, в котором не каются.
Душа без молитвы смердит.
Молитва без сокрушения
недоношена.
Молитва сочетает с Ангелами.**

Двадцать девятого августа аметистовые выонки открылись в три часа ночи. Молитва шла

сравнительно лучше. Милость Господня со мной.

**Умершвляй тело.
Отдай кровь.
И возьми Дух.
Пребывай на одном месте.
Ешь один раз в сутки.
Бди по ночам.
Война не с плотью.
Война со страстью.**

Кто ежедневно читает акафист Божьей Матери, не преставится внезапно.

**Причисляй себя к последним.
Вмени себя ни во что.
Молитва пойдёт во сне.**

Тридцатого августа была холодная ночь. Бегущая в облаках Луна напомнила чукотские караульные ночи. В белом безмолвии снегов, в сполохах северного сияния там тоже мы видели и рисовали в дембельских альбомах прекрасное надмирное лицо Девы Богородицы.

**Нощенствуй в молитве.
Небольшое рукоделие.
Евангелие, Апостол, Псалтырь.
То помыслы скотские.
То заступление Благодати.
Избегай бесед и встреч.**

Совершенные взывают лишь: «Господи Иисусе Христе!»

**Дело многих лет.
Требует понуждения.
Кто не в борении, тот в прелести.**

Видимость установилась такая, что каждый камень виден на горах и дерево.

Тридцать первого августа под утро стало радостно, когда молитва установилась в груди.

**Понуждай себя до изнеможения.
Наступит благодатное посещение.
Послужи молитве.
Послужи ближнему.**

По-прежнему тружусь трапезарем на пару с поваром схимонахом о. Серафимом (Ковачь). Он — практический делатель Иисусовой молитвы.

**Частость и беспрерывность.
Умиление приходит под конец.**

Ещё, по примеру преподобного Серафима Саровского, творят такую молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй мя».

**Умиление бывает от старания.
Благодать извещает, что от Бога.
В сердце рождается теплота.
Теплота попаляет страсти.
Появляется чистая молитва.
От чистой молитвы — любовь.**

Первого сентября в половине пятого утра зашли шакалы, и им ответили собаки на усадьбах.

**Не ищи, что выше твоей меры.
Будет в своё время.
Преждевременное не полезно.
Знание без делания надмевает.
Получишь извещение о любви.
Не считай себя достойным.**

Причастился Святых Христовых Таин.

На воскресной трапезе были заливной судак,
творог в шоколаде, инжир со сметаной.

**Сатана представляется светом.
Вражий свет гордый.
Божий свет кроткий.
Божия любовь веселит.**

На красной тряпочке сердца Господь Иисус
Христос напишет Свои письмена.

Принёс из леса ветку красных плодов боярышника к Иверскому образу Матушки Богородицы в трапезной. Пропели Ей акафист.

**Божественная сладость
неизречenna.
Рай есть любовь Божия.
Приобрети нелестные слёзы.**

Второе сентября. *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132). Всегда мечтал.

**Бог ощутимей в пустыне.
Лицо делается огненным.
Тело согревается.
Слёзы не оскудевают.**

**Опьянение души.
Одна плоть со Христом.**

Покраснел шиповник, слегка обохрились горные леса. Начали варить на зиму инжирное варенье.

**Преимущество отдаётся молитве.
Прочее — по утомлению в молитве.
Пока не истечется она из сердца.
Тогда одною ею и жить.**

Восьмого сентября приехали из Ганиной Ямы под Свердловском батюшка Рафаил и о. Валериан.

— Ну, что? — спросил о. Валериан. — Решил?

— Дай мне, отче, один месяц, — попросил я.

Десятого сентября я стоял на пароме «Кавказ—Крым». Синяя понтийско-меотидская даль гладила душу.

Бог да помилует нас.

ПИЛИГРИМ

СКИТ

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Тридцатого октября 2002 года после долгой непогоды развиднелось, и снег оказался лежащим на полутора километрах. Ниже — бурые леса.

В Ермоловке поспела хурма. Праздничные, увешанные райскими плодами деревья алеют среди увядающей, меркнущей природы.

Кричат совы, напоминая, что нужно бдеть, и этот крик доставляет радость.

В четвертом часу утра Большой Ковш стоит над горами Кавказа, как некий вопрос.

Пятого ноября переехали в Абхазию.

За Гаграми начались эвкалиптовые рощи. При виде длинных пустынных пляжей и синей морской бескрайности душа тянется к большему.

Сухуми на въезде такой же иссеченный пулями и сгоревший, как девять лет назад.

Шестого ноября ездили со Старцем и о. Памвой в Команы. Пустые расстрелянные деревни.

Над источником-воклюзом св. Василиска склоняется ольха. К ней прибиты киот с иконой Пресвятой Богородицы, подсвечник и кружка на цепи.

В 1972 году Матушка Богородица два часа стояла над этой водой.

В Команах всего один жилой дом. Да при храме живут трое русских послушников с иеромонахом.

Приложились к гробнице вселенского учителя святителя отца нашего Иоанна Златоустого. Сосланный в эти дикие желтые горы он преставился в 407 году.

Монахи нашли на тропах шесть противопехотных мин от войны 1992–1993 годов.

Вечером мололи с братом Вассианом плоды фейхоа на зиму.

Седьмого ноября ночью в Сухуми стоит мертвая тишина. Изредка накатывает петушиный крик или собачий лай.

Восьмого ноября утром четырежды встретил на улицах Сухуми незнакомых монахов. Стекаются.

Зацвел чай.

Шестнадцатого ноября тепло. Поспевают мандарины на пышных черно-зеленых кустах. Живем замкнуто. Бдим.

Читаю «Крины сельные» преподобного отца нашего Паисия Величковского:

Проводи птичие житие.

Здесь живем в гостях.

Сентябрь и октябрь прошли в миру в череде согрешений. Молитвы нет. Все сначала.

**Лучше согрешающий и кающийся,
Чем несогрешающий и возносящийся.**

Семнадцатого ноября ездили со Старцем на Всенощную. Ему и братии благословлено служить в храме Илии-пророка на левом берегу Келасури. На службе было пятеро прихожан.

Здесь довелось узнать о страшной духовной болезни, когда вся семья одержима бесами. Подали записку помолиться об одной такой семье: отец, сын, дочь, сноха — все бесноватые. Они приходят в другую семью и как бы «поедают» её, вынуждая кормить себя и выполнять все желания. Устраивают оргии и приносят в жертву животных. Им не могут отказать. Потому что забыли люди про молитву, про силу Честного и Животворящего Креста Господня, и живут без них.

Восемнадцатого ноября Старец наложил на меня эпитетимию: по сорок земных поклонов сорок дней и запрет Причастия.

Под мандариновыми кустами зацвели мелкие зимние нарциссы. Поздняя осень в Сухуми.

Выполняю послушание повара.

Девятнадцатого ноября собирали и очищали хурму для сушки на зиму.

Вспомни, где твои родители.

Перед смертью

вестник не приходит.

Двадцатого ноября ночью метеоры снуют, как светляки. На восходе яркою фарой светит Венера. Древесный дым из келии Старца оживляет чистый холодный воздух. По всей округе кричат петухи. Кажется, что без разницы, кого слушать, лишь бы не себя.

**Не спи на заре.
На заре твой Ангел предстоит Богу.**

Вечером лепили рыбные пельмени на Собор Архистратига Михаила.

Двадцать первого ноября Старец объявил меня в братии и благословил носить подрясник и скуфию.

Господи мой Триипостасный Боже, настави, вразуми, укрепи и спаси!

Вечером Старец рассказывал, как пустынничал на горах Кавказа. Однажды в пустынь пришли два медведя. Больший из них был очень зол, но старец уговорил его. Снега выпадало по шесть метров.

После чтения акафиста Божией Матери обходим с Иерусалимским образом Ея наши границы, охраняясь на ночь от всякого зла.

Двадцать второго ноября в шесть часов утра начали петь зарянки.

«Кто себя не жалеет, того Бог жалеет». — Как хорошо!

**Приобрести навсегда три слова:
Прости, благослови,
помолись за меня.**

Вчера в Шромах встретили два джипа американской благотворительной организации по разминированию. Разведчики.

**Бесы делают вид, что побеждены.
До гроба бесы не отойдут.
Раб Божий боится только Бога.
Ты в руке Божией.**

Двадцать третьего ноября была тёплая ночь.
Ветром доносило запах цветущей мушмулы.

В начале ноября преставился в сорок девять лет от рака головного мозга здешний пустынно-житель иеромонах о. Паисий. Всю жизнь он носил в горах тяжелые ноши. Отче Паисие, моли Бога о нас!

Двадцать четвертого ноября Венера взошла в легких облаках, как пушистый шарик. Братья уехали на Литургию, меня оставили сторожить и готовить трапезу.

Найди себе место плачевное.

Найди место ненужное людям.

Двадцать пятого ноября ночью перезревшая хурма, сорвавшись, шлётает о землю.

Начинаю бдение в половине четвёртого, за три часа до восхода.

Архимандрит Иерофей (Влахос) советует:

Заключи ум в слова молитвы.

Возгрей чувство

своего недостоинства.

Низведи ум в сердце.

Пролей покаянные слёзы.

Получи непрерывную молитву.

Двадцать седьмого ноября делали с послушником Симоном сдобные пирожки на заговенье. Накрапывал дождь. Жёлтая-жёлтая липа у ограды.

Благодать новоначальных

в слезах.

Благодать преуспевающих

**в ликовании сердца.
Благодать совершенных
в тихом веянии.**

Двадцать восьмого ноября спелые лимоны, свисая вдоль дорожки, постукивают по плечу, и тут же цветут, и пахнут островом Крит.

На сухумском рынке много цыган. Милиция с автоматами.

Много домов в Сухуми пустует и разрушается.

Навалилась блудная брань.

**Девство упраздняет смерть.
В монахе начинается вечность.**

Тридцатого ноября видел из устья реки Кела-сури красно-синий закат над бирюзовым морем. Мы возвращались со службы, и он мелькал за деревьями, маня и отталкивая.

Архимандрит Ефрем Святогорец пишет:

**Благодатная молитва —
не по трудам.
Благодатная молитва —
по благодати.**

Авва Исаак Сирианин говорит:

**Благодать даётся не по готовности.
Благодать даётся,
когда пожелает Бог.**

Заступи меня, Господи, от печали века сего! Я уже стар и горд, и нет во мне надежды спасения.

Сегодня узнал, что умер от сердечного приступа Лёха-печник, мой афонский брат, такой же пьяница, но не маловер. Раб Божий Леонид, моли Бога о мне!

Второго декабря вычерпывали с братом Анастасием дерымо из переполненной ямы.

Продолжается солнечная погода и бдение под звёздами. Зацвели бледные зимние розы.

Зарянки доверчиво садятся в полуметре, мильные птицы.

Архимандрит Ефрем Святогорец продолжает:

**Молитва сама перейдёт в сердце.
Дыхание становится ароматным.**

Четвёртого декабря было Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Мы служили в храме Илии-пророка, окружённом большими эвкалиптами с гладкими, побитыми пулями, стволами. Старец благословил причаститься.

Возвратившись в Сухуми, пожарил на противнях барабулю-султанку.

Старец Паисий Святогорец говорит, что у святых при жизни бывает свечение голов.

**Ни карманов, ни котомки,
ни погоды — святой.**

Пятого декабря по благословению начали сбор мандаринов, опасаясьочных заморозков.

**Отsekший свою волю — уже святой.
Не суди — и спасёшься одним этим.**

Шестого декабря тянем чёрный жемчуг чёток.

**Чем ближе к Богу, тем радостней.
Радость в скорби и поношении.
Чти пустыню, да опустошит тебя.
Усовершенствуй не пустыню, а себя.**

Многие болеют. Грипп. Соборовались.

Седьмого декабря моросит дождь. Архимандрит Софроний из Эссекса напоминает о бесмысленности всякого стяжания на этой земле. Кроме стяжания Духа Святаго.

Под давлением эпидемии приохотился к земных поклонам. Боже, милостив мне буди, падшему!

Святитель Феофан Затворник просит:

**Принимай очернение,
как целительные грязи.**

Меня очернили перед Старцем, и я не стерпел. Готов был уйти. И сейчас временами готов. Хотя куда уж быть чернее?

Девятого декабря продолжается дождь.

В Нагорной проповеди Господь наш Иисус Христос заповедал:

**Не гневайся на брата.
Не смотри
с вожделением на женщину.**

Не клянись никак.

Не противься злу.

Просящему дай.

Люби врага твоего.

Твори милостыню тайно

Молись тайно.

Прощай людям.

**Постись тайно.
Не сокровищтвуй на земле.
Не пекись о еде и одежде.
Не суди других.
Проси милости Господней.**

(Мф. 5, 6, 7)

Ни одной заповеди постоянно не выполняю.
Куда пойду? — В ад.

Однинадцатого декабря ночью шёл мокрый снег. Пахло чем-то забытым. Склонились бамбуки на Сухумской горе.

Приезжала схимонахиня м. Ника — келейница недавно почившего в Бозе старца Николая Гурьянова. До глубокой ночи разговаривали о предвестиях грядущих страшных времён.

Двенадцатого декабря небо очистилось, и под утро ударили мороз.

Отслужили Литургию.

Читаю архимандрита о. Софрония о его богатом мистическом опыте и всё более вижу себя «падоша в тернии».

**Возненавидь себя — и полюбишь.
Бог оставляет,
чтобы ты просил не оставлять.**

Девятнадцатого декабря возвратился в Абхазию, раздав в Сочи книгу «Третьего не дано».

Чувствую себя лучше в разрушенной, выживающей Абхазии, чем в занятом накопительством Сочи.

Птицы выклёывают висящие вдоль дороги гранаты.

**Единственно блаженная практика:
Предаться Христу до конца.
Только при условии «до конца».**

Архангел молитвы Господень Селафиил,
не отойди от меня!

Двадцать первого декабря сварил рассольник,
пожарил капусту с морковью и луком.

**Годами не вспоминай прошлое.
Страсть убивает молитву.
Евангелие понимается
только с плачем.**

Двадцать второго декабря нас причастил Свя-
тых Христовых Тайн абхаз иеромонах о. Иси-
хий.

Архимандрит о. Софроний продолжает в та-
кой последовательности:

**Сильное отвращение к себе.
Неожиданное
благодатное посещение.
Простое забытие мира.**

Ночью начался мокрый снег.

**Сокрушающий кости страх Божий,
Иначе Благодать не вселяется.**

Двадцать третьего декабря всю ночь падал
мокрый снег. Цитрусовые деревья похожи на
стога. Протёртый снегом холодный ночной воз-
дух пахнет чистотой.

**Есть признак,
что молитва услышана:**

Скорбь о том человеке преломляется в радость.

Ходили с о. Галактионом в Сухуми на почту. Постояли на берегу уютной Сухумской бухты, где под зелёными волнами расположены улицы византийского Себастополиса. А ещё раньше, в I веке до Рождества Христова, римлянин Помпей разбил здесь понтийского царя Митридата Евпатора.

Сейчас на разрушенных советских причалах сидят бакланы и чайки. Большое мозаичное панно «Красный революционный всадник» на стене дома послужило мишенью бойцам 1992–1993 годов. Гостиницы для партийной элиты сгорели. Редкие прохожие там, где было кипение курортной жизни. Здесь был всесоюзный бордель, и Господь его закрыл.

Святое Имя Иисуса Христа бытийно.

Иисус Христос —

наш личный персональный Бог.

Сокрушение о грехах

достигает предела.

И ум сам идёт

на соединение с сердцем.

Молитва требует мужества.

Иисусова молитва —

это дар человечеству.

Двадцать четвёртого декабря идёт снег. Сдавило сердце. На погоду ли?

Не пытайся

объяснить Святое Триединство.

Многолетняя молитва трансформирует нас.

Двадцать шестого декабря звёздная морозная ночь. Хрустит снег меж апельсиновых дерев. Ярко горит Сириус в зубах Большого Пса.

Нажарил гороховых котлет с луком и чесноком.

Божественный Павел сказал:

Мы безумны Христа ради.

Мы, как сор для мира.

Святитель Игнатий Ставрпольский говорит, что

Иисусова молитва —

орудие покаяния, а не восторга.

**Она единственный руководитель
ко спасению.**

Двадцать седьмого декабря ночью мороз до -10°C . Такая зима была десять лет назад во время войны. Мандарины висят ледяными хрупкими шарами.

Сделал салат с чайотом и картофелем и пшеничную кашу.

Старец говорит, что гонения начнутся через год. Да будет воля Твоя!

Двадцать девятого декабря ночью оттепель, пахнет талым снегом.

— Да кто ты есть?! — говорит мне Старец. — Посмотри на себя: старый блудник и больше ничего.

— Так и есть.

Причастился на святых Праотец наших.

Съедобны почки, молодые побеги, заболонь берёзы, ивы, клёна, сосны, осины, ели, тополя. Лучше в отваренном виде. В молодых листьях берёзы до 20% белка и 10% жиров.

Съедобны молодые побеги и корни лопуха.

В лесу и в альпийской зоне растёт много борщевика или гераклеума. Молодые побеги и корни его съедобны и содержат до 20% протеина.

Тридцатого декабря ветreno. Ходят, припадают бамбуки на Сухумской горе.

Преподобный Амвросий Оптинский учит молиться за себя и за врага в одной молитве: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных».

Побитые морозом мандарины стали слаше.

**Окаявая себя,
творя Иисусову молитву.**

Тридцать первое декабря, ночь на гражданский Новый год. Нужно сильно молиться в эту ночь за людей.

**Радость молитвы не принимай
и не отвергай.**

В полночь стреляли из автоматов.

Схимонах Агапий-слепец с Валаама пишет, что при самодвижной молитве очищенная память непрестанно занята:

**Своим пред Богом ничтожеством.
Ожиданием смерти и мытарств.
Ожиданием Страшного
Христова пришествия.
Вечными адскими муками.**

**Пречистыми
Христовыми страданьями.
Божественным
о нас домостроительством.
Божиим всеведением
и долготерпением.**

Это и называется Богомыслием. Когда находит страсть, отцы советуют прятаться в раны Христовы.

Второго января 2003 года не можешь плакать, бей поклоны. Отцы по три тысячи земных в день били.

Весь день вдалеке кто-то зовёт Сулико. Ах, Господи, не превратиться бы в соляной столп!

Третьего января как обычно с трёх часов до восьми утра бдение, с восьми до двенадцати по-варское послушание, в девятнадцать часов — акафист Богородице Деве и крестный ход.

Многодневный дождь. Святитель Игнатий пишет, что от нашего падшего духа:

**Плач — единственная
принимаемая жертва
Духом Святым находит страх Божий.
Тонкий страх Божий —
ощущение новое.
От страха Божия
начинают истаивать страсти,
Приходит тишина
и неизъяснимая Любовь.**

Шестого января была тёплая ночь на Рождественский сочельник. Снова зацвели нарциссы. Ветер доносит запах далёкого счастья.

**Придёт действие молитвы
и удержит ум.
Остальное, что будет, узнаешь после.**

Днём жарил кефаль на завтра, к вечеру сварил сочиво.

Седьмого января на Всенощной службе Рождеству Господню во втором часу ночи случилась гроза с громом. Причастились Святых Христовых Таин.

Триста огней показала Божья Мать в горах Абхазии. Столько будет монахов-отшельников.

Исихия (*греч.*) — покой, безмолвие, отрешённость. Исихазм — форма бытия православного монаха, индивидуальный аскетический мистицизм, включающий Иисусову молитву.

Господь уберёг, спас меня. Я с детства хотел отдать сердце женщине. Но Он, Жизнодавец помиловал меня, чтобы я не пришёл к нему пустым.

Сам не привлечёшь Дух: Он находит.

Крещёные в первые века, абхазы не раз отпадали. И сейчас много язычников.

В 1454 году турецкий флот взял Себастополис (Сухуми). Началось турецкое владычество. В 1810 году Абхазия перешла под защиту Российской империи. В 1931 году Абхазия вошла в состав Грузии.

Преподобный Варсонофий Оптинский говорит, что

**В отличие от самых глубоких книг
Евангелие бездонно.**

По методу священной молитвы и внимания преподобного Симеона нового Богослова я отношусь к воюющим во мраке, которые, подъемля труд, всё же лишаются мзды.

Святой Каллист Ангеликуд советует:

Вожделевай злостраданий.

Десятого января зацвела алыча.

Вдоль тропы по р. Келасури издревле живут монахи-отшельники. Сейчас она служит для отхода боевиков из Кодорского ущелья.

**Благодать совершается
только в немощи.**

Одиннадцатого января вспомнил, что в пустующем монастыре Старый Руссик на Святой Горе Афон в январе вдоль Мельничного ручья цветут подснежники.

Отцы сообщают, что раньше, во времена египетских авв, были православные отшельники, питавшиеся только травой и жившие без крови — воски.

Нынешний пустынножитель, кавказский иеромонах о. Паисий, говорил, что питаться только подножным кормом — мечтание новоначальных.

Двенадцатого января в воскресение весь день трудился на кухне. Воскресение для повара —

хлопотный день, и я просил Христа подождать, потом забыл, и Владыка Жизни смиренно ждал, когда я, ничтожный, вспомню о Нём.

Старец Иосиф Исихаст говорит, что

**С концом молитвы
придёт конец мира.**

Старец Порфирий из Аттики говорит:

**Не покоряйся знанию,
и откроется дверь.**

Тринадцатого января идёт дождь. Чернеют виноградные лозы, которым одним даровал Господь Иисус Христос давать сок для претворения в Его кровь.

Старец Иероним с о. Эгина говорит:

Давай милостыню без исследования.

Отварил фасоль и нажарил блинов.

Старец Иоиль из Мессинии говорит, что

**Главный признак монаха —
его безызвестность.**

Четырнадцатого января авва Антоний Великий просит нас ради Бога:

**Алкайте, жаждайте,
наготуйте, бдите и плачьте.**

Вслед за преподобным Иоанном Кассианом Римлянином Старец советует сторониться женщин и епископов.

Пятнадцатого января, чтобы спастись, авва Евпрепий советует молчать, пока не спросят. Всего лишь.

Авва Памво советует носить одежду, которую никто не подобрал, выброшенную из келии на три дня.

Сокровище монаха — добровольная нищета.

Только и делали аввы в Египте, что плели корзины из пальмовых листьев, и спаслись.

Восемнадцатого января готовили на праздничную трапезу рыбные пельмени и рыбные шашлыки.

Девятнадцатого января на Крещение Господне Старец причастил нас. Стало радостно на душе.

Вечером по благословению Старца поехал в Севастополь.

Двадцать первого января в Севастополе исповедались и причастились с Олегом Сусиным Святых и Страшных Христовых Таин.

Двадцать третьего января в Балаклавскую бухту зашла кефаль. На набережной сидело множество рыбаков. Прогуливаясь, смотрели пойманных рыб. С интересом слушал Димитрия Сусина, как на деле варить ячменное пиво и обрезать виноградное звено.

Двадцать пятого января выпил у Людмилы и Сергия Гросс 0,5 коньяка «Херсонес» и наговорил глупостей. Спаси их, Господи, за долготерпение.

Двадцать седьмого января Олегу вырезали опухоль на головном мозге. Господи, помоги!

Тридцатого января перешёл границу с Абхазией над зелёной водой реки Псоу.

На извечный вопрос: «Что делать?», — авва Пимен ответил в IV веке: «Плачь и рыдай».

Тридцать первого января веет тёплый ветер. Ещё одна вариация старой песни:

*Сиреневый туман над нами проплывает,
Над пустынью горит вечерняя звезда,
И знает только Бог, как, страсть одолевая,
Монаху нелегко бывает иногда.*

Первого февраля ночь была по-весеннему тёплой. Кое-как молился. Помилуй, Господи!

Второго февраля на Литургии читал Апостола. Причастился.

Старец крестится, ударяя себя перстами, как будто забивает крестные гвозди.

Малый ангельский образ, монах постригается в отрицание мира и всех яже в мире, в вольную нищету, во умерщвление тела и во всегдашнюю Иисусову молитву.

Великий ангельский образ, схимонах постригается в безвозвратное искалье горного жития, в конечное отрицание мира, в вольную нищету духовную и телесную, в радование о Христе и последование Христу, во всегдашнюю Иисусову молитву.

Четвертого февраля был серый денёчек, какие бывают перед весной.

— Куда идешь ты по мартовским зеленям, отважный генерал Лавр Корнилов, арестовавший святую мученицу царицу Александру?

В Екатеринодар, где тебя убьют и сожгут после Ледяного похода за то, что убьют и сожгут

в Екатеринбурге святых Царственных мучеников.

Пятого февраля братия разъехалась. Я тоже поехал под Новый Афон на горячий источник лечить старые раны.

Иверская святая гора видна издалека. Как легко на ней!

Вдоль дороги редкие первоцветы, но ещё всё сдержанно, не весна. Да я как бы и не жду её. Когда будет, тогда и будет, тогда и хорошо.

Горячая сероводородная вода изливается по скважине с глубины полутора километров. Манеста. Постоял в ней минут десять, погрелся с молитвою.

Шестого февраля был вразумлён, что мировая история от побивания ветхозаветных Пророков до Октябрьской революции и Перестройки есть отражение борьбы иудейского талмудического нацизма с православием, борьбы насмерть, борьбы сатаны с Христом, с православной монархической государственностью.

Под вечер ездили в Команы на источник святого мученика Василиска. Горный склон над ним был в розовых каплях цикламенов, а камни в источнике, под водой, необъяснимо забрызгены запекшейся несмыываемой кровью мученика. Это чудо Господне. Беснующиеся боятся покрытых этой кровью камней.

Седьмого февраля, по слову апостола Павла,

Будь безумным, чтобы быть мудрым.

Высок подвиг юродства Христа ради, выше пустынножительства.

Покровского и Василия Блаженного в Москве собора ключарь о. Иоанн Ковалевский пишет, что подзаконного Христу

Неложного юрода, как Христа гонят.

Если я не могу устоять от видения красивой женщины, то как я устою, когда бесы явятся в образе самого Иисуса Христа? Поклонюсь и пропаду. Не дай Бог!

Имея полную власть над своею плотию, юродивые ходят в женские бани и насмехаются над плотью.

Одннадцатого февраля прошло трёхдневное уныние души. Прости меня, Господи! Нет, не прошло. Господи, помоги!

Тринадцатого февраля Старец благословил поехать со съёмочной группой «Русского дома» в Новый Афон.

С колокольни Симоно-Кананитского монастыря смотрел в голубое искрящееся солнцем море. Вдыхал весенний жизненачальный воздух. (Жизненачален не воздух, а Христос). День был, как сияющие глянцевые лепестки чистяка весеннего.

Шестерёнчатая часовая машина XIX века на колокольне била часы по латунным орудийным гильзам войны 1992-1993 годов.

На паперти Пантелеимоновского собора в трещине цвела фиолетовая фиалка. Осыпались финики с роскошной канарской пальмы.

В монастыре двенадцать человек братии, а было семьсот.

Поклонились мощам святого апостола Симона Кананита, хранящимся в храме под спудом. Святый апостоле Симоне, моли Бога о нас! По дороге в его пещеру, на весеннем известняковом склоне, цвели трёхлепестковые белые подснежники. Женщина в розовой куртке и маленькая девочка собирали цветы.

Портал туннеля издолблен пулями.

И такая нежность ко всему, хоть плачь.

Вечером в десятикратный бинокль хорошо видно запущенный Богом святыющийся гироскоп Юпитера, Ганимеда, Каллисто, Ио и Европы.

Ты знаешь, Боже, что нужно, и мне не уйти.

На корабле в море зажглись огни. Кажется, что там тепло и уютно. Как, впрочем, и на взошедшей звезде Антарес.

В Сухуми заехали в пацху «Царский двор». Абхаз иеромонах о. Исикий накормил нас горячей мамалыгой с копчёным сыром и белым вином.

Пятнадцатого февраля причастился Святых Христовых Таин на Сретение Господа нашего Иисуса Христа.

Пожарил кефаль и сварил уху.

Шестнадцатого февраля старец Паисий Афонский говорит, что

**Животные превзошли нас
в нестяжательности и послушании.
Мирской порядок
для монаха — беспорядок.**

Восемнадцатое февраля, сплошная седмица. Весь пропах на кухне жареным луком и рыбой.

Девятнадцатого февраля сварил щи со свежей капустой и нажарил творожников.

Двадцатого февраля Эля-Елена попросила приехать, и Старец благословил.

Двадцать первого февраля выехал в Симферополь. В Абхазии шёл снег. Медленно падал крупными хлопьями на жёлтую цветущую мимозу.

Двадцать второго февраля в Крыму по колено снега, метёт метель. Зелёные волны слизают снег на феодосийском пляже. Дорога оледенела, но по благословению доехал.

Двадцать третьего февраля получили благословение архиепископа Симферопольского и Крымского владыки Лазаря.

Двадцать чётвёртого февраля были с Олегом на ежедневном акафисте святителю Крымскому исповеднику Луке в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя. Святитель Лука был выдающимся хирургом. Приложились к раке с его мощами. Просили его ходатайства.

Двадцать седьмого февраля из Симферополя хорошо виден в сияющей утренней дымке бедуинский белый шатёр Чатыр-Дага. Тридцать три года назад в это время мы были там с Олегом. Я собирал хворост для костра и рвал подснежники для юной светловолосой вдовы. Спаси нас, Господи!

Второго марта Олега соборовали. Бог милостив!

Четвёртого марта Керченский пролив был забит белым льдом из Азовского моря. На льду сидело два грифа.

Украинский таможенник пропустил беспошлино четыре бутылки «Муската белого Красного Камня».

Шестого марта через таможню «Псоу» из Абхазии в Россию нескончаемым потоком несут на продажу тюки мимозы к 8 марта. Таможня усыпана жёлтой пыльцой.

В предгорьях зацвели кизиловые кусты.

Раба Божия Тамара рассказала по дороге в Сухуми, что нашего Старца нашли младенцем монахи-отшельники и вырастили в своих котомках.

Восьмого марта сварил для братии картофельный суп и нажарил капусты с луком.

Преобладающие деревья на улицах старого Сухуми — старые камфарные лавры времён освоения советских субтропиков.

Девятого марта перед восходом восток неба глубоко просинел. Прощёное воскресение.

Сделал на заговенье рыбный суп, яйца со сметаной и зелёным луком, свеклу с майонезом. Благословили налить по сто граммов вина «Изабелла».

Десятого марта в три часа ночи началась Великопостная служба.

День был дождливый. Дым из трубы сносило на цветущую алычу.

Великое повечерие.

В 2002 году в Москве опубликован перевод с греческого книги неизвестного афонского монаха монастыря Григориат «Трезвенное созерцание»:

Кто отдался всецело Богу,
сам обретает Бога.
Подготовься постом,
злостраданием и смирением.
Преклони голову прямо на грудь.
Найди место в середине груди.
Не двигай гортанью и языком.
Изводи молитву из глубины сердца.
По одной молитве на каждый вдох.
Сдерживай немного дыхание.
Ум находится в месте произнесения.
Место произнесения
начинает согреваться.
Не прекращай молитву.
Начинается боль в груди изнутри.
Продолжай молитву.
Тает, как дым, самопревозношение.
Изливаются тёплые слёзы.

Одиннадцатого марта пересыхает горло при чтении псалмов на ночной Великопостной службе. Вторые сутки без хлеба и воды.

Туман, морось, цветущая алыча застыла.

Часто возвращаюсь мыслями к жизни И. Буниня в Грассе. Что-то тянет туда. Молюсь за него и тех, кто был с ним.

Преподобный Максим Кавсокаливит получил на вершине Афонской горы хлеб из рук Пресвятой Богородицы. Тут же съел его, и в сердце началась самодвижная молитва, которую он просил.

Я не знал об этом, поднимаясь туда в мае 1999 года. Ночевал один в Панагии, в пятистах

метрах от вершины. Ночью бесы, как молотом, стучали в каменную стену, устрашали. Было страшно, молился, но не научился.

**Росток Иисусовой молитвы
поливается слезами.**

Двенадцатого марта подрагивают внутренности при чтении псалмов на ночной Великопостной службе. Трети сутки без хлеба и воды. Причастились запасными Святыми Дарами.

**Крайне понуждай себя к молитве.
Понуждай до острой боли
в груди и слёз.
Пади и плачь, пока не подымет Ангел.**

Отварил картофель и свеклу. Поставил на стол солёные огурцы, капусту и хлеб.

**Благодать покрывает
от дикого зверя блуда.
Благодать воцаряет
внутри сладкий мир.
Благодать открывает
тебе твою немощь.
Благодать определяет
меру пищи и питья.
Вкушай простые блюда.
Благодать
усладит простую пищу и воду.**

Тринадцатого марта приехала м. Ника. Привезла мироточащее изображение своего старца Николая Гурьянова Псковоезерского. Её гонят за старца. Помоги ей, Боже!

**Понуждайся к молитве
до образования в груди раны.
Эта рана будет источником умиления.
Иисус Христос
превосходит всякую сладость.**

Закончили читать на великом повечерии Великий канон преподобного Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?»

Помню на Крите жизнестойкого старика Евангелоса и его лимоновые деревья.

Четырнадцатого марта Старец рассказал, как в 1984 году сухумская милиция провела большую акцию по аресту «лесных людей» — монахов-отшельников. Нашли и сожгли 14 келий по Келасури и Амткелу, арестовали монахов. Во время этих гонений Бог и привёл Старца туда, чтобы начать девятилетнее пустынножительство.

После Причастия весь день чувствовал в теле теплоту и в душе мир.

**Твори Иисусову молитву
подобно цикаде:
Сначала десять раз прерывисто,
согревая сердце.
Потом всё сильней и громче в себе.**

На великом повечерии Иисусова молитва быстро разогревает и уязвляет сердечное место, и доводит до слёз.

Пятнадцатого марта с ночи идёт холодный дождь. Затяжная весна. Крапива едва приподнялась.

Старцу нелегко с нами.

— Ревнуйте по Богу, отцы! — просит он нас. — Ущемляйте плоть.

Хочется, чтобы Господь судил скитаться Христа ради, странствовать.

**Сердце окрашивается
именем Христовым.**

Шестнадцатого марта Торжество Православия. Причастились.

Сварил крапивный суп, нажарил картошки.

Семнадцатого марта под утро вдоль моря пошли на запад бортовые огни утренних рейсов. Потом стали видны набухшие бутоны так долго цветущей алычи.

Сварил фасоль с гречким орехом и аджикой.

**Умная молитва различает помыслы.
Сокрушай демона
сокрушением сердца.
Сокрушай сердце
Иисусовой молитвой.**

Восемнадцатого марта утром иней лёг на ежичные плети.

**Золотое жало Божественного эроса.
Сладчайшая рана Его любви.
Вкусив Благодати, охладеваешь
к предметам века сего.
Умно и непрестанно
молись из сердца до боли.**

Двадцать первого марта, на сорок мучеников, в Севастийском озере мучившихся, как всегда, похолодало, и выпал снег на зелёную траву.

Узнали, что началась война в Ираке. Израиль продолжает ветхозаветную войну с Вавилоном руками американцев.

Двадцать второго марта идёт мокрый снег. Как же холодно было в Севастийском озере мучиться! В мутном небе не видно венцов.

Сварил рассольник и нажарил картошки.

Двадцать третьего марта Господь вразумил на примере старца Николая Псковоезерского (Гуриянова) и владыки Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского чудотворца (Максимовича), что участь святых в миру — быть гонимыми, это нормально.

На закате на землю лёг какой-то пламенный отсвет, который редко бывает, которому давно не найду названия.

Отец Серафим (Роуз) сказал:

Уже позже, чем вы думаете.

Двадцать четвёртого марта ночью после хотя бы сотни земных поклонов доносится слабый аромат ладана. Игрушки демонов.

Сварил крапивный суп и гороховую кашу.

Двадцать шестого марта в половине шестого часа петухи кричат так громко, что выбивают из молитвы.

Отцы говорят, что все попытки построить личное или всеобщее, экуменическое счастье на земле — не от Бога. Царство и счастье Господ-

не не от мира сего и стяжевается только крестными муками.

Старец говорит, что близкое присутствие Божие отзывается в человеке непрерывным плачем.

Двадцать седьмого марта сварил постный борщ и отварил рис. Растительное масло только в субботу и воскресение.

Старец говорит, что, усыпляя человека, бесы иногда начинают дышать с ним в унисон: «Я внезапно перехвачу дыхание, а он продолжает».

Двадцать восьмого марта читал Блаженного Августина (родился в 354 году в Алжире):

**Откуда Ты приходишь,
если я нахожусь в Тебе?
Невместимый ни во что,
как Ты весь входишь во всё?
Вечно действующий
Ты находишься в вечном покое.
В Тебе ничто не проходит
и не умирает.**

Вот, где хранятся мои маршруты, друзья, родные, книги и молитвы — в моей последней любви, в моём Боге.

— Я верую, Господи, но не могу сильнее, чем Ты даешь. Я сказал миру: «Нет». Прошептал. Теперь, Многомилостивый, подави мои страсти. Дай Другую любовь.

Тридцатого марта наступила Крестопоклонная неделя.

Вечером пронёсся короткий, но громкий шакалий вопль.

Второго апреля читал архимандрита Рафаила (Карелина):

**Высшее делание на земле —
Иисусова молитва.
Иисусовой молитвой
единственно мы пленяем Бога.**

Ты, Господи, дважды бил меня в бедро, кото-
рое, по Отцам, есть символ чувственности.
Но сам я не могу измениться, Отче. Подари мне
молитву!

Третьего апреля пасмурно, но уже гудят пчё-
лы на алыче.

Раньше бывало подует фен из Средиземномо-
ря — и тепло. А теперь мы зависим от Русской
равнины. В Москве снег — и у нас холод.

Схиигуменья Мария (Дохторова) еще девуш-
кой-мирянкой ходила в начале прошлого века
по Италии. И влилась в её сердце золотая река
над мощами Николая Чудотворца.

Четвёртого апреля услышал из келии сквозь
дождь, как запели дрозды.

Предваряющая Благодать Божия давно ото-
шла, а новой не снискдал. Живу в тщете.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин го-
ворит, что дух уныния нападает особенно около
полудня и поэтому зовётся бесом полуденным.

Шестого апреля молился ночью в соседней,
разбитой снарядами, усадьбе.

Утром на исповеди Старец благословил по-
ехать в Италию к мощам отца нашего Николая
Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских.
Прочёл ему акафист.

Седьмого апреля Благовещение Пресвятой Богородицы Девы. Причастились.

Однинадцатого апреля творил земные поклоны Господу Иисусу Христу среди всеобщего цветения. В темноте белела груша и тихо благоухали ирисы.

Отцы говорят, что дьявол часто бывает Божьей собакой.

Двенадцатого апреля читал ночью письма и дневники святой государыни императрицы Александры — и потерялся в них. Вышел под утро: тлетворный весенний воздух, кричат лягушки.

— Серое утро, позднее чудесное солнце, — записала она в последний день на этой земле. Наша царица. Идеальная любовь без классического пошлого надрыва.

— Святая царственная мученица Александра, моли Бога о нас!

Тринадцатого апреля на мой вопрос Старец ответил, что я ещё поживу, потому что Господу угодно, чтобы монахи совершенствовались.

На службе и при чтении отеческих книг сердечное место уплотняется и начинает подрагивать, призывая к Иисусовой молитве. Сердечное место расположено вверху сердечной области, на два пальца выше и чуть правее соска.

Хорошо помогает святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Франциский чудотворец. В 1949 году он вывел свою русскую паству, шесть тысяч человек из коммунистического Китая на остров Тубабао и затем в Америку.

Днём ходил в Сухуми. Морской солнечный воздух на берегу не вмещается в грудь. Белые парашюты медуз-крестовиков в зелёной воде. Даже медузы носят крест.

Пятнадцатого апреля Отцы говорят, что

**Ад — последняя милость Господня
гордым.**

Шестнадцатого апреля сварил борщ, отварил и натолок картошки.

Преподобный батюшка Серафим Саровский, «убогий Серахвим» говорит, что для стяжания Духа Святаго нужно торговать:

**Если более даёт молитва и бдение —
бдите и молитесь.**

**Если более даёт милостыня —
милостыню творите.**

Если много даёт пост — поститесь.

Сергей Нилус пишет, как страшно убедился Мотовилов, что

**Бесы не призраки,
а горькая действительность.**

Так глубоко, как Мотовилов, верующий человек неизбежно переходит границу здравого смысла и объявляется сумасшедшим. Вот и шёл он на четвереньках по обледенелому валу, вдоль канавки Царицы Небесной.

Семнадцатого апреля ходил в Сухуми делать зубы. Раз Старец сказал, что поживу, надо сделять.

Постоял на берегу возле развалин византийского Себастополиса, уходящих под воду. На его улицах рыбаки поставили сети.

Неподалеку расположены фундаменты и орнаментные полы православного храма IV века. Пятигранная апсида алтаря. Поклонился до земли стерегущему престол Ангелу. Обломки тонких стеклянных сосудов хрустят под ногами.

Отцы предлагают такую твёрдую последовательность стяжания Духа Святаго:

**Любовь к ближнему возникает
только после любви к Богу.
В любовь к Богу приводит
непрестанное памятование о Боге.**

**Пост, бдение, послушание, молитва,
поклоны нужны только
для памятования о Боге.
Любовь к Богу привлекает
Любовь Божию.
Любовь Божия —
это радость день и ночь.**

Преподобный отец наш Макарий Великий Египетский в IV веке сказал:

**Только имея Духа Святаго, можно
начать уничтожать страсти.
Но находит Дух Святый
после долгих лет терпения скорбей.
Иные же получают Его, как только
попросят с верой, без трудов,
по непостижимому промыслу Его.
Иной же ради Бога**

**распял себя и сделался странником,
а Духа не обрёл.**

Горе последнему, но, может, в конце он получит немного доброй земли и сотворит плод.

Восемнадцатого апреля сварил крапивный суп и отварил фасоль с орехом и травой.

Перстного меня радует и привлекает, что в Раю растут неведомые деревья с чудесными плодами. Если Господь на земле насадил такие деревья, как манго, аннона и дуриан, то что же будет там?!

Девятнадцатого апреля была Всенощная на Вход Господень в Иерусалим. Пальм поблизости нет, освятили ветки лавра. Читал паремии и канон.

— Нет во мне любви, Господи. Совсем обнищал и омерзел.

Двадцатого апреля на бдении положил пятьсот земных поклонов, и сердце немного оттаяло. Причастились на Вход Господень.

Сварил рыбный суп из консервов и картофельное пюре. С Камчатки привезли вяленую рыбу.

В Сухуми на старых домах появился лёгкий сиреневый дымок цветущей глицинии.

В Абхазии негласно отдан приказ на высоком уровне: монахов не трогать.

Двадцать второго апреля причастились Святых Христовых Таин в Страстную среду.

Вспомнил, как в 1997 году видел беса. Я немного помогал тогда отцу Алексию (Стаднюку) — нынешнему благочинному Сочинского

округа строить храм Святой Троицы в Адлере. Солнечным утром я шёл из администрации района в храм. В руках была сумка с храмовой документацией. На другой стороне улицы из ниоткуда появилась большая чёрная собака и пошла через дорогу ко мне. Молча вцепилась зубами в сумку, прокусила её, зарычала и ушла.

Жёлтые восковые свечи на соборовании пахнут дивно сладко.

Пчёлы гудят на сливе, и зеленеет бузина, и слава Богу!

Всегда внезапное явление нам Господа Бога преподобный Иоанн Дамаскин называет «прыжок Божий».

Поздно, уже в сумерках на сливу прилетел шмель и долго, упиваясь, гудел.

Двадцать четвёртого апреля Страстной четверг, воспоминание о Тайной Вечери. Причастились этой Вечери.

Двенадцать раз с горящими свечами читали Евангелие о страстях Господних. Потом рисовали пламенем этих свечей кресты в келиях для защиты от бесов.

Двадцать пятого апреля сделал творожно-сливочную пасху с изюмом.

В два часа ночи был вынос Плащаницы, погребение Господа нашего Иисуса Христа.

Двадцать шестого апреля утром природа плачет. Розовые яблони в дожде. На фиолетовых ирисах аметистовые слёзы. Воскресни, Господи!

Освятили пасху, яйца и куличи.

Двадцать седьмого апреля в полночь Христос воскресе. И начались солнечные дни.

Тридцатого апреля сварил уху из пеленгаса, нажарил картошки, сделал салат из зелёного лука со сметаной.

Долгий бледный розовый закат с эвкалиптами на горизонте. Летучие мыши.

Третьего мая, взяв бамбуковые посохи, чтобы отбиваться от собак, пошли с братом Вассианом на Сухумскую гору.

В разрушенных войною домах уже выросли деревья.

Говорили о том, что Господь незаметно ведёт над нами Свою спасительную работу.

На вершине горы старик пас коров, и открывалось море.

ИТАЛИЯ

Четвертого мая причастился Святых Христовых Таин, благословился, простился с братией и отправился в странствие.

Адлер был чудесный: тихий, цветущий и тёплый. Глициния осиренила целые деревья. Стрижи звеньями прошивали небо. Милость Господня явственно была ещё с этой землёй.

Четырнадцатого мая вдоль железной дороги — зелёные всхолмия Воронежской земли. Здесь родилась моя мама в селе Талы.

Километрами цветёт сирень, как в старой усадьбе. Хороша русская Земля!

Пятнадцатого мая в Рязани ещё полупрозрачен берёзовый лес, цветёт черёмуха.

Одиннадцатого июня по милости хозяина Москвы святого князя Даниила Московского чудотворца поселился в Свято-Даниловом мо-

настыре. Здесь был похоронен Н. Гоголь, любивший жить в Италии.

Предыдущие полумесячные старания получить итальянскую визу не удались.

Двенадцатого июня за два дня с Божией помощью получил французскую визу.

Утром был на молебне святому преподобному князю Даниилу у раки с его мощами.

Вечером гулял по Данилову монастырю. Зацветают пионы возле памятного по Иерусалиму Отдела Внешних Церковных Сношений. Возле Патриаршей резиденции цветёт чубушник. Лето Господне!

Тринадцатого июня причастился Святых Христовых Таин в храме Святых Отцев Семи Вселенских Соборов.

В ночь пошли с рабом Божиим Андреем-воином к левой стопе святого апостола Андрея Первозванного. Стояли в очереди до четырёх часов утра.

— Убьют нашего, — говорит Андрей, — и я ложусь в засаду под его крест, пока не завалю «чеха».

Пятнадцатого июня, на Святую Троицу автобусом выехал в Неаполь. Господи благослови!

Леса. Вдоль дороги стоят на продажу вёдра с белыми грибами.

В Польше вдоль трассы горят рекламы ночных клубов.

Шестнадцатого июня праздник Святого Духа.

Вечером переехали польско-немецкую границу по Одеру. Те же ивы у реки и тополя.

Васильки в пшенице. Горчичные поля. Немцы любят горчицу.

От Франкфурта до Лейпцига — поля ветряных двигателей. Медленно вращаются гигантские трёхлопастные винты. Скучная равнина.

От Лейпцига до Нюрнберга переехали невысокий, до километра, Тюригенский горный еловый лес и холмистые поля. Городки с коричневыми островерхими крышами в долинах.

Ближе к Мюнхену пошли поля жёлтого ячменя и плантации хмеля на высоких шпалерах. Всё для пива.

Семнадцатого июня проснулся ночью в Италии возле известной нам Вероны. Молния вы свечивала контуры Бергамских Альп.

Документы после немецкой границы не проверяют.

Далее в Милан ехали по Паданской равнине, сопровождая ливень с грозой.

В семь часов утра приехали в Милан. Пыльная площадь. Молодую москвичку встретили итальянский муж и свекор.

Дорога в Болонью по Паданской равнине: высокая кукуруза, акации и тополя.

По дороге во Флоренцию переехали Тоскано-Эмилианские Апеннины. Лесистые, покрытые цветущим настоящим каштаном горы. Дороги на виадуках.

В сложенной из серого камня тесной старой Флоренции цвели липы. Было жарко в чёрном подряснике. Не хотелось думать, как действовать дальше. Николай Чудотворец управит.

Небо в Италии не синее нашего.

Проехали виноградные провинции Тоскану и Умбрию, где делают красное вино кьянти.

По зелёной долине Тибра с замками и монастырями на холмах приблизились к Риму. Опять попали в ливень. Розовые мальвы на обочине помнят меня. Контуры пиний.

Из терминала на холме Тибуртино в восемнадцать часов выехали в Неаполь.

Начал учить итальянский язык: «Сколько стоит?» и «Какой номер автобуса идёт в ... ?»

Абруцкие Апеннины — мои любимые известняковые горы с жёлтой сухой травой.

В двадцать часов показался огромный одиночко стоящий вулканический массив Везувия и Соммы.

Вышел в Неаполе на площади Гарибальди. Автобус в Бари будет завтра. Намеревался пересидеть ночь на вокзале.

В 23.59 отошёл экспресс на Сиракузы, вокзал закрылся до 4 часов утра, и я оказался среди бомжей. Часов до трёх они гужевались. Потом все заснули на газетах и картонках, а над нами кричали неаполитанские чайки.

Третью ночь сплю сидя, ступни опухли и не влезят в обувь.

Восемнадцатого июня в 13.30, слава Богу, выехал в Бари через невысокие Кампанские Апеннины. Билет стоит 19 евро.

Кампания очень ухожена. Пшеничные поля повсюду, даже на крутых склонах.

Низменная приморская Апулия покрыта плантациями олив. Всё огорожено. Негде поставить палатку. Всё меньшее пилигриму дороги.

Загоняют в организованные экскурсии. Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

В 16.30 приехал в центр провинции Апулия — город Бари. Нашёл русскую православную церковь недалеко от вокзала. Священник о. Владимир Кучумов сказал, что завтра будет служить заказную Литургию на мощах святителя Николая Чудотворца.

Раньше, при нашем святом царе Николае II, был здесь большой странноприимный дом. Сейчас он продан итальянскому правительству.

Поселился в кемпинге «Святой Георгий» за городом у моря. Палатка своя, но всё равно берут по 8 евро в сутки.

Искупался в тёплом Адриатическом море. Благодарю тебя, отче Николае, добрый сопроводитель!

Девятнадцатого июня прочёл последование ко Святому Причащению на берегу моря и пришёл в католическую базилику Сан-Никола, где с XI века хранятся в подземной часовне-крипте мощи Николая Угодника Чудотворца.

Трёхнефная базилика построена в тяжеловесном романском стиле. Более не скажу. Мраморный престол в крипте расположен над ракой с мощами.

Прижавшись к раке головой, благодарил Великого Угодника и снова просил. Господи, помилуй!

Пока две монахини из ОВЦС, Сергия и Параскева читали Часы, прочёл свой синодик и подал записки на заказную обедню.

Служил о. Владимир, красиво пела его жена матушка Наталия.

Старался удерживать внимание, но всё-таки заметил, что колонны во всех таких святых храмах сделаны из мраморной брекчии, то есть порода была сначала раздроблена землетрясением, а потом залечена, сцементирована, и вторая держит крепче первой. Так и мы у Бога.

В храме над криптой, над нами, шли католические венчания, играл орган, хлопали в ладощи, а мы благоговейно, негромко молились Богу над мощами Еgo Угодника.

— Ирини паси! (Мир всем, греч.) — возглашал о. Владимир.

— Ке то пневмати су. (И духови твоему.)

После Причастия мне благословили прочесть благодарственные молитвы.

Постояв на набережной, пошёл в меркату (на рынок, итал.). Купил помидоров, огурцов и лука по 1 евро за килограмм. Это здесь считается дёшево. Купил оливкового масла.

Двадцатого июня на море шторм. Теплоходы идут в Венецию.

Купил литр красного сухого вина, тоже за 1 евро. Хлеб ещё из Москвы, чёрный.

Меньше, чем за 15 евро в час, здесь не работают. Помоги им Господи!

Двадцать первого июня поехал в крипту к батюшке Николаю Чудотворцу, сидел там в прохладе и молился. Вместо стёкол в крипте — большие цельные пластины медового оникса.

Вышел на улицу в слепящий до боли свет. Куда идти?

Вечером пошёл ко Всенощной в русскую церковь. Двое молодых итальянцев, он и она, трогательно, не дыша, стояли перед Богом.

Двадцать второго июня солнечным утром помолился на берегу и поехал в Бари на Литургию. В море — рыбачьи лодки.

Исповедался и причастился.

Почему-то думал, что переломится здесь моя жизнь. Не переломилась.

Вечером в кемпинг приехал на автомобилях цыганский табор.

Двадцать третьего июня ранним утром подышал на берегу азиатским воздухом, поблагодарил батюшку Николая Чудотворца, прочёл утренние молитвы и поехал на другую сторону Италии, в Помпеи.

Апулия — серебристая от олив, Кампания — жёлтая от соломы.

Из Неаполя с площади Гарибальди по Циркумвезувианской железной дороге, обходящей вокруг вулкана Везувия (последнее извержение в 1944 году), доехал до Помпей. Остановился в кемпинге у самых раскопок за 7 евро в сутки.

Начался Петров пост. Трачу на продукты в сутки 3—4 евро: помидоры, лук, оливковое масло, чай, сахар, хлеб.

Прошёлся вечером по раскопанным Помпейм. Основательный был город из туфа и мрамора, с харчевнями и театрами, с гладиаторскими боями и публичными домами. Но настал день гнева Божия, который никто не знает.

Двадцать четвёртого июня хотел съездить на Везувий. Автобусный билет из Помпей на высоту 1000 метров стоит 5 евро, оттуда ещё 281 метр до кратера пешком по хорошей тропе, за что берут ещё 6 евро.

Решил подняться на вулкан пешком бесплатно. Одел солдатские ботинки и пошёл в Геркуланум. Но не было такой воли Божией: встретил брата Даниила из Молдавии, который настоял оплатить мне издержки на Везувий. Так продолжается покровительство святого преподобного князя Даниила Московского. Молдаване — романский православный народ.

Вокруг Везувия на вулканическом пепле хорошо растёт лес. Далее сплошные крыши и виноградники до самого Неаполитанского залива.

Наверху — бурый шлак и прохладный ветер. Пахнет серой. В дымке виднеется остров Капри.

Двадцать пятого июня был жаркий день в Помпеях. Везувий в лёгкой сиреневой дымке. Густые чёрно-зелёные кроны пиний на улице

Плинния дают прохладную тень. В тени насыпаны их большие, больше кедровых, орехи.

Туристы весь день нескончаемым потоком идут в этот город внезапной смерти. Вход стоит 10 евро.

Двадцать шестого июня рано утром поехал к честной главе апостола Андрея Первозванного в маленький городок Амальфи.

Поездом до утопающего в спелых лимонах Сорренто, потом автобусом в Амальфи, прилепившийся на крутом известняковом склоне к Тирренскому морю. Всюду маленькие гостилицы, увитые бугенвиллеей.

В католическом соборе, в крипте в прозрачном ковчеге хранится честная глава первого званного Христом и крестившего Русь апостола.

Благодарю тебя, отче Андрея за то, что, приложившись в Москве к твоей стопе, добрался до честной главы.

Помолился в крипте, и вышел, и сразу взмок весь в своём подряснике.

Пошёл за посёлок и там среди каменных глыб в одиночестве искупался. Прозрачное чистое море. Морские ежи, актинии.

Вечером Везувий уже в голубой дымке, и пинии не столь черны, как днём, серо-зелёные. Своим лёгким и стройным очерком они определяют облик этой земли.

Купил полкилограмма мидий за 60 центов и потрапезничал, поливая их лимоном и запивая белым вином.

Двадцать седьмого июня дымное небо. Не думаю, что задохнувшиеся серным газом Везувия

и засыпанные горячим пеплом помпеяне были
грешней меня.

Рядом с раскопками живут помпейские соба-
ки, которые за еду сопровождают туристов.
На ночь они роют себе гнёзда в тёплой земле.

Бродил в окрестностях Помпей. Анис, цико-
рий, выонки. В горячем воздухе терпко пахнет
фиговый лист. Осмотрел разрез пепла и лапил-
лий, погребший Помпеи.

Возвратился в кемпинг поздно. Возле палатки
стоит большой пакет с фруктами. Это Даниил
и Лилиана.

Двадцать восьмого июня Неаполитанский за-
лив зелёного без синевы цвета. Над жерлом Ве-
зувия периодически возникает и тает лёгкое
предупредительное облачко.

Дикая полусухая трава на взморье лучше мне
всяких цветов.

Возвратившись, узнал, что Даниил оплатил
моё проживание в кемпинге. Спаси тебя Госпо-
ди, брат!

Двадцать девятого июня в 10 часов утра вы-
ехал из Неаполя в Москву.

Автобусный билет Москва-Неаполь-Москва
стоил 240 евро.

Благодарю Тебя, Господи Боже мой!

Проехали палевые Абруцкие Апеннины, уво-
дящие меня в прошлое по известнякам и сухой
траве. И всё пробежало обратным ходом: розо-
вые мальвы на обочине, долина Тибра, замки,
ливень с грозой.

+ + +

Прощай, Италия!

*Пусть чёрных пиний рощи
Хранят Россией почитаемые монсты,
Которые, когда идти тебе на Суд,
Святые Ангелы в Москву перенесут.*

ПУСТЫНЬ

Пятого июля возвратился в Абхазию. Лето в разгаре. Пышная зелень. Не узнатъ.

Старец встретил сурово, благословил и сказал: «Теперь в пустынъ».

Шестого июля на Владимирскую икону Божией Матери причастился Преждеосвященными Дарами с о. Иоанницием.

Встретился со старицей монахиней матушкой Ольгой. Она была послушницей схиархимандрита о. Виталия.

— Это пришёл мой Сократ. — сказала она, обнимая. Мы любим друг друга. Душа моя распрымилась.

— Зачем писать книги? — спрашивает матушка. — «Господи помилуй» знаешь? И хватит.

Жарко и влажно. Бросил одеяло под широколистной анноной-асиминой с продолговатыми зелёными плодами. Новая встреча с этим замечательным семейством. Я знаю анну чешуйчатую — эшту (*араб.*), а такую не знаю. Созревает в августе.

Седьмого июля причастились Христовых Тайн на рождество великого и славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Чувствую жар пустыни и запах кипариса.

Читал на Литургии Апостола.

Старец подарил образ Пресвятой Богородицы «Прибавление ума». «Да плачуся дел моих горько».

Десятого июля выдвинулись в елово-пихтовую горную зону.

Красные на закате скалы. Воздух юности. Воздух юного мира. И реки цвета сапфира.

Святые преподобные Сергие и Германе Валаамские, молите Бога о нас!

Четырнадцатого июля снова палатка, рюкзак, топор. «Обновится яко орля юность твоя».

В глубоких ущельях стоит синий дым. На высоких белых зонтиках борщевика-гераклеума гудит сладкий пир насекомых. Кровососы оводы и комары тоже хотят своё. Вечером появляется мелкий жгущий мокрец.

Пятнадцатого июля дым костра отгоняет немного кровососов, иначе не вздохнуть. Дым теряется в тесных кронах дерев.

Вторые сутки поджидаю о. Агафангела. Сделал продуктовый схрон.

Сморю, как заползают в ледниковые цирки и обкладывают горы облака.

Чудится, что в альпийской зоне среди белых скал и морен стоит трёхэтажный город.

Есть время писать и молиться, глядя в огонь, и читать Покаянный канон.

Ночью в молодом ельнике тысячи мингрельских светляков устроили иллюминацию редкой красоты.

Шестнадцатого июля на меня вышел о. Агафангел. Он живёт в пещере неподалеку. Весь день были с ним в разведочном маршруте.

Вечером снял с тела клещей и долго молился, пока не впал в забытье. Ночью шёл дождь, стучал по палатке.

Семнадцатого июля в облаках проглянули скалы и снежники, наполнив душу тоской прежних связей. Вижу их на альпийских лугах и в известняковых каррах. Прости и помоги!

Над обрывом пляшут две крапивницы, которые остаются просто крапивницами и в диких горах, и на даче.

С больших лип падают жёлтые листья. Всё на срок, Господи!

По лесу на склоне горы без тропы медленно идёт чернец. Несёт ношу в двадцать пять килограммов. К рюкзаку приторочены палатка и спальный мешок. Опирается на длинную ручку топора. Подрясник белый от соли.

Остановился и смотрит на сорокаметровые колонны буков и пихт.

Перешёл жить в пещеру к о. Агафангелу. В ноль часов начали читать Изобразительные и причастились Святых Христовых Таин. В пологе самшитового леса горело множество зеленовато-жёлтых лампадочек-светлячков, в пещере горели свечи, кадился ладан, читали и пели двое монахов, славя Превечного Бога Иисуса Христа в эту чёрную горную ночь.

Восемнадцатого июля за две ходки подняли ноши по сорок килограммов на четверть километра выше. Шли в дождь, промокли.

Лишь вечером выглянуло солнце и осветило Божий мир: розовые заросли иван-чая, альпийские луга и островерхие ели в уходящем тумане.

Солнечные капли падали среди чёрной хвои сыпью ярких жемчужин. В этом ельнике и остановились, выбрав посуще.

Тяжелые переходы приходится делать под болеутоляющими таблетками, но всё-таки битые ноги, слава Богу, работают не плохо. Думал, что будет хуже.

Девятнадцатого июля идёт дождь. На елях висят голубовато-серые бороды лишайников.

Всё это уже было: ели, горы, костры, но не использовалось по прямому назначению — славить Бога и просить Его милости.

Растянули между елями прозрачную плёнку и в 21 час начали служить Всенощную. Рядом горит костёр.

Тени наши двигались по освещённому лесу. В два часа ночи причастились Святых и Страшных Христовых Таин. Потом развели огонь побольше и поставили закипать воду для чая.

Двадцатого июля солнечно, но в подлеске сумрачно. Вечнозелёный плющ вьется по вечнозелёным елям и пихтам: влажный горный колхидский лес.

В 21 час темнеет, исчезает гнус, и наступает хорошее время для молитвенного бдения у костра.

Заполночь просыпаются совы и кричат, как маневровые паровозы, облетая владенья. Кто-то раздраженно кашляет в темноте.

Внезапно с грохотом падает дерево. Многие великаны стоят на самом краю обрыва, охватив скалу.

Двадцать первого июля пришёл о. Галактион. Ходили смотреть с ним дальние горы, «ребра северовы».

Ночью, подсвеченные снизу костром, пихтовые лапы изящны, как вологодские кружева.

Двадцать второго июля погромыхивает в тучах. Что я могу поделать, Господи, если лиловые колючки на высоких репейниках умиляют меня?

Двадцать третьего июля пройдём вверх сто метров, сядем, почитаем Евангелие. С полудня начался дождь. Идём, стряхивая на себя воду. Ночью развели под скалою большой огонь.

Двадцать четвёртого июля отцы ушли. Я проводил их и увидел в разрывах тумана землю красивее, чем эта.

Мощный реликтовый лес на склоне слегка был просвещен солнцем.

К полудню снова начался дождь. Положил в костёр толстые валежины и залез в палатку. Прочёл синодик.

Вечером солнце высушило нежно-зелёное криволесье меж чёрными пихтами и альпийским лугом.

Пошёл собирать валежник для ночного костра.

Милостью Божией здешних монахов-отшельников змеи не кусали и медведи не задирали.

Ночной ветер тянет дым костра вниз по склону. В темноте мыши бесцеремонно набросились

на продукты. Большого огня не развозжу, чтобы не вызвать нежданых гостей. Молюсь непрерывно, с какой-то потребительской истовостью

Двадцать пятого июля в тумане начался дождь. Дождь идёт весь день, и весь день туман, но земляника краснеет и в тумане.

Насквозь мокрый, пришёл о. Галактион. Развели под елью большой огонь. Пьём горячий чай.

Вечером в тумане хочется разговаривать шёпотом.

Двадцать шестого июля сидели под елью, скрываясь от дождя. *Невидимаго бо, яко видя, терпяще* (Евр. 11, 28).

Под елью много сухих сучьев, которые хороши на растопку. Но еловый хворост трещит в огне и мечет угли, и прожигает подрясник.

На ночь развёл костёр под скалой. Он скрыт отовсюду. На буковых дровах тихо полощется пламя.

Двадцать седьмого июля рассказали, как к нашему Старцу приходили бесы.

Он был в пустыни один и увидел, что снизу к нему поднимаются несколько знакомых отцов.

Поставив разогревать кашу, он стал их ждать. Но отцы медлили, так что он вышел покричать и помахать рукой.

Те тоже стали махать ему снизу. Тогда он понял и начал их крестить. Те крикнули: «Мы не боимся твоего креста». И ушли.

Пришёл о. Агафангел, которого покусали осы: он нечаянно разрушил осиное гнездо, наступив на гнилое дерево.

Двадцать восьмого июля около полуночи начался дождь с грозой, успокоивший сонь-полчков, бросавших в меня еловые шишки. Дождь промочил мое ложе под елью и лил до полудня.

Ломал пихтовый лапник на новой стоянке и был покусан осами. Какой-то осинный лес. Господи помилуй!

Вечером вышел на смотровую площадку из своей пещеры: горы, туманы, ели да пихты — а всё-таки тянет оглядеть.

Чуть пригреет солнце, и хвойная смола каплет с больших деревьев на глянцевый плющ.

Ночью снова была гроза. Молнии сверкали каждые пять секунд. Но я уже ночевал в сухом гроте с костром и славил Бога.

Двадцать девятого июля сделали с о. Агафангелом трёхчасовой переход с ношами по двадцать килограммов в поисках места для келии. Далее я пошёл, благословясь, один.

В сумерках ливневый дождь застал меня на крутом склоне с тяжелой ношей, так что я взмомлился. Вскоре вышел на гребень, поставил палатку и разжёг костёр.

Тридцатого утром был туман. Кончилась вода. Взял флягу и пошёл в ущелье на шум ручья: скалы, не пройти. Пошёл другим путём: не пройти. Пришлось возвращаться вчерашним путём, но вверх.

Переночевал у о. Агафангла. Прочли акафист Матушке Богородице.

Тридцать первого июля взял десять литров воды и, благословясь, ушёл.

На склоне, заросшем стелющейся лавровишиной, трудно идти — и взропщешь. Но потом в опасном месте на скале именно лавровишина протянет ветку. Так у Господа Бога нашего всё оправдано.

С Божией помощью нашёл одно удобное место. Устал и рано стал на бивак. Костерочек, чаечек, молитовка. Всё, что хочу и умею. Очень медленно, не логическим путём, приходит осознание, где-то мелькает ясно и отходит, что все дела — Божие о нас промышление.

Первого августа настал солнечный безоблачный день. Шёл маршрутом и под вечер остановился в гроте на скалах. Впереди были гряды гор: сначала чёрно-зелёные хвойные, потом палевые скальные и далее неизвестные голубые.

Тело привыкает к нагрузкам, каждая мышца болит.

Второго августа утром вытащил клещей, которых не заметил вечером, и пошёл к о. Агафангелу. Вечером вернулся обратно.

Белки начали шелушить зелёные пихтовые шишки и буковые орешки.

Розовый вечерний свет сошёл со скал на их зубцы и нет его, и я начал читать последование ко святому Причащению.

Третьего августа золотистая утренняя дымка заполнила ущелья.

Третий день болит бок: похоже, что, падая с ношей, сломал ребро.

Пришёл о. Агафангел. День святого пророка Илии. Ушёл о. Агафангел.

Собрал пучок мелиссы для чая. Много пионов, которые цвели здесь весной.

Как свечи в канделябрах, стоят на верхушках пихт зелёные шишки в белых каплях прозрачной смолы.

Скорость прохождения по горизонтали лавровишивного стланника — метров триста в час. Вверх по нему лучше не ходить.

Есть горы и пропасти, и одиночество, но что они без молитвы? Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Дай мне молитву, Господи!

Четвёртого августа пошёл вниз, в ущелье за водой. Полтора часа туда и два с половиной обратно. Под конец упал без сил в лавровишине. Вижу: рядом ещё дымится куча медвежьего дерьяма. «Нет, — думаю, — пойду».

Вечером пил чай у костра и смотрел, как мыши из леса пытались прокрасться к продуктам. Это проблема лесных отшельников.

Перед самой темнотой пришли о. Агафангел и о. Галактион.

Пятого августа утром прочли акафист Богородице Деве и пошли пробивать тропу к воде. Встретили две рябинки с оранжево-красными кистями. Рябин здесь мало.

Шестого августа утром причастились Святых Христовых Таин и пошли пропиливать тропу к воде. Дождь. Возвратившись, обсохли у костра и потрапезничали гречневой кашей с подсолечным маслом.

С восемнадцати часов до нуля молились по чёткам, потом исповедались, прочли Часы, Изобразительные и причастились Запасными Святыми Дарами. Луна освещала величие гор, а свечи — великую тайну обожения твари.

Седьмого августа отцы ушли, и я пошёл пропиливать тропу к воде. Наломал кистей горько-кислой рябины, чтобы есть с сахаром, как лимон.

Восьмого августа пью чай с рябиной и смотрю на поросшие кустарником лавинные сходы. Тихо до звона. Лишь изредка красноголовый дятел выбьет дробь о сухую ель. Милость Божия — огонь — беззвучно золотится меж дров. Находит туман.

Девятого августа весь день несли ноши с о. Агафангелом. Мои солдатские ботинки износились за месяц в горах.

Вечером нахлынул туман с дождём. Мы как раз возвратились в сухой грот. Видны две близние пихты и ясень, далее молочный туман.

Потрапезничали, прочли акафист Пресвятой Богородице и начали шестичасовое бдение по чёткам. Горит костёр.

«Горы далёкие, горы туманные, горы...» — есть такая песня. Единственная оправданная причина пребывания человека в пустынях, горах и пропастях — ради Бога. Остальные причины быстро устаревают.

Десятого августа причастились на праздник великомученика и целителя Пантелейиона.

Стоит непроглядный туман, а в нём крадётся уныние. Господи, помоги!

Ночью туман матово светится от полной луны. Когда туман расходится, свет луны становится слепящим.

К полуночи силы восстановились, и уныние прошло. Благодарю Тебя!

В ноль часов начали служить молебен Господу, Богородице, новомученикам и исповедникам Российским о стране нашей Российской и Абхазской. Совы сразу приутихли.

Однинадцатого августа сделали с о. Агафангелом за десять часов круговой разведочный маршрут. Едва доплелись обратно. Благодаря Бога, съели давно припасённую дыню и отварили рис.

Сняли с себя клещей и рухнули в спальные мешки.

Двенадцатого августа переносили грузы. Попали в холодный ливень. На крутой скользкой тропе было трудно идти.

В известняках прослои красных и чёрных кремней, кремнистый путь.

Тринадцатого августа утром, глядя в солнечный туман, прочли акафист нашей Всепетой Царице и разошлись. Я пошёл доделывать тропу к воде. Внизу климат влажнее. Возьмёшься за мшистую ветку — и бежит вода. Скалы увиты плющом, как рыцарские замки.

Вечером на верхних скалах был тот золото-красный свет, на который нельзя долго смотреть без Иисусовой молитвы.

Четырнадцатое августа. Успенский пост. Солнечное утро. Синие горы.

Принёс одну ношу. Проверил тайник для письма: пусто.

+ + +

*Успенский пост. Сияют небеса.
Как преподобные, в зелёном чине боры.
Моя Божественная Радость и Краса,
Кадильный дым Тебе возносят горы!*

*И что-то чистое вливается, звения —
Незнаемая ранее услада.
Я жизнь прожил минуты этой ради,
В Успении нашедшая меня!*

Пятнадцатого августа зелёные лопушки превратились вянут, чуть прижмёшь, обозначая тропу.

Принёс сверху одну ношу.

Пришли о. Агафангел и о. Галактион. Отца Галактиона покусали осы.

Шестнадцатого августа до сумерек несли ноши. Два часа отдохнули и начали читать Всенощную до половины четвёртого. Стоят лунные опалесцирующие ночи.

Семнадцатого августа утром прочли Часы, Изобразительные и причастились.

Собрал вешенок или чинариков на буковых стволах и сварил грибной суп.

Восемнадцатого августа несли ноши. В 21 час начали Всенощную на Преображение Господне. В скалах поплыл запах ладана на буковых углях.

Девятнадцатого августа в два часа ночи причастились Святых Христовых Таин.

Вечером сидел на обрыве в кустах азалии и думал о судах Божиих.

Двадцатого августа несли ноши. Всё более потребен посох — «третья нога».

Двадцать первого августа несли ноши. Когда услышишь шелест летящего камня, поздно ис-
кать его глазами, прячься.

Двадцать второго августа несли ноши.

— Ну что, Георгий, пишешь? — спросил Ст-
рец при встрече.

— Пишу, батюшка.

— Я тоже начал. — улыбнулся он.

Двадцать третьего августа ходили к ручью
стирать и мыться.

Поспела реликтовая кавказская черника.
Пробились сиреневые крокусы. Не могу не за-
метить, что дело к осени.

В 22 часа начали воскресную Всенощную
службу.

Двадцать четвёртого августа в три часа ночи
причастились у костра Святых и Страшных
Христовых Таин.

Маленькая совка, наша певунья, всю ночь
сипло кричит возле пещеры.

Двадцать пятого августа перемещали грузы.
Натянутая верёвка пульсирует, как кровь. Тяже-
ло, но Господь утешил, без причины «захоро-
шело».

Поздним вечером над ночными чёрными го-
рами стояло высокое белое облако-семитысяч-
ник, за которым горели звёзды. Когда облако
потухло, я пропел «Свете тихий» и залез в па-
латку.

Двадцать шестого августа перемещали грузы.
Накопилась усталость. Господи, помоги!

Кремни в скалах остры, как бритва, обо-
прёшься рукой — порез.

Тело понемногу измождается до нормы.

Двадцать седьмого августа в полночь после бдения начали Часы, Изобразительные и причастились, так как все трое ослабли.

Днём ходили с канистрами к ручью запасти воды на праздник. По дороге садились отдыхать и читать Евангелие. Сразу слетались леопардовые бабочки и сбегались ящерицы.

В 22 часа начали Всенощную службу на великий праздник Успения нашей Всецарицы и Приснодевы.

Двадцать восьмого августа в два часа ночи пихты были усыпаны звёздами, как гефсиманские кипарисы. С радостью причастились Святых Христовых Таин.

День настал ясный из ясных, тихий из тихих. Даже пятисантиметровые скорпионы вылезли из трещин. Скалы от зноя испепелились. Вечерняя заря была глубокой и чистой. В голубоватой бирюзе чернели кресты на верхушках пихт.

Двадцать девятого августа, благословясь, ходил на километр выше, в альпийскую зону.

Вышел из тёмного леса и увидел в жухлой траве синюю-синюю горечавку, куртины белых гвоздик, стелющийся можжевельник. Глаз видит, куда ступает нога. Ах, не лесной я житель!

Тридцатого августа утром зашумел, закипел котелок в огне костра. Медленно распрямляются руки ноги. Подай, Господи!

Вечером стали неотступно два слова: «и в бесконечные веки». Не знаю, что это, но печально.

Отец Агафангел ушёл в Сухуми. В полночь прочли с о. Галактионом Часы и Изобразительные и причастились Христовых Таин.

Второго сентября ходили за водой. По проложенной тропе с десятью литрами воды за полтора часа туда и обратно.

Пришёл с вестями о. Агафангел.

Третьего сентября разошлись по своим пещерам-исихастионам. Начались туманы с дождём. Со скал вокруг падают, увлекая камни, большие деревья. Похоже, что устрашает враг.

Вечером на ближнюю пихту пришла белочка поиграть.

Четвёртого сентября туман. Где-то в нём молятся уставшие от ночных демонских страхований отцы.

— Прошлое распалось, — думал я, — кроме этой пустыни и молитвы, нет у меня ничего.

Пятого сентября такой густой туман с дождём, что стоят сумерки.

Молюсь да пишу. Хорошо. Дрова есть, воды налилось в бочку литров сто, крупа есть, сахар есть.

Шестого сентября всю ночь и день непрерывно и ровно шёл дождь.

Под вечер развиднелось, и на 2200 метров оказался лежащим белый снег.

Восьмого сентября несли ноши. Граница снега опустилась еще на 200 метров.

Над заснеженными горами взошла полная луна.

— Я такой луны не видел сто лет, — сказал о. Агафангел.

Резко похолодало. Исчез гнус.

Девятого и десятого сентября несли ноши.
Со скалы упала и пролетела мимо железная бочка
для хранения продуктов.

Серебристые серые тихие денёчки.

Однинадцатого сентября в два часа ночи причастились Живодательных и Непорочных Христовых Таин на праздник Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Запах фиалкового ладана и пение монахов в лунную ночь на горах ублажали честные его страдания.

Двенадцатого сентября перемещали грузы вверх по скале.

Ночь. Спину греют угли костра. Кричит сова.
Хорошо. Господи помилуй.

Четырнадцатого сентября начало индикта — церковное новолетие. Венец лета благости Господней.

В два часа ночи причастились Пречистых и Животворящих Христовых Таин.

Вокруг стоял густой туман. В костре горел целый еловый ствол. Служил о. Агафангел. Мы с о. Галактионом читали и пели, отодвигаясь временами от нестерпимого жара.

Пятнадцатого сентября перемещали грузы.
Ночью на нашей тропе наследил медведь.

Шестнадцатого сентября долго шли и долго устраивали стоянку. Насквозь пропахли потом и дымом.

Семнадцатого сентября узнали, что грабители обнаружили наши схроны.

Восемнадцатого сентября ушли вниз в туманные колхидские джунгли. Двухметровые гирлянды голубого лишайника свисают с ветвей и колышутся в тумане, как под водой. Господи помилуй!

+ + +

*Как ни люблю я эту красивую землю,
Как ни сжимается горло при виде
вечерних полей,*

*Я — чужеземец. Я эту любовь подъемлю,
От которой не легче мне и не теплей.*

*Всё холоднее мои одинокие зимы
В кружеве чёрном алмазных пихтовых ветвей.
А там, у меня Отец улыбается Сыну
Вечной любовью Своей.*

*Там, в Полноте успокоится бедное сердце,
Божией милостью тихо войдёт Благодать,
Чужды, нищие, сирые, странные и пришельцы,
Чтобы Отчизны взыскать.*

МОНАХ

Господи благослови!

Жили под Вологдой два брата, Стефан и Алексий, крестьянских сына. Алексия замучили большевики, а Стефан эмигрировал в Канаду.

У Алексия тоже было два сына, мой отец Павел и Василий. Он сказал им, что в нашем роду был монах. Какое счастье!

Десятого ноября возвратился в скит. Святитель Игнатий Кавказский говорит, что: «Монашество есть призвание, редкий дар и великая Божия тайна».

В полночь служили с о. Галактионом Литургию в Преображенской церкви на Михайловском кладбище Сухуми. Благословили послушание пономаря.

Одиннадцатого ноября вечером ходил в город. Безлюдные, чистые, освещенные улицы Сухуми. Что же промышляет Господь об этом городе?

В ночь поехали на Михайловское кладбище. Крест на могиле Кавказского пустынножителя иеросхимонаха Паисия (Уварова) мироточит и благоухает. Отче Паисие, моли Бога о нас!

Двенадцатого ноября снова пономарил на полуночной Литургии.

Утром на исповеди мой Старец (имя, по желанию его, оставлю прикровенным) благословил вести эти записи. Благодарю Тебя, Господи!

Тринадцатого ноября причастились Святых Христовых Таин. Возвращались под утро с Михайловского кладбища. Необычно ярко сверкал красный Марс.

— Молчите, отцы, — просит Старец, — молчите и молитесь.

Четырнадцатого ноября чернее ночи кипарисы на Михайловском кладбище.

Шестнадцатого ноября причастились Христовых Таин на праздник Обновления храма Георгия Победоносца в Лидде. Теперь эта далекая пыльная Лидда кажется сказкой.

Выпил сухого виноградного вина, увидел красную полосу заката, вдохнул вечерний дымный воздух, — и застонал от этой сладкой земной тоски.

Никогда мне не подняться с первой ступени Богопознания — созерцания благолепия видимого мира.

Девятнадцатого ноября заливали бетоном фундаменты часовни над могилой о. Паисия.

Алая хурма в сёлах вдоль дороги.

+ + +

*Я видел за речкою и за границей
Счастливейший домик, отставшую птицу,
В котором хотелось бы мне поселиться,
Но крест мой, и вечер, и эта граница.*

*Размером, примером, четыре на восемь
Обит он снаружи обветренным тесом,*

*Ему не страшна ни какая зима.
Над ним поспевала хурма.*

*Красивая, райского дерева вроде,
Она возвышалась над ним в огороде,
И, если б не осы точили ее,
Хватило бы на прожитье.*

*Сидел и писал бы я там у оконца,
Что моря коснулось вечернее солнце,
И вот не осталось уже ничего
От яркого диска его.*

*Она, возвращаясь, бы мне говорила:
— Ты пишешь? Как это мне нужно, мой милый!
И я бы за эти слова
Её целовал,*

*И видел: за речкой сгущается вечер,
Идёт по дороге один человечек
Весь в чёрном, наверно монах
В широких штанах,*

*И видит: сегодня ему не добраться,
Но осень в лесу постелила матрацы.
Вон домик для счастья, но Ты, Всеблагой,
Избави меня от него!*

Как просветляются лица воцерковленных женщин! И ещё более у монахинь.

Двадцать третьего ноября причастились Святых Христовых Таин.

В Грузии правительственный переворот. Что-то будет с нами?

Зимние нарциссы выдвинули цветоносные стебли.

Слезящаяся Венера в охристом оливковом закате.

Двадцать четвертого ноября ездили с братом Вассианом в Цебельду, за Волчьи ворота собирать зимние яблоки.

В заброшенных сёлах опавшие яблоки покрывают землю двумя слоями.

С Божьей помощью собрали пятнадцать вёдер крепких красных яблок.

Двадцать пятого ноября до трёх часов утра совершали всенощное бдение и Литургию.

В девять часов утра, благословясь, поехали с братом Вассианом в заброшенные сёла на правобережии р. Келасури собирать хурму.

Жёлтые осенние предгорья. Доцветают ромашки. Жаркий день.

Обветшалые дома заросли деревьями и ежевикой. Старые хурмовые деревья высотой метров тридцать обвисли под тяжестью оранжевых плодов. Медведи приходят и обламывают большие ветки.

Не спеша нарвали килограммов двести. Развели костёр и заварили чай. Были довольны дарованным днём.

Читаю С. Нилуса. Один из подвижников XIX века говорил, что в голову камень класть, поститься, на голой земле спать — пустое без любви и смирения. Чудеса и явления — это неизбательно.

Двадцать шестого ноября наш Старец сказал обо мне: «Вот у нас первый кандидат в монахи». Стало и страшно, и легко. Подай Господи!

Шестого декабря смотрел на берегу моря, как грузят в трюм турецкого судна буковый лес.

Седьмого декабря Старец сказал на проповеди, что Иисусова молитва — это наше предстояние Богу, защищающее от злых ветров века сего.

Десятого декабря переехали в заброшенное греческое село в предгорьях Кавказского хребта. Вдоль грунтовой дороги в сухом папоротнике стоят таблички «Осторожно — мины».

Греков выселил Берия в 1949 году. Земли и дома заняли грузины. В 1993 году абхазы выгнали грузин, и село опустело.

Как райские деревья, усыпана хурма сладкими-сладкими плодами.

Одиннадцатого декабря забили плёнкой оконные проёмы, законопатили щели, поставили железные печи — и келии готовы.

Утром — хурма и вечером — хурма. Трава в иглистом морозном инее. Печи гудят до красна. Ночью горит свеча. Слава Тебе Боже!

Тринадцатого декабря на бдении замечательный сухой жар от печи. Благовонный запах горящих дров, благополучия, походной юности, монашества.

Кое-где растёт цитрон — колючий подвой лимонов и мандаринов с мелкими душистыми плодами. Придаёт чаю приятный хвойно-лимонный вкус.

Поздняя серая заря с чёрно-синими облаками и яркой одинокой Венерой. Далеко за черными холмами лает собака. Как грустно на Земле!

Четырнадцатого декабря ходил ночью за четыре километра в соседнюю усадьбу к о. Агафонгелу на Всенощную службу. Исповедался.

В конце службы почувствовал, как Господь умирает душу.

Возвратился под утро по тёмной дороге, едва волоча от боли левую ногу!

Ветер с моря, тепло, дождь.

Прочли акафист Порт-Артурскому образу Пресвятой Богородицы. Порт-Артур, Харбин. Скорбит моё сердце.

Пятнадцатого декабря на бдении летучая мышь мягко сминает воздух над головой. Она живёт в трещине стены.

Днём пилили дрова и собирали хурму. Опасаемся, что нагрянет непогода.

Вечером гулял в унылых горах, в сыром лесу. Шёл и пел, повторяя и повторяя, чтобы не сорваться, Заповеди Блаженства.

Восемнадцатого декабря горы затопил туман. Солил капусту и варил яблочное варенье.

Ночью пошёл к о. Агафонту на всенощную службу батюшке Николаю Угоднику. Шёл, вспоминая обглоданный волками скелет коровы при дороге.

Девятнадцатого декабря причастился Святых Христовых Таин.

Утренний запах нагретой печки, пылающих дров уводит в дружелюбную бивачную юность. И трудно справиться с этим кумиром.

Идёт мокрый снег, косо режет кусты орешника с зелёными серьгами.

Двенадцатого декабря колол дрова. Думал, каким хладнокровным и беспощадным убийцей был предтеча антихристов — Ленин.

Кровать, печка, поленица дров, стол, стул.
Слава Богу!

Двадцать первого декабря ходили на перевал.
Тёмный лес и белые питербрейгелевские поляны.
Автоматные охотничьи очереди.

Двадцать второго декабря всю самую длинную ночь в году блевал и поносил. Отравился.
Господи помилуй!

Двадцать третьего декабря Старец благословил съездить в Сухуми и привезти рясу, мантию, клобук, наметку, крест и параман к постригу.

Двадцать четвёртого декабря носил и колол дрова. Колите граб по ходу сучьев, не против.

Ночью горит лампадка красного стекла во святом углу над моей головой. Потрескивают дрова в печи. Слава Тебе Боже!

Двадцать пятого декабря причастился Животворящих Христовых Таин на праздничной службе святителю Спиридону, Тримифунтскому чудотворцу.

На солнечном припёке в лесу уже цветут и тонко пахнут фиалочки.

Выше леса на горах сверкают снежные венцы.

Вечером зашёл один инок и рассказал, как его истязают по ночам бесы. Так бывают, что и молитву не в силах сказать.

Двадцать шестого декабря колол дрова. Наиболее подходит граб: хорошо горит даже сырой и хорошо колется. Неплоха акация.

Двадцать седьмого декабря закончил колоть дрова. На зиму, похоже, хватит.

В три часа ночи, на бдении издалека по эстафете дошёл шакалий крик, насторожил и прогнал сон.

Двадцать восьмого декабря причастился Святых Христовых Таин. Смирения нет, лишь перед самым Причастием Господь из милости Свою волей умиряет сердце, чтобы причастие было не во грех.

В горах стоят тишина и туман. Ох и туман!

Двадцать девятого декабря повесил рядом с лампадкой и иконой Господа Иисуса Христа еловую лапу, как вертеп. Старый запах ёлки.

Тридцать первого декабря, благословясь у Старца, пошли с о. Вассианом по горам и рекам в сторону Главного Хребта.

Известняки сменились кристаллическими сланцами, габбро-диабазами и гранитами.

Ущелья заросли древовидными понтийским рододендроном, в просторечии — рододой. Пышные вечнозелёные зонтики напоминают, что Кавказ расположен в Альпийско-Гималайском поясе Земли.

Вода в реках прозрачна до дна. Превосходны дела Твои, Господи!

Остановились на чистой галечниковой косе. Сварили овсянку и чай. Отец Вассиан бдит до двух часов ночи. Я — с двух до восьми.

Первого января 2004 года шли вверх по гребням, поросшим чистым парковым лесом из каштана и букса.

Выше километра открылся ослепительно блестящий латунный таз моря.

От полутора километров начался хрустящий снежный наст.

Стояттишайшие солнечные дни и звёздные ночи. Нескончаема милость Божия. Ночные бдения у костра — тихая радость. Сухой рубиновый жар углей прогревает усталое тело. Чёрные деревья облеплены яркими зимними звёздами.

Второго января с трудом вышли из густых и высоких зарослей рододендрона. Отварили последние шесть картофелин.

Третьего января, возвратившись в скит, затопил печь, зажёг лампаду, покадил ладаном. Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе!

Четвёртого января причастился Святых Христовых Таин на Анастасию Узорешительницу. Разреши наши узы, матушка, умоли Христа!

Пятого января под утро возвращался в скит:

+ + +

*Ноченькою лунною пробираться мне,
Господи помилуй, в дальней стороне.
Светятся нагорные снежные венцы,
Молятся лесные тайные отцы.*

*В глупой и далекой юности моей
Прелести земные пел мне соловей.
С фонарём и посохом долго мне идти?
Тьму мою кромешную, Боже, просвети!*

*Страсты подступают, в плен меня берут.
Страшную шакалы песню мне поют:
Ты — один, без Бога, без любви, в аду.
Ничего, с молитвою как-нибудь дойду.*

Со мною Бог и топор на длинной дубовой ручке. Топор ещё тот, сынок, которым ты выру-

бал на огороде заросли бамбука. Когда болит нога, он служит мне посохом.

Сегодня серый день с косматыми снеговыми тучами. Маленькие растения продолжают сдержано зеленеть и цвести. Морозники открыли свои земновато-белые бокальчики: под снег, так под снег.

Шестого января утром начали читать Царские часы. С первой звездой поели сочива.

Седьмого января Рождество Христово. В час ночи начали праздничную службу и восемь часов утра закончили, причастившись Безсмертных Христовых Таин. Возле алтаря, за семи-свечником стояла банка с красивым букетом морозников. Христос рождается. Славьте!

Мрачные тучи обложили окрестные горы.

С тех пор, как показал нам Господь Бог и Спас наш Иисус Христос Крестный путь, то не осталось других. А морозники что ж? Пусть цветут.

Восьмого января всю ночь туман и дождь со снегом. Боже, помилуй странников! Под утро всё побелело. Снег выпал на Православное Рождество.

Девятого января были белый лес и чёрно-синее небо.

Заснеженный лес, тёплая келия. Чего ещё, отче? Молись. Всё получишь.

Преподобный отец Иоанн Кассиан Римлянин († 435 г.) предлагает из опыта египетских авв в качестве непрерывной молитвы: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщи-

ся». (Пс. 69.2). Старец благословляет временно молиться ею.

Десятого января было лунное снежное бдение. Полная тишина.

Утром видел, как розовеет лес на восточном склоне.

Старец рассказал, что после различных бесов приходит сам сатана. Это случилось на Погребение Господне. Ещё было полно снега в горах. Старец вышел из келии позвонить в небольшой колокол на вынос Плащаницы.

Рядом с келией стоял, презрительно улыбаясь, по виду городской человек в костюме и лакированных туфлях.

— Откуда здесь такой? — подумал Старец и хотел его перекрестить. Но тот с ненавистью посмотрел и безмолвно сказал: «Ты не посмеешь этого сделать!»

Творя Иисусову молитву, Старец позвонил в колокол и пошёл, крестясь, в келию. Проходя мимо сатаны, он не поднял глаз, но ясно увидел, что вместо пальцев на руках у того росли чёрные змеи. Господи помилуй!

Настал бело-серебряный день с красными ягодами сассапариля. От снега ломит глаза.

Четырнадцатого января снег стаял на тёплом ветре, и был необычный закат: зелёный с подпаленными снизу облаками.

Ночью причастился на предпразднество Богоявления.

Какие имена: Прохор Лебеник, Марк Пещерник, Агапит Врач безмездный! Какие преподобные Киевопечерские!

Шестнадцатого января ночью читал Житие Моисея Угрина, и был потрясен стойкостью во Христе. Как его домогалась та женщина! Я бы не понёс. Преподобне отче Моисее, моли Бога о мне!

Девятнадцатого января в полночь на Крещение Господне, когда Ангелы освятили всю воду в водоёмах, окатил себя из таза талой крещенской водой со льдинками во исцеление души и тела.

Утром причастились Святых Христовых Таин, ещё раз отслужили водосвятный молебен и окропили все наши убогие келейки.

Так и катит нас Бог по миру, не даёт присти.

Двадцатого января отслужили Литургию на Собор Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и поехали в Команы. Там, в петле реки Западная Гумиста есть отдельно стоящая гора высотой 480 метров. В восемьсот пятидесятом году на ней было третье обретение честной главы Иоанна Предтечи!

На гору ведёт широкая металлическая сварная лестница длиною метров двести и потом спускается по другой стороне метров сто. На перевале расположено пулемётное гнездо от войны 1992–1993 года. В конце, куда спускается лестница, под известняковой скалой есть ниша, а в ней — мраморная икона — барельеф честной главы Предтечи.

К скале прижалась самшитовая рощица с зацветающими подснежниками и цикламенами.

Здесь и было Третье Обретение. Ставши на колени, прочли акафист Предтече.

Под той же горой расположен источник святого мученика Василиска и гробница вселенского учителя святителя отца нашего Иоанна архиепископа Константиноградского Златоустого.

Двадцать второго января причастились Святых Христовых Таин на праздник святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России чудотворца.

Двадцать третьего января вечером было +16°С и гроза над морем. Воздух совершенно весенний.

Неожиданно о. Вассиан подарил удобный подсвечник, а о. Анастасий — свечной фонарик. Спаси их Господи за любовь!

Старец просит не расходиться, когда его убьют.

Двадцать пятое января. Как хорошо дождливой холодной ночью зажечь лампаду, затопить печь и сказать Сущему: «Свет мой и Спас мой, какое счастье знать, что Ты есть!» Но ещё лучше в эту ночь благодарить Его, сбившись с дороги, скользя и падая на прелой листве: «Благодарю Тебя, Господи за то, что не по делам моим мерзким и нечистым вывалил меня лишь в глине и оставил жить для покаяния!»

Отец Вассиан поделился опытом: в случае ночных страхований хорошо попаляет бесов открытое Евангелие.

Двадцать восьмого января ходили посмотреть на высокие горы.

На южных склонах зацветает кизил.

— Мы не Ангелы, — говорят отцы, — и, поэтому падаем, но и не бесы, потому что встаём.

Двадцать девятого января днём было + 20°С.

Старец говорит, что ему известны два случая полного отшельничества ради Бога в наше время на Кавказе.

— Может быть, вы пополните это число, — улыбается он.

Одежда одного была сшиита из тряпок и пакетов. В пещере сушились грибы и лесные орехи — лещина. Он слёзно умолял не раскрывать его.

Тридцатого января по утру уже встаёт созвездие Скорпиона. Взошла яркая молодая крапива. Дело к Великому посту.

«Сорвал» спину, подымая груз, едва хожу.

Днём было +25°С, жара, но почки на деревьях, кроме вербы и кизила, не поддаются этому раннему теплу.

Тридцать первого января нарывал молодой крапивы для щей.

Читал для братии за трапезой преподобного Иоанна Кассиана о том, что Бог всегда даёт просящему молитву. Проникся читаемым до умиления.

На Всенощной службе начали читать Постную Триодь. Вот и неделя о мытаре и фарисее.

Первого февраля причастились Святых Христовых Таин.

Второго февраля туман и дождь. Ноги леденеют в резиновых сапогах. Опухли дёсны.

Третьего февраля начали кричать филины. Глухой ночью они и шакалы сопровождают молитвы.

Четвёртого февраля трети сутки живём на хлебе и воде: в Москве совершается VIII Всемирный Русский Народный Собор. Да поможет им Господь против глобализма и экуменизма!

Пятого февраля редкие разрывы в тучах. К какой-то вертолёт героически прорывается в уро-чище Псеху. Господи, помоги!

На соседней горке насыпано гильз от зенитного пулемёта. Отец Анастасий сделал мне из гильзы подсвечник.

Шестого февраля ездил в Сухуми. Серые пушистые вербы при дороге так утешают меня.

Старый паспорт, сказали, действителен до июля-месяца.

Седьмого февраля абхаз Юрий Шамильевич — православный врач безмездный — вырвал мне два больных зуба. В нижней челюсти осталось шесть зубов, в верхней — семь.

У моря цветут алыча и мимоза. Мимоза образует такие зеленовато-жёлтые факелы.

Я любил в женщинах ангельское, а теперь люблю Ангелов.

Одиннадцатого февраля мой институтский друг Леонид, Лёха-медик, который прошёл судовым врачом пролив Дрейка и может носить за это серебряную серьгу с рубином, прислал письмо о том, что мы — единоверцы.

Двенадцатого февраля шёл по византийской мощёной камнем дороге шириной метра полтора, под повозку. Где-то здесь два конвойных

офицера влекли в ссылку в Пицунду великого светильника Церкви и ревнителя веры святителя Иоанна Златоустого. Он сказал, обличая священство и знать Византийской империи, в начале V века: «Так, если бы кто со стороны пришёл к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы ещё мог он представить себе других врагов Христа хуже нас».

В апостасийное время расцвета экуменизма среди священства Православной Церкви и строительства Нового Мирового Порядка наше братство промыслом Божиим обретается вблизи места, где Вселенский учитель закончил земной путь. «Иродиада, — сказал он, — всё ещё пляшет, требуя головы Иоанна, и ей отадут голову Иоанна, потому что она пляшет».

Четырнадцатого февраля — Вселенская родительская суббота. Упокой Господь души усопших рабов Твоих Анастасии и Павла.

Пятнадцатого февраля причастился на Сретение Господне.

Весь день падает крупный мокрый снег.

В предыдущих книгах приводились советы святых мужей, авв — Патерикон (*греч.*), а сейчас святых жен, амм — Митерикон.

Амма Пелагея в IV веке говорила о вреде смеха: «Смех изгоняет блаженный плач».

Амма Феодора сказала, что сухое тело изсушает сладострастие.

Шестнадцатого февраля снег всё идёт. Кажется, что засыпало весь мир.

Амма Синклитикия говорила: «Пребывай мыслями в Царствии Небесном и наследуешь его».

Семнадцатого февраля идёт снег. Волки гоняют свиней по глубокому снегу.

В одном женском монастыре в Верхнем Египте жила в IV веке одна подвижница. Притворялась пьяной, покрывалась рваньем, спала возле отхожего места. Когда узнали сёстры, что все ночи она плачет перед Богом, она ушла. Имя её Бог знает.

Двадцать второго февраля в Прощёное воскресение прошёл по снегу километров пятнадцать, и был рад своей келии. Снега лежит метра полтора.

У всех живых и мёртвых, которых обидел, прошу прощения: «Простите меня ради Бога!»

Двадцать третьего февраля начался Великий пост. На полуночи Старец велел готовиться к монашескому постригу в четверг первой седмицы поста.

Так знаменательно указал мне Господь в день рождения.

Родился я на священномученика Харлампия († 202 г.) Поэтому Харlamов Александр — мой друг и брат во Христе венчался в монастырской церкви у деревни Ново-Макарово. Это знаки внимания из будущей жизни, где наши предки, тезоименитые святым, молятся о нас.

Строгий пост, поскрипывает снег, приятно заунывно кричит филин.

Двадцать четвёртого февраля вызвездило, свежо и молодо пахнет снегом. Первое каждение в церкви — глоток душистого ладана.

На Великом повечерии Старец высоко и чисто пел Кондак шестой песни канона: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, имаши смутитися».

Двадцать пятого февраля на полунощнице принёс Старцу генеральную исповедь, начиная с участия в пионерской организации, о всей полупьяной, гордой и блудной жизни. Боже, очисти мя грешного!

Причастились Преждеосвященными Святыми Дарами.

Двадцать шестого февраля принял монашеский постриг в малую схиму, т.е. мантию с именем Герман во святую память преподобного Германа Валаамского — апостола Карелии.

Трижды падали ножницы со Святого Евангелия, и трижды я подымал и подавал их Господу Иисусу Христу.

Двадцать седьмое февраля прожил в алтаре, молясь у Святого Жертвеника в полном монашеском облачении.

Причастились Преждеосвященными Дарами на Литургии Григория Двоеслова.

Двадцать восьмого февраля молился в алтаре.

Причастились Святых Христовых Тайн на Литургии Иоанна Златоустого.

Двадцать девятое февраля также прожил в алтаре нашей церкви, как бы на кресте.

Причастились на Литургии Василия Великого.

— Что ти есть имя, отче? — спрашивает Старец.

— Грешный монах Герман.

— А где Георгий?

— Умер.

— Спасайся.

Первого марта осталось у меня на этих пегих, в снежных пятнах горах одно, по святым отцам, дело: цепляться за ризы Иисус Христовы.

Сошедший снег прижал к земле ранее непрходимые заросли ежевики и папоротника.

Внезапно как бы нахожу себя и недоумеваю: «Кто это?» и со счастьем вспоминаю: «Монах Герман».

Второго марта заготавливали дрова, пилили сломанные снегом акации.

Пятого марта причастились Преждеосвященными Святыми Дарами на Литургии Григория Двоеслова. Потрясающие душу слова на Великом входе: «Ныне силы небесные с нами невидимо служат. Се бо входит Царь Славы».

Шестого марта очень светло за окном, затянутым матовой плёнкой. Всю ночь шёл снег.

Седьмого марта причастились Святых Христовых Таин на Литургии Василия Великого. Старец служил и вышел из алтаря с таким сияющим лицом, что невозможно было оторвать от него взгляд.

Восьмого марта снег алмазно искрится на утреннем лёгком морозце. Снова пилили акации

на дрова, не предполагали такую снежную весну.

Раба Божия Людмила из Москвы прислала десять пар валенок на резиновой подошве. Очень хорошая обувь для здешней зимовки. Ночью на бдении можно даже не разжигать печь. Спаси её Господи за любовь!

Девятого марта клин журавлей в полсотни птиц пролетел над нами, крича, на Марухский перевал Большого хребта, в Россию. Помоги им Господи!

Если сильно натопить келию, то снятся блудные сны.

Одиннадцатого марта пёк с о. Венедимом просфоры, учился.

В пасмурном небе за тучами неярко светил жемчужный шарик солнца, тенькали маленькие синички, набухали на деревьях цветочные почки. Умиление охватило меня, грешного монаха, призванного в эту жизнь, чтобы свидетельствовать Вечную.

Двенадцатого марта снова пёк просфоры. Получились, слава Богу!

Проводил в Россию ещё один журавлиный клин. Старец рассказал, что во время отшельничества передавал с ними привет в Троице-Сергиеву лавру.

Четырнадцатого марта причастились Пречистых Христовых Таин в Крестопоклонное воскресение.

Однажды Старец волновался об о. Паисие: он долго не возвращался из зимнего леса. Старец молился и Богородица возвестила: «Придёт».

Старец написал много икон, но в братстве нет ни одной, все разошлись. Одну он хорошо помнит — преподобную Феоктисту. Она сидела на крестообразном камне. За спиной росли илиотропионы — подсолнечники, и стоял разрушенный храм.

Пятнадцатого марта густой туман и дожь. Пою победную Богодухновенную песнь Промыслу Божию Старца Серафима Вырицкого: «...всякое жало притупится, когда ты научишься во всём видеть Меня. Всё послано Мною для совершенствования души твоей, — всё от Меня это было».

В печи вьётся огненная смесь граба и акации.

Семнадцатого марта исповедались и причастились Святых Христовых Таин. Преполовение Поста.

Низкая облачность отрезает вершины холмов, как на Чукотке.

Восемнадцатого марта утром собрался, благословясь, печь просфоры. И тут внезапно нагрянули блудные помыслы такие сильные и яркие, что я поразился. Это не моё, бес, забери обратно.

Отцы учат, что в делах этой Земли смысла нет. Он — в смиренном делании этих дел. Как тянули мы прошлой осенью грузы обратно по скалам, вот это и был смысл. Так бы палки о землю избивать, как блаженная матушка дивеевская Пелагия Ивановна.

Нашего Старца благословил схиархимандрит Кирилл (Павлов), его Старец, выйти из пустыни и стать монастырским духовником. Он не хотел, но о. Кирилл благословил. Так и образовалось, слава Богу, наше братство.

Девятнадцатого марта исповедались и причастились Преждеосвященными Святыми Пречистыми Дарами.

Раннее утро. Пасмурно. Поют дрозды. Благовонный запах келии: ладана, воска, чая, хвои, огня в печи. Но, когда Господь даёт молитву, до этого уже нет дела. Ни до чего тогда уже нет дела.

На утренних тропинках следы копытцев: то ли свиньи, то ли бесы.

Двадцатого марта тихо вьётся вечерний дым из трубы. Видимое благополучие, и неслышимый немолчный хохот бесов надо мной, таким дерзким монахом. Только в одной Иисусовой молитве и есть мне надежда спасения.

Как только отошли помыслы, так сразу начался шакалий вой подобный автомобильной сирене.

Пол ночи были сильные страхования, пол ночи — попытки осквернить во сне, не допустить до причастия Святых Таин. Бес показывал такие картинки, что пришлось неурочно стать на молитву. И вот уже свет лампады сливается со светом зари.

Исповедался Старцу и причастился Пречистых Христовых Таин.

Советы иеросхимонаха Парфения Киевского (из дневника старца Сампсона):

Без молитвы не снести уединения.

Без уединения не стяжать молитву.

**Непрестанная молитва,
как болячка в сердце.**

**Радость монаха —
непрестанная молитва.**

Священномуученику Харлампию молятся, как ходатаю перед Господом о сохранении от внезапной смерти. Вот уж кто ноги за тебя истоптал, Саша!

Двадцать первого марта причастились Святых Христовых Таин на Литургии Василия Великого.

Монах без келии, как рыба без воды.

Двадцать второго марта пошли, благословясь, с о. Вассианом в горы на разведку. Весь день шли по заросшему самшитом и рододендроном ущелью со множеством ручьёв и водопадов.

Нежно бледно-розово цветёт дубравница в ёщё голом сквозном лесу.

В пятьдесят три года утешил меня Господь прежним образом: четырежды бродили через ледяную реку.

Двадцать третьего марта поднялись в пихтовую зону. Солнечный жаркий день на снегу: молятся о нас. Снега не меньше метра. Глаза отдохивают на чёрной хвое пирамидальных пихт. Потрапезничали на сухой проталине.

Река внизу вздулась и помутнела.

Двадцать четвёртого марта столбом подымается синий дым бденного костра. Сушатся ботинки.

Долго шли вдоль реки. Вода так прибыла, что сбила с ног, когда переходил реку. Но успел выбраться, слава Богу.

В большой долине стоит запах первого летнего зноя. На поворотах тропы густо доносит аметистовой фиалкой. Кажется, что и сам ты, пёс смердящий, относишься к этим чистым запахам.

Двадцать пятого марта в скиту белыми облаками цветёт алыча. Монотонно, как река, гудят пчёлы.

Испёк с Божьей помощью просфоры.

Двадцать шестого марта исповедались и причастились Святых Христовых Таин. Перед причастием началось нестроение среди братии: ополчается бес.

Похвала Пресвятой Богородице. Украсили Её икону большими жёлтыми нарциссами.

Двадцать седьмого марта утром стоял запах цветущих садов. В детстве были заброшенные казачьи сады в станице Славянской на Кубани. Теперь — заброшенные греческие сады.

В кронах грабов появился лёгкий желтовато-зелёный туман.

Авва Исаак Сирин пишет, что мир — это желание вещи, тела, чести, власти, славы, убранств и страх за своё тело. Никто не может приблизиться к Богу, не удалившись от мира.

Он же пишет, что желающий себе чести не может иметь недостатка в печали.

Двадцать восьмого марта исповедались и причастились Бессмертных Христовых Таин. Осталось увидеть одно полнолуние до Пасхи.

Двадцать девятого марта спустился в Сухуми и узнал, что после мучительной болезни преставился Олег Сусин, мой старый друг и брат во Христе. Его отпели в Покровском Соборе Севастополя.

Тридцатого марта возвратился в скит. Дождь. Цветут груши, как в Таджикистане с Олегом. Ночью отслужили молебен об упокоении души новопреставленного раба Божия Олега.

Первого апреля снег снова выпал на высоту одного километра. Похолодало. Так и живём. Испёк просфоры.

Авва Исаак Сирин пишет, что всякая молитва, которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется заодно с недоношенным плодом чрева.

Второго апреля исповедал Старцу, что, как язычник, выпил, скорбя, за упокой души Олега сто граммов спирта.

— Что ты — мужик какой? — спросил Старец.
— Ты молись за него.

Третьего апреля, Лазарева, друга Господня Лазаря, суббота. Воскреси и меня, Господи, многолетнего мертвеца!

Ночью ударили мороз и выпал снег. Совсем белы стали цветущие груши, под которыми умирают. Но пришёл под них Христос! Причастились Пречистых и Животворящих Безсмертных Христовых Таин.

Четвёртое апреля — Вход Господень в Иерусалим, Вербное воскресение. Исповедались и причастились Христовых Таин.

Пятого апреля началась Страстная седмица, Великий понедельник. Ночью мороз -5°C . Все цветы окаменели.

Благословясь, испёк просфоры.

Попробовал жечь в келии по ночам керосиновую лампу, но от неё много чада.

Шестого апреля с шести утра до полудня — служба Великого вторника. Потом пилил буковые брёвна на дрова. Тяжело переношу строгий пост. Исповедался Старцу.

Днём было $+25^{\circ}\text{C}$, снег срочно растаял.

В 15 часов началась Всенощная Служба Благовещению Пресвятой Богородицы.

Седьмое апреля — Благовещение. В алтаре стоял такой свет, что сердечное место уязвлялось даже от слабой молитвы.

Причастились Безсмертных Христовых Таин.

Уступки в Православной вере смертельны. В 1453 году турки захватили принявший унию Константинополь. Закатилась византийская звезда. Не то, чтобы уния не спасла, а уния погубила.

Восьмое апреля. Воспоминание о Тайной Вечери.

Выпекая просфоры, со страхом думал, во что они, даст Бог, претворятся.

Десятого апреля в час ночи начали службу Великой субботы.

Днём благословили сделать творожно-сливочную «царскую» пасху с изюмом, миндалём и ванилью.

Лёгкая душа.

Одиннадцатого апреля причастились Великих и Страшных Христовых Таин на Пасху Господню. Христос воскресе!

Легко живу я у Бога моего, во всём помогает и охраняет.

Зашёл ночью в наш простенький храм. У Царских врат в темноте раскрылись большие белые лилии с пурпурными крапинками внутри совершенной красоты. Пахло, как на острове Патмос.

Двенадцатого апреля на Светлую Седмицу по благословению Старца ушли в горы.

Переходя реку вброд с тяжёлым рюкзаком по пояс в воде, поторопился и на стремнине не ус-

тоял. Как вышел, не помню. Ангел вынес. Прости, Господи!

В самшитнике уже полно клещей.

Ночью высох у костра. Большая вода, река грохочет, белая в ночи от пены.

Тринадцатого апреля начали подъём на передовой хребет. Накрапывал дождь, было хорошо идти, не жарко.

Снег растаял до высоты двух километров.

Над костром восходит под утро Северная Корона.

Четырнадцатое апреля. День и ночь идёт дождь. Кое как теснимся в маленькой палатке. Бдящий поддерживает огонь большими валежинами. Река и ручьи гудят от переполнения.

Пятнадцатого апреля сплошной дождь и туман. Мокрая одежда и спальные мешки. У костра сохнем и мокнем.

Шестнадцатого апреля в три часа ночи дождь утих, я развёл большой костёр и согрелся, негодный монах. Высушил обувь.

С рассветом увидели, что снег снова выпал на высоту полутора километров. Пихты в серебре, скальные гребни припудрило. Гора стоит — красавица.

Вошли в пихтовую зону с подлеском лавровицами. Плотный сырой снег хорошо держит.

Нашёл в ручье валуны ярко красной яшмы.

Остановились в альпийской зоне выше двух километров. Снежный покров два-три метра. Сплошной туман, видимость пять метров. Спугнули горную индейку — улара.

Возвратились на границу лесной и альпийской зон. Развели под пихтой костёр. Поставили палатку на снег, на пихтовый лапник. Царь и Отец наш небесный чудно промышляет о нас!

Семнадцатого апреля ночью был небольшой мороз -5°C и снежная пыль. Сухого хвороста мало, жжём сырой бук, хорошо горит на ветру.

В три часа вызвездило, скрипит снег. Гора — вот она. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!

В пять часов утра снова всё потонуло в тумане и снежной пыли. Бдительно кричит филин.

Открылся восход: внизу — голубой топаз, вверху — винный. И пошёл крупный тихий снег.

Натопил снега, скоро разбужу братию.

Снег падает весь день. Заканчивается Светлая седмица.

Восемнадцатого апреля сильный ветер и мороз затрудняют бдение у костра. Фомина неделя.

В пять часов утра, помолясь, пошли с о. Васианом на вершину хребта. За шесть часов поднялись в связке, кое-где страхуясь на фирновых взлётах и скальных гребнях.

Господь дал всё, в том числе солнечную погоду и хороший наст.

Пирамидальные вершины Кавказского хребта: Пшиш — 3790 м, Каракая — 3892 м, София — 3637 м подчёркнуты тонкой линией облаков. Бескрайняя снежная скальная пустыня гор легла перед нами, как прекрасное творение Божие.

После полудня начался сход небольших снежных лавин.

Благополучно спустились, благодаря Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во Единой Святой Нераздельной и Неслиянной Троице.

Девятнадцатого апреля — тихое звёздное бдение на снегу у костра. Молюсь и сушу обувь.

За день спустились к реке. Спускаясь по снегу, видели, что по нашим старым следам прошёл любопытный медведь почти след в след.

Внизу — ярко-зелёные новые листья на буках, цветут высокие лесные черешни. Почва изрыта дикими свиньями.

Накопилась усталость, едва иду. Дает знать раненая нога.

Двадцатого апреля — бдение возле шумной реки. Речная пыль оседает на роскошные рододендроны.

Выпустила молодые кислые побеги реликтовая кавказская черника. Образует высокие заросли. Молодые листья можно есть сырыми, делать супы и салаты, заваривать чай, что и делали, благодаря Бога.

Валуны вдоль реки омыты высокойочной водой и высушены утренним солнцем. Чистая дорога, запах чистоты.

В самшитнике поют соловьи.

Ниже в долине цветут синие, как памирский лазурит, незабудки. Помоги, Господи, не забывать Тебя ни на минуту.

Двадцать первого апреля исповедались Старцу. У порога моей келии зацвели белые лесные

пионы. К ним хорошо подходит кукушкин крик.

Двадцать второго апреля причастились Святых и Страшных Христовых Таин. Латунный оклад Апостола холодит губы.

Идёт зелёный огородный дождичек милостию Божией. Болит нога.

Двадцать четвёртого апреля ночь и день идёт дождь. Возрастает пышная зелень. Гераклеум выбросил из земли огромные резные листья.

Исповедались Старцу.

Двадцать пятого апреля на праздник жен-мироносиц причастились Животворящих Христовых Таин. С праздником, дорогие жены!

Авва Исаак Сирин передаёт нам:

Благословил Бог, чтобы возлюбленные Его, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в одиночестве, нужде, болезни, унижении, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утруждённом теле, в отречении от сродников, в печальных мыслях.

Пятого мая всю ночь служили и утром причастились на Преполовение Пятидесятницы.

Лес пропах цветущим боярышником. Кусты стоят ночью в белом ангельском облачении.

Красиво кукует кукушка, нежно. Но иногда вдруг собьётся и так страшно захоочет, что оторопь берёт.

Седьмого мая испёк просфоры. Предгорья озеленели, где-то внутри их в полной тишине слышна автоматическая стрельба.

Девятого мая — День Победы. Неделя о самаряныне. Как чудно она беседовала с Господом Богом Иисусом Христом у колодца, и как страшно мучили её за это иудеи, и разорвали, привязав к двум финиковым пальмам.

Исповедался Старцу.

Старец так ловко и тщательно совершаet каждение. Кадильница с благовонным дымом взлетает точно к моему носу. Приятно.

На трапезе Старец благословил выпить по 50 граммов виноградного вина за Российскую Победу.

Одннадцатого мая собирались уйти в горы, но с моря надвинулись туман и дождь.

Авва Исаак Сирин называет одним из признаков болезни — преимуществование в видимом. А надо преимуществовать в невидимом. Господи, помоги!

Тринадцатого мая продолжается дождь, переходящий в тропический ливень. Тропы превратились в ручьи.

Сижу в своей келии и думаю, как всё-таки глупо, простите, и невежественно быть рабом Валечек, Машенек, хризантем, гор, океанов и не быть рабом Творца своего и Господа Бога.

Четырнадцатого мая вся вода вылилась, беззобачное небо. Утром, взяв благословение Старца, вышли с о. Григорием по намеченному маршруту.

Река Новый Иордан серая от песка и глины мчит, как поезд, снесла все спиленные для переправы деревья.

Спилили ещё одну большую ольху на берегу, и она, слава Богу, легла удачно.

Слоны гор покрыты празднично цветущими кустами рододендрона понтийского, непроходимой «рододы». Розовые, сиреневые, лиловые соцветия — полусфера горят в зелёном лесу.

Папоротники в пойме реки поднялись на два метра, как на Борнео. Над ними высокие павловнии несут на голых кронах большие бледно-лиловые гроздья цветов.

Пятнадцатого мая утром пошли по ручью, потом по хорошей тропе, благодаря Господа Бога. Солнечное утро, тропа, сиреневый туман «рододы».

Вечером небо нахмурилось, начался дождь, но тут подвернулась заброшенная пасека, и мы славно заночевали под шум дождя.

Шестнадцатого мая было воскресение, днёвка. Читали Евангелие и ожидали погоды.

Встречный охотник рассказал, что медведь разорил здесь три улья и съел за ночь килограммов сто мёда и воска.

Медведи в этом краю ложатся спать 24–25 декабря и встают 22–24 марта.

Семнадцатого мая низкие, метров восемьсот, облака — дожди тянутся по горам. Сидим чуть ниже, жжём костёр под навесом и смотрим сквозь дождь картину «боя».

Первый мёд пчёлы берут с рододендрона ещё до цветения акации, каштана и липы. Этот мёд

опасен: он парализует человека на несколько часов. Обычно его откачивают и делают из него самогон.

Дождевой туман наклонёнными вперёд белыми фигурами движется по горному лесу.

Вечером выдалось «окно» среди дождя. Сходили на гребень хребта, определились. Поели сочных кислых цветов кавказской черники. Встретили оленя.

Восемнадцатого мая в три часа ночи высыпали звёзды. Утром пошли вверх по черничникам (высотой до двух метров) и рододендронникам.

Черничники — ерунда.

Родода — вот это да!

Но, поскольку нет для нас уже времени, кончилось, шли мы по зарослям спокойно с «Господи, помилуй».

В конце дня среди многочестия розовых и лиловых кустов встретился один белоснежный Богородичный куст.

Высота гибких зарослей рододендрона два-три метра, иногда четыре. Часто до земли не достать, и ступаешь по пружинящим ветвям.

Девятнадцатого мая ночью на буковой поляне был лёгкий воздух. Жарко горел костёр, но было тревожно.

Утром начался дождь, шли под дождём в высоких папоротниках. И, как Отцы, которые не взирают на мир по причине упоения Господом, смотрели под ноги, чтобы не упасть на ходу.

Авва Исаак Сирин просит нас: да не останавливаемся в течении на поприще, потому что в

одном маловажном случае можно нам восхитить победу и получить венец.

Двадцатого мая причастились в скиту Святых Христовых Таин на Вознесение Господне.

На стенах келии висят, подсыхая, мокрые одежда и снаряжение.

Двадцать третьего мая причастился Святых Христовых Таин на праздник Святых Отцев I-го Вселенского Собора. Вышел из храма с тихой радостью. На молодых акациях белеют душистые гроздья.

Двадцать четвёртого мая в полуденный зной собирали с о. Терентием майский чай, три верхних листочка, на густо заросших ожиной и папоротником чайных кустах.

Двадцать шестого мая утром исповедались Старцу и ушли по благословению в горы.

Рюкзак небольшой — двадцать килограммов, но молодые сразу взяли такой темп, что заболело истерзанное страстями сердце.

Идём в тумане по заросшему жёлтым рододендроном — азалией — гребню. Пряный табачный аромат цветов азалии угнетает дыхание.

Срезали с каштана сросток, килограмма на три, оранжевых грибов с белой мякотью, именуемых здесь «курятиной». На поваленных буках много свежих грибов вешенок. Бог даст — проживём.

Двадцать седьмого мая утром выяснилось, что в тумане незаметно повернули и весь день шли в противоположную сторону.

Двадцать восьмого мая продолжается дождь в тумане. Служили молебен о даровании вёдра.

Смотрел тюремные фотографии монахов Ново-Афонского монастыря, расстрелянных в 1930 году. Как по душе мне их лица!

Тридцатого мая причастились на Святую Троицу Божественных Таин Тела и Крови Христовых.

Сверхточные электронные удостоверения этого мира — от князя этого мира. А наши всё упования — в будущем веке. Там и удостоверимся.

Второго июня идёт дождь. Холодное сырое лето.

Четвёртого июня в тумане лиловаеет рододендрон. Разбили под дождём бивак. Пожарили на прутьях молочные древесные грибы — «куриатину». Слава Богу!

Пятого июня полная луна высвечивала в буровом лесу яркие поляны. Бдение.

Ясным утром, помолясь, пошли вверх. Там весна Господня. Таёт снег и голубые пролески цветут на голой земле. Просто и превосходно.

+ + +

*— Бог тебя, цветочек, греет и ласкает,
В нежно голубое платье одевает,
Направляет в корень чистые ручьи,
И слышны на тропах возгласы мои.*

*— Так мы исполняем Волю Всеблагую:
Для тебя весеннюю свежесть берегу я.
Чтобы здесь отцветшую за четыре дня
На Другую землю ты забрал меня.*

Большие буквы вдоль тропы исписаны абхазскими, русскими, греческими, грузинскими и

армянскими именами, начиная с 1932 года. Иногда на коре встречаются православные кресты.

Поздним вечером снежные горы имеют суровый вид.

Шестого июня был перламутровый восход над горами. Воскресение Господне. Днёвка.

Седьмого июня шесть часов падали вниз по склону в густые заросли рододендроны и лавровишины. Яркие цветы раскачивались на ветках. В чащах ветвей одолевал гнус. Горьковато, как ликёр «Амаретто», пахла лавровишина.

Возвращаться той же дорогой не было сил и времени. Взмолились, чтобы Господь вывел, и пошли вверх по речке, обходя скалами водопады. В поздних сумерках из последних сил вышли на хребет. Так начался Петров пост.

Восьмого июня шли по гребню. По южному перистая листва каштанов врезалась в синее небо. Вечером нажарили грибов вешенок.

Девятого июня девять часов спускались, молясь, по хребту в непрерывном дожде и тумане. Резиновые сапоги, прорезиненная куртка и штаны облегчали дорогу в это время в этих горах.

Тринадцатого июня причастились Святых Безсмертных Христовых Таин, на праздник Всех Святых в земле Российской просиявших.

Четырнадцатого июня три седых старика, о. Анастасий, о. Владимир и о. Герман, Божией милостью шли с ношами по горам.

Пятнадцатое июня. Так уж у нас дожди залили, что со страхом слушаешь: не стучит ли по тенту, не накрапывает ли? Хорошо для смире-

ния плоти идти в ливень по сплошной рододе с двадцатикилограммовым рюкзаком, но тяжело.

На рассвете, проспав, наверно, как я, закричал филин.

Шестнадцатого июня шли двенадцать часов. Лёгкое утро на тропе со свежим запахом выкупанного ребёнка, усталость полудня, хлещущая по лицу вайями папоротников, и безсильное подтягивание на ветвях лавровиши и рододендрона вечером. Подай, Господи!

Семнадцатого июня разбили бивак в условленном месте и приготовились встречать транспорт. Да укроет нас Матерь Божия!

Восемнадцатого июня проводил отцов и остался с Богом. Сделал навес, стол, нары.

Девятнадцатого июня встретил транспорт. Хорошо иметь садовую складную пилу для пропиливания тропы в зарослях кустарников.

Бог и Господь наш Иисус Христос всё объяснил. Святые отцы испробовали. Выход есть. Нужно ожить в Господе раньше смерти тела.

Двадцатое июня. Воскресение. Короткие грозовые ливни. Монах. Пустыня. Нелегко умирать.

Двадцать первого июня молитва не идёт, унываю. Лезут в голову всякие попечения: «Запасись побольше дровами. Что будешь делать, если затянутся дожди?» — «А что буду делать, если умру непрощённым?» — «Ты уже не можешь без обезболивающих таблеток ходить по горам». — «Господь терпел, и нам велел».

Бог дал хорошее место: дым костра стелется в подлеске рододендрона и лавровиши и рассеян-

вается в кронах высоких пихт. Дым не выдаёт меня.

Сходил за водой к ручью за один час туда и обратно. Вымыл в ручье ноги, зад и зубной протез.

Двадцать второго июня пихты в тумане.

Птицы уже привыкли: дятел долбит в двадцати метрах, серые крохи суетятся совсем рядом.

Двадцать третьего июня блестят под дождём глянцевые, как у фикуса, листья рододендрона. Изредка в тумане проглядывают скалы со снегом.

Ночью Господь умирил в молитве страстное сердце.

Шёл весь день. Насквозь промок. Выглянуло солнце. «Скройся, — сказал я. — Христос — моё солнце». И оно зашло. Едва успел сделать навес из плёнки на ночь и развести большой неугасимый костёр, как началась сильная гроза с дождём. На гребне хребта многие пихты обожжены молнией и сгорели.

Двадцать пятого июня шёл по тропе, стряхивая воду с кустов рододендрона. Только ходить и умею, Господь и даёт по умению.

Двадцать седьмого июня пришёл в скит, исповедался и причастился Святых Христовых Таин.

Двадцать девятого июня шли в пустынь с о. Антипой.

В нижних лесах цветёт и пахнет на все горы благородный каштан.

Тридцатого июня к ночи пришли в пустынь. По дороге встретили большого кабана, сначала

подумали, что олень. «Господи, помилуй! — сказал о. Антипа о пройдённой дороге. — Дебри».

Первого июля идёт дождь, в лесу стоят влажные сумерки.

Второго июля ночью на высоту 2200 метров выпал снег, похолодало. Утром хорошая, ясная погода, и пришёл транспорт. Большая часть груза съестных припасов при этом разбилась.

Так устал, что нет сил подняться ночью на бдение.

Пятого июля, благословясь, врыли с о. Димитрианом первые четыре каштановых столба, в основание пустыни.

Шестого июля дымно горит в костре пихтовое смольё. Будто пятна лунного света в лесу фосфоресцирует гниющая древесина.

Под утро сходил за водой и нарвал черничного листа на утренний чай.

Валили пихты и шкурили брёвна.

Седьмого июля с Божьей помощью сделали каркас келии.

Восьмого июля нашли в лесу поляну под огород. Ветром доносит густой коричный аромат благородного каштана.

Девятого июля — труды тяжкие, всё тело ноет. Господи, помоги! Усталость валит с ног.

Десятого июля кололи каштановые брёвна. Кололи двухметровые отрезки двумя топорами, деревянными клиньями и колотушкой.

Божий дар пустынножителям — дерево благородного каштана: прочная красивая древесина не гниёт и легко колется на доски, из цветов

пчёлы берут каштановый мёд, плодами кормится зверь и человек.

Одиннадцатого июля — воскресение Господне и праздник святых преподобных Сергия и Германа Валаамских. День тезоименитства. Отче Германе, моли Бога о мне!

Пили чай на цветах древовидной бузины и листьях черники, потом на молодой пихтовой хвое, листьях черники и ежевики.

Братия пропели мне «Многая лета....»

Только из одного места неподалёку видны горы, синее небо, безкрайний простор такой, что дух захватывает. Но в том-то и дело, что дух захватывается. А вокруг келии лишь деревья и заросли рододендронов, и Христос с тобою.

Тринадцатого июля шёл по речке вверх. Когда вышел из речной теснины на папоротниковое плато, тишина оглушила меня.

По благословению хожу один, с Ангелом, как в геологические годы. Вечером прочёл у костра помянник здешних и отшедших. Вы все, мои дорогие, у Бога на слуху. Прости мою дерзость, Господи! Помолитесь обо мне.

Четырнадцатого июля ночью медведь поместил тропу через каждые два-три километра на возными кучами.

Крысо-белки (сони-полочки) бросали по костру скорлупой буконых орехов.

Встретил в лесу на тропе своего Старца. Верхом на ослице он направлялся в пустынь. На восьмом десятке лет старец весит всего лишь 44 килограмма. «Бог да благословит тебя, чадо!» —

сказал он с улыбкой, налагая крестное знамение.

Семнадцатого июля причастился Святых Христовых Таин в день мученической кончины Святых Царственных Страстотерпцев от безбожной власти избиенных.

Двадцать первого июля внизу, на гребнях, уже поспела черника. Крупные кисло-сладкие ягоды рясно висят на ветвях, утешая странников.

Двадцать второго июля шли в пустынь с о. Иоанниkiem. Несли тяжёлые ноши пока не заболело сердце. Сердце первое не выдерживает.

Двадцать пятого июля в полночь начали читать часы, изобразительные и причастились Святых Христовых Таин.

Двадцать шестого июля трое отцов ушли: не подходит климат, очень влажно, сырьо и холодно.

Весь день валили пихты.

Одолевал овод, летящий на потную кожу.

Двадцать седьмого июля пилили, рубили, копали. «И захочешь уйти, а не уйдёшь, — сказал о. Иоанникий. — Ни дороги, ни сил нет».

С крыши деревянного балагана упало бревно и ударило по плечу. Господи, помилуй!

Двадцать девятого июля от усталости и немощи в конце дня навалилось уныние. Господи, помоги!

Тридцатого июля свалил большой сухой каштан, опасно нависший над строительной площадкой.

Тридцать первого июля приходил бурый медведь. Осмотрел все и ушёл ворочать коряги на склоне. Тоже нелегко живёт.

Первого августа причастились Святых Христовых Таин на прославление преподобного отца нашего Серафима Саровского.

Второго августа, на Илию-пророка из верховий подул холодный ветер.

Испёк на костре лепёшки.

Третьего августа неожиданно снова началась непогода. Дождь залил котлован, выкопанный о. Иоанниkiem под землянку.

Четвёртого августа шли вверх по реке, лил холодный дождь. Вечером вышли на поляну, заросшую золотыми девясилиями.

+ + +

*Это братия мои. Отойди!
Убери свою грязнную лапу!
У тебя еще все впереди:
Будешь гнать по этапу.*

*Уж какие ни есть, а мои.
Нас Господь собирал воедино.
Породней, покрасивей — ушли,
А вот с этими сгину,*

*Чтобы Русское Солнце — Христос
На Кавказе сияло,
Чтобы каждый народ не «тянул
На себя одеяло».*

*Чтобы в самой жестокой нужде
Мы могли помолиться.
На Последнем, на Страшном суде
Без «шестерок» на лицах.*

Конец и Богу нашему
СЛАВА!